

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКИЙ.

1899.

№ 1.

ЯНВАРЬ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВЕНЬИ:

Стр.

Литературная борьба съ магометанствомъ, язычествомъ и равинизмомъ въ средніе вѣка. Профессора богословія, *Прот. Т. Буткевича* . . . . . 1—22

Отвѣтъ старокатолическому профессору Мишо. По вопросу о Ппаque и Пресуществленіи (продолженіе). Профессора *А. Ф. Гусева* . . . . . 23—50

Посланіе римскаго папы Льва XIII. о сохраненіи восточныхъ обрядовъ. *Дмитріевича Архимандрита Рафаила*. . . . . 51—66

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКИЙ.

Главнѣйшая причина религиозныхъ сомнѣній и невѣрія. *Н. М.* . . . . . 1—17

О случайности законовъ природы. * * * . . . . . 18—40

Восемь поученій о Миссіонерскомъ дѣлѣ (продолженіе) . . . . . 1—8

Воззваніе . . . . . 1—2

III. ЛИСТОКЪ ДЛЯ ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе. Высочайшія награды.—Отчетъ о лѣтнихъ педагогическихъ курсахъ для учителей второклассныхъ церковно-приходскихъ школъ, учрежденныхъ въ г. Харьковѣ въ 1898 году.—Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 1897/98 учебный годъ.—Епархіальныя повѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 17.

1899.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный. Въ который входятъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзорныя замѣчательныя современныя явленія въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ, все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльныя олучанія изъ ихъ жизни, болѣе и менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлая мысль языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко въ природѣ челоуѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №. Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 рублей, а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗБОРКА ВЪ УПЛАТУ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной Семинаріи, при свѣчной лавкѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, контора В. Гиляровскаго, Стефановиковъ переулокъ, д. Корзинкина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 7 р. за каждый годъ; по 8 р. за 1890—1892 г., и по 9 р. за 1893—1896 годы.

Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 75 р. съ пересылкою.

Кромѣ того, въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Живое Слово“. Сочиненіе пресвященнаго Амвросія. Цѣна 50 к. съ перес.
2. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Brentano. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.
3. Справедливы ли обвиненія, вводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“ Сочиненіе А. Редествина. Цѣна 60 к. съ пересылкою.
4. Последнее сочиненіе графа Л. Н. Толстого „Царствіе Воже вънутри васъ“. Критическій разборъ. Цѣна съ пересылкою 60 коп.
5. „Папство, какъ причина раздѣленія Церквей, или Римъ въ своихъ сношеніяхъ съ Восточною Церковію“. Докторское сочиненіе о. Владимира Сетха. Переводъ съ французск. Б. Истомина. Харьковъ. 1895. Ц. 1 р. съ перес.

ОГЛАВЛЕНІЕ

СТАТЕЙ

БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКОГО ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

— ❧ Т. I.—Ч. I. ❧ —

ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ.

Литературная борьба съ магометанствомъ, язычествомъ и раввинизмомъ въ средніе вѣка.—*Профессора богословія, Прот. Т. Буткевича* (стр. 1—22).

Отвѣтъ старокатолическому профессору Мишо. По вопросу о *Filioque* и Пресуществленіи.—*Профессора А. Ѳ. Гусева* (стр. 23—50, 79—102, 143—187, 243—288).

Посланіе римскаго папы Льва XIII о сохраненіи восточныхъ обрядовъ.—*Антіохійскаго Архимандрита Рафаила* (стр. 51—66).

Слово въ день преподобнаго Антонія Великаго. О значеніи вѣры и благочестія въ жизни христіанина.—*Профессора богословія, Прот. Т. Буткевича* (стр. 67—78).

Педагогическія воззрѣнія свв. отцовъ и учителей церкви.—*Н. Мирянова* (стр. 103—112, 349—364) ¹⁾.

Бесѣда въ храмовой праздникъ Собора 3-хъ Святителей.—*Законоучителя 3-й Харьковской Гимназіи, Свящ. Петра Ѳомина* (стр. 113—121).

Борьба съ невѣріемъ въ эпоху возрожденія наукъ и искусствъ.—*Профессора богословія, Прот. Т. Буткевича* (стр. 122—142).

Высокопреосвященный Сергій, митрополитъ Московскій.—*Профессора И. Корсунскаго* (стр. 188—204, 289—300) ²⁾.

Слово, произнесенное въ недѣлю о блудномъ сынѣ. О сокрушеніи сердца.—*Пресвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго* (стр. 205—220).

Борьба съ англійскимъ деизмомъ XVII и XVIII вѣка.—*Профессора богословія, Прот. Т. Буткевича* (стр. 221—242).

Борьба съ французскимъ вольномысліемъ XVIII вѣка.—*Профессора богословія, Прот. Т. Буткевича* (стр. 301—327, 375—399).

Оцѣнка ученія протестантовъ объ антихристѣ—папѣ.—*Профессора А. Бялева* (стр. 328—336).

¹⁾ Продолженіе—и во 2-й части: см. оглавленіе.

²⁾ Тоже

Ученіе о боговдохновенности Св. Писанія въ средніе вѣка.
Д. Леонардова (стр. 337—348).

Бессѣда, произнесенная въ недѣлю Крестопоклонную. О благо-
разумномъ разбойникѣ.—Преосвященнаго *Амвросія*, Архіепископа
Харьковскаго (стр. 365—374).

Историческій очеркъ возрѣшій на нравственно-юридическую
вмѣняемость еретикамъ ихъ лажеученій въ христіанскихъ церк-
квахъ.—*И. Наумова* (стр. 400—411, 456—482) ¹⁾.

Свидѣтельства апостольскихъ посланій о существованіи символа
вѣры въ вѣкѣ апостольскій.—*И. Мысогорскаго* (стр. 412—426).

Поученіе во 2-ю недѣлю Св. Четырдесятницы. О разслабленіи
духовномъ, какъ причинѣ болѣзней.—*Свящ. Даніила Попова*
(стр. 427—433).

Рѣчь, произнесенная въ собраніи харьковскаго общества пче-
ловодовъ и любителей пчеловодства. Этическія черты пчеловодства.
—*Профессора богословія, прот. Т. Буткевича* (стр. 434—455).

Борьба съ невѣріемъ въ Италіи.—*Профессора богословія,
Прот. Т. Буткевича* (стр. 483—492).

Воскресеніе Господа и явленія Его ученикамъ по воскресеніи.—
Ив. Гльбова (стр. 493—513, 577—604, 631—649, 693—708) ²⁾

Христіанскія мысли по нѣкоторымъ вопросамъ общественной
жизни.—*Прот. Ст. Остроумова* (стр. 514—532, 650—666,
709—718).

Слово, въ день священнаго коронованія Благочестивѣйшаго
Государя ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА.
О благодарности къ Богу.—Преосвященнаго *Амвросія*, Архіепископа
Харьковскаго и Ахтырскаго (стр. 533—548).

Вульгарный раціонализмъ въ Германіи и борьба съ нимъ.—
Профессора богословія, прот. Т. Буткевича (стр. 549—576).

Невѣріе XIX вѣка.—*Профессора богословія, Прот. Т. Бут-
кевича* (стр. 605—630, 667—692, 731—752) ³⁾.

Евангельскія заповѣди о „блаженствахъ“, какъ ученіе о выс-
шихъ степеняхъ христіанской нравственности сравнительно съ
ветхозавѣтнымъ закономъ.—*Д. Добросмылова* (стр. 719—730).

О началѣ письменности у евреевъ.—*Свящ. Гр. Мозолевскаго*
(стр. 782—794).

¹⁾ Продолженіе—и во 2-й части: см. оглавленіе.

²⁾ Тоже.

³⁾ Тоже

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА

ВѢРА И РАЗУМЪ

въ 1899 году.

Издание богоооловоко - филооофскаго журнала „Вѣра и Разумъ“ будетъ про-
должаемо въ 1899 году по прежней программѣ. Журналъ, какъ и прежде,
будетъ состоять изъ трехъ отдѣловъ: 1) Церковнаго, 2) Философскаго и
3) Листка для Харьковской епархіи.

Журналъ выходитъ отдѣльными книжками ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и
болѣе печатныхъ листовъ въ каждой книжкѣ, т. е. годовое издание журнала со-
стоитъ изъ 24 выпусковъ съ текстомъ богословско-философскаго содержанія до
220 и болѣе печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое издание внутри Россіи 10 р., а за-границу 12 р.
съ пересылкою.

Разсрочка въ уплатѣ денегъ не допускается.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и
Разумъ» при харьковской духовной семинаріи, при свѣтлой лавкѣ харьковскаго
Покровскаго монастыря, въ харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ
остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ
Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскін
линіи, контора В. Гиляровскаго, Столѣнниковъ переулокъ, д. Корзинкина; въ
Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ ос-
тальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣст-
ныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полные экзем-
пляры ся изданія за прошлые 1884—1889 годы включительно по умень-
шенной цѣнѣ, а именно по 7 р. за каждый годъ; по 8 руб. за 1890—1892 г.,
и по 9 р. за 1893—1896 годы.

Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ
можетъ быть уступленъ за 75 р. съ пересылкою.

Кромѣ того въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Живое Слово“. Сочиненіе пресвященнаго Амвросія. Цѣна 50 к. съ перес.
2. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Brentano. Съ
французскаго перевелъ Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.
3. Справедливы ли обвиненія, взводимыя графомъ Львомъ Тол-
стымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и го-
сударство?“ Сочиненіе А. Рождествина. Цѣна 60 к. съ пересылкою.
4. Последнее сочненіе графа Л. Н. Толстого „Царствіе Вожіе внутри
васъ“. Критическій разборъ. Цѣна съ пересылкою 60 коп.
5. „Цапство, какъ причина раздѣленія Церквей, или Римъ въ сво-
ихъ сношеніяхъ съ Восточною Церковію“. Докторское сочненіе в. Вла-
димира Гегге. Переводъ съ французскаго К. Истомина. Харьковъ. 1895. Цѣна 1 рубль
съ пересылкою.

Πίστει νοοῦμεν.

Върою разумъваемъ.

Евр. XI. 3.

Дозволено цензурою. Харьковъ, 15 Января 1899 года.

Цензоръ Протоіерей *Павелъ Солтисъ.*

Литературная борьба съ марометанствомъ, язычествомъ и раввинизмомъ въ средніе вѣка.

Въ средніе вѣка не было какихъ либо особенныхъ побужденій для усиленной апологетической дѣятельности христіанскихъ ученыхъ. Язычество было побѣждено; гидра свободо-мыслящей философіи не дерзала приподнять своей головы. Настало время всеобщаго затишья и застоя; жизнь двигалась слишкомъ медленно, едва замѣтно. Ни свѣжей мысли, ни новаго пути; утомленное предшествовавшее, слишкомъ энергическою, оживленною, крайне напряженною и ожесточенною борьбою двухъ началъ міровой жизни, человечество какъ бы предалось временному покою и отдохновенію; въ религіозномъ отношеніи христіанское общество занималось только, такъ сказать, своею внутреннею жизнію, своими собственными дѣлами. Ово приводило въ порядокъ и систему свое ученіе, раскрытіе котораго началось еще съ 4-го вѣка; боролось съ ложнымъ пониманіемъ и искаженіемъ его вѣроученія или ересями; занималось развитіемъ и благоустройствомъ своей внѣшней жизни, церковной дисциплины, суда, взаимныхъ отношеній между членами христіанской церкви и т. п. Но аріанство, несторианство, монофезитство или споръ донатистовъ ничего не могли принести, что бы содѣйствовало развитію христіанской апологетики. Ихъ значеніе въ этомъ отношеніи чисто отрицательное: ослабляя силы ученыхъ представителей христіанской мысли и привлекая ихъ къ внутренней борьбѣ, они значительно содѣйствовали усилению враждебныхъ христіанству эле-

ментовъ, которые впослѣдствіи дѣйствительно снова возбудили среди христіанскихъ богослововъ апологетическую дѣятельность. Впрочемъ, Восточная церковь, находясь среди крайне неблагопріятныхъ условій жизни политической и, наконецъ, подавленная тяжелымъ игомъ магометанскихъ завоевателей, вынуждена была къ жизни крайне замкнутой, преимущественно въ формѣ монашества и аскетическаго самоуглубленія. Не развивать свою дѣятельность, а сохранить во всей чистотѣ и неприкосновенности христіанскую вѣру и церковныя установленія, какъ они были преданы Спасителемъ и Апостолами,— вотъ какую цѣль она поставила себѣ въ это время. Въ лучшихъ *внѣшнихъ* условіяхъ находилась церковь западная. Но, къ сожалѣнію, она воспользовалась этими условіями для цѣлей, которыя не имѣютъ ничего общаго съ христіанствомъ. Царствію Божію, которое не отъ міра сего, старались усвоить характеръ свѣтской державы. Римъ возбудилъ вопросъ о папствѣ; явились подложные документы для оправданія честолюбивыхъ и властолюбивыхъ замысловъ римскихъ епископовъ; открылось широкое поле для полемической и обличительной литературной дѣятельности. Но эта литературная дѣятельность къ христіанской апологетикѣ можетъ имѣть только косвенное отношеніе. Впрочемъ, нужно вообще замѣтить, что апологетическая христіанская литература въ средніе вѣка была увеличена лишь немногими произведеніями, вызванными старымъ врагомъ христіанства—іудействомъ и нѣкоторыми запоздалыми почитателями классическаго язычества. Ученые раввины, въ родѣ Маймонида, продолжали время отъ времени проявлять къ христіанству свою враждебность, стараясь доказать въ своихъ мноученыхъ сочиненіяхъ, что христіанская религія не есть единая и истинная религія и что Христосъ Іисусъ не есть истинный обѣтованный Мессія, въ лицѣ Котораго исполнились всѣ ветхозавѣтныя пророчества и Божественныя обѣтованія. Кромѣ того, находились лица, которыя, не понявъ духа и истины Божественнаго Откровенія, въ своемъ стремленіи къ истинѣ останавливали свое вниманіе на греко-римскомъ язычествѣ и, слѣпо увлекаясь имъ, рѣшались ставить его мудрость выше христіанскаго ученія. Наконецъ, нахлынувшіе въ Евро-

пу почитатели Магомета—арабы и мавры, претендовавшіе на великую ученость и даже обладаніе какими то таинственными познаніями, также вызывали христіанскихъ богослововъ на борьбу съ ними, потому что въ своихъ сочиненіяхъ, защищая ученіе корана, они ставили его неизмѣримо выше христіанскаго евангелія и отвергали божественное происхожденіе христіанской религіи. Какъ ни странно, но у іудейства этого времени оказалось много общаго съ магометанствомъ, что ихъ соединяло между собою для единодушной борьбы съ христіанствомъ. Сюда принадлежатъ: общій обѣимъ религіямъ сухой и безжизненный монотеизмъ, восточный натурализмъ, отрицаніе самой идеи боговоплощенія, идолопоклонство безъ идоловъ и общая ненависть къ христіанству вообще. Борьба съ магометанствомъ тѣмъ болѣе была трудною, что съ самаго начала оно стало подъ покровительство мнимой науки, таинственно заманчивой для христіанъ. Въ Испаніи и Персіи явились даже ученныя школы, на которыя предъявляли одинаковыя права какъ магометанскіе ученые, такъ и раввины; дверь въ нихъ была закрыта только для христіанъ. Борьба съ этими новыми врагами для христіанскихъ богослововъ тѣмъ болѣе была тяжела, что въ это время Римъ отпалъ отъ единенія съ восточною церковію; явилась вражда въ самомъ христіанствѣ и отвлекла къ себѣ многія лучшія силы изъ представителей христіанской науки. Тѣмъ не менѣе, не смотря на такія неблагопріятныя внутреннія и вышнія условія, у нѣкоторыхъ средневѣковыхъ богослововъ, принадлежавшихъ какъ къ восточной такъ и къ западной церкви, мы все таки встрѣчаемъ, хотя и не въ большомъ сравнительно количествѣ, апологетическія сочиненія, написанныя съ цѣлю—защитить христіанство отъ вапаdkовъ и возраженій со стороны ученыхъ средневѣковыхъ еврейскихъ раввиновъ, почитателей древне-классическаго язычества и поклонниковъ Магомета.

Изъ средне-вѣковыхъ апологетовъ восточной Церкви, опровергавшихъ нападки іудейскихъ раввиновъ, здѣсь должны быть названы: *Грегентій* Тафрскій (въ 6 в.), *Леонтій* Кипрскій (въ 7 в.), *Анастасій* (въ 9 или 10 в.), императоръ *Андроникъ* Комменій (въ 14 в.); нападки магометанъ и запоздалаго язы-

чества опровергали: св. *Иоаннъ Дамаскинъ*, *Теодоръ Абукара*, *Николай Меѳонскій*, *Саменъ Газскій*, *Евфимій Зиабенъ*, *Иоаннъ Кантакузенъ* и др. Изъ нихъ особенно замѣчательны первые три.

Св. Иоаннъ Дамаскинъ иначе называемый *Χρυσόρροσος*, сынъ *Сергія*, находившагося на государственной службѣ, своимъ научнымъ образованіемъ обязанный нѣкому монаху *Косъмъ*, сначала занималъ важный постъ на государственной службѣ, управляя городомъ *Дамаскомъ*; но онъ былъ въ немилости у *Льва Исаврянина* за защиту иконопочитанія и по интригамъ его не только потерялъ свою должность, но и претерпѣлъ страшныя мученія. Впослѣдствіи онъ принялъ монашество въ обители св. *Саввы* близъ *Іерусалима*, былъ посвященъ въ санъ пресвитера, принималъ самое близкое и горячее участіе въ дѣлѣ защиты иконопочитанія и усиленно занимался апологетическою литературною дѣятельностію. Онъ умеръ между 754 и 787 годами. Ему принадлежатъ слѣдующія три сочиненія, составляющія въ то же одно цѣлое: а) *κεφάλαια φιλοσοφικά*, состоящее изъ 68 главъ и разъясняющее различныя философскія положенія и опредѣленія въ зависимости отъ философскихъ ученій *Платона* и *Аристотеля*; б) *περὶ αἵρέσεων ἐν συντομίᾳ*, въ 103 главахъ излагающее еретическія ученія; в) *ἕκδοσις ἀκριβῆς τῆς πίστεως*, представляющее православное ученіе Церкви, какъ оно опредѣлено вселенскими и помѣстными соборами и какъ изъяснили его древніе отцы и учителя Церкви. Кромѣ того, св. *Иоаннъ Дамаскинъ* написалъ нѣсколько апологетическихъ и полемическихъ сочиненій противъ сарацинъ (напр. *Διάλεξις Σαρακηνοῦ καὶ χριστιανοῦ*), манихеевъ, моноелитовъ, яковитовъ и несторіанъ. Наконецъ, ему принадлежатъ многія употребляемыя въ церкви пѣснопѣнія, отдѣльныя разсужденія о Троицѣ, постахъ, главныхъ грѣхахъ, а также и разсказъ объ обращеніи въ христіанство индійскаго царя по убѣжденію пустынника *Варлаама*.

Теодоръ Абукара, ученикъ св. *Иоанна Дамаскина*, написалъ апологетическое сочиненіе „Вопросы и отвѣты“.

Николай, епископъ *Меѳонскій*, жившій въ концѣ 11-го или во второй половинѣ 12-го вѣка, извѣстенъ въ особенности своими полемическими сочиненіями, направленными противъ пап-

скихъ притязаній и уклоненій западной церкви отъ католической истины; но ему принадлежитъ также и довольно интересный апологетическій трудъ—*Ἀναπτοσις τῆς θεολογικῆς στοιχειώσεως* Прокла Платонихоу, направленный противъ языческаго платонизма Прокла, который былъ самымъ непримиримымъ врагомъ христіанства и написалъ противъ него сочиненіе, оставшееся непровергнутымъ въ свое время по случаю монофизитскихъ споровъ.

Изъ средневѣковыхъ писателей западной церкви, сочиненія которыхъ имѣютъ болѣе или менѣе важное значеніе для развитія науки Апологетическаго или Основнаго Богословія, и которые ставили своею задачею опроверженіе нападокъ на христіанство какъ со стороны іудейскихъ раввиновъ, такъ и ученыхъ магометанъ, здѣсь должны быть названы слѣдующіе: *Исидоръ Севильскій* (*De fide catholica adversus Iudaeos*, въ 7 в.), *Алобардъ Лионскій* (*De judaicis superstitionibus*), *Р. Маеръ*, *Гильбертъ Вестминстерскій*, *Рупертъ Дейцкій*, *Петръ Венерабилисъ*, *Гвальтеръ*, *Николай Жира*, *Петръ Даміани*, изъ іудеевъ обращенныхъ въ христіанство,—*Самуэль Мароккскій*, *Петръ Альфонсъ*, *Германъ Кельнскій*, извѣстный врачъ папы Бенедикта XIII—*Бурки*, а также и нѣкоторые даже изъ некрещенныхъ іудеевъ, оставшіеся вѣрными ветхозавѣтному пониманію іудейства: *Иеронимъ*, *Исаакъ Абраванель*, *Павелъ Бурносскій* и др. Изъ западныхъ апологетовъ христіанства, опровергавшихъ нападки магометанъ и въ частности ученыхъ мавровъ, заслуживаютъ упоминанія: *Раймундъ Пеннафортскій*, *Раймундъ Мартинусъ*, *Педро-де-Кавалерія*, *Альфонсъ-де-Спинъ*, *Иеронимъ Савонарола*, *Туррекремата*, *Рикольдъ*, *Діонисій Картузіанскій*, *Андреасъ* и *Гвадагноли*.

Раймундъ Пеннафортскій († 1275 г.), причисленный римскою церковію къ лику святыхъ (въ 1601 г.), имѣя санъ таррагонскаго архіепископа, а затѣмъ занимая должность генерала доминиканскаго ордена, поддерживаемый кастильскими и араговскими королями, очень много работалъ для обращенія мавровъ и тогдашнихъ евреевъ въ христіанство; между прочимъ, онъ основалъ во многихъ городахъ, населенныхъ по преимуществу маврами, особые институты или коллегіи, въ которыхъ было обращено серьезное вниманіе на изученіе восточныхъ языковъ

съ цѣлю подготовленія опытныхъ христіанскихъ апологетовъ и миссіонеровъ для обращенія мавровъ и евреевъ въ христіанство.

Раймундъ Мартинусъ († въ 1286 г.), испанскій доминиканецъ, одинъ изъ первыхъ питомцевъ указанныхъ коллегій, также извѣстенъ своею устною и литературною борьбою противъ евреевъ и мавровъ, славившихся въ Испаніи своею образованностію. Въ 1250 году онъ былъ назначенъ главнымъ начальникомъ всѣхъ восьми миссіонерскихъ коллегій доминиканскаго ордена, которыми и завѣдывалъ до самой своей смерти (въ 1286 г.). Ему, между прочимъ, принадлежитъ довольно интересное апологетическое сочиненіе—*Pugio fidei contra Mauros et Iudaeos* (Оружіе вѣры противъ мавровъ и іудеевъ), въ которомъ съ полною основательностію доказывается та мысль, что Магометъ не есть истинный пророкъ, такъ какъ о немъ не предсказывалъ Моисей и такъ какъ приписываемыя ему чудеса, не суть дѣйствительныя чудеса, и что магометанство, безсильное возвыситься до идеи богочеловѣчества, стоитъ неизмѣримо ниже христіанства, а съ другой стороны указывается на то существенное различіе, которое легко замѣтитъ всякому между ветхозавѣтнымъ іудействомъ и средневѣковымъ раввинизмомъ. Кроме того, Раймундъ Мартинусъ весьма основательно опровергаетъ въ этомъ сочиненіи всѣ нападки тогдашняго невѣрія какъ на откровеніе вообще, такъ и на христіанское откровеніе въ частности. Еврейскіе раввины не безъ основанія обзвали этотъ апологетическій трудъ „ядовитымъ“.

Педро-де-Кавалерія, по своему происхожденію также испанецъ,—написалъ сочиненіе—*Zelus Christi contra Iudaeos, Saracenos et infideles* (Venetiis 1594.)—въ которомъ онъ доказываетъ истину христіанства и опровергаетъ возраженія іудеевъ, сарацинъ, а также и различныхъ философовъ, при чемъ проводитъ ту мысль, высказанную, впрочемъ, раньше его апологетами древней александрійской школы,—что не вѣра должна искать опоры въ чудесахъ, а наоборотъ—чудеса въ вѣрѣ. Кроме того ему принадлежитъ небольшой апологетическій трудъ, изданный въ 1487 году: *Rationes laicales contra Idiotas, quae docent, fidem Christianam veram et necessariam esse*; въ немъ въ популярномъ изложеніи раскрываются всѣ

внутренніе критеріи христіанской религіи, какъ единственно истинной и необходимой.

Альфонсъ-де Спина—испаецъ еврейскаго происхожденія, но обращенный въ христіанство, человекъ для своего времени весьма образованный и ученый, выдающійся францискаецъ, сначала занимавшій должность ректора саламанскаго университета, но впоследствии достигшій даже епископскаго сана. Онъ написалъ въ 1471 году знаменитое апологетическое сочиненіе—*Fortalitium fidei contra Iudaeos, Saracenos aliosque christianaе fidei inimicos* (Твердыня вѣры противъ іудеевъ, сарацинъ и другихъ враговъ христіанской вѣры) въ четырехъ книгахъ. Сочиненіе это изданное нѣсколько разъ (въ первый разъ безъ имени автора) пользовалось большою популярностію и долгое время служило любимымъ руководствомъ для христіанскихъ апологетовъ въ борьбѣ съ невѣріемъ,—особенно въ такъ называемую эпоху возрожденія наукъ и искусствъ.

Независимо отъ борьбы съ исламомъ и раввинизмомъ, средневѣковые богословы сдѣлали не мало для развитія Основнаго Богословія, какъ науки. Выдающееся положеніе между ними въ этомъ отношеніи занимаютъ извѣстные схоластики, какъ *Анзельмъ Кентербюрійскій*, *Петръ Ломбардъ*, *Тома Аквинатъ* и др., которые не мало содѣйствовали развитію богословской науки со стороны ея внѣшняго формальнаго построенія. Вообще нужно сказать, что какъ ни суха, безжизненна и отвлеченна была средневѣковая схоластика, но именно ей принадлежитъ великая и несомнѣнная заслуга—начало развитія и обработки богословской науки съ внѣшней, формальной или даже только технической стороны. Въ данномъ случаѣ для насъ важно здѣсь то обстоятельство, что, раздробивъ богословскую науку на множество отраслей или отдѣльныхъ наукъ, средневѣковая схоластика посвятила не мало вниманія и той части христіанскаго богословія, которая въ настоящее время извѣстна подъ именемъ Апологетическаго, или Основнаго Богословія, а въ то время называлась *Theologia fundamentalis*, *Theologia generalis*, *Theologia rationalis* или *Theologia naturalis*. Вообще относительно внѣшней, формальной стороны этой науки слѣдуетъ замѣтить, что именно схоластика положила ей осно-

ваніе и указала тѣ начала и систему, на основаніи которыхъ послѣдующимъ богословамъ приходилось только развивать, усовершенствовать или устранять недостатки, допущенные схоластиками.

Уже извѣстный ученый 9-го вѣка *Іоаннъ Скотъ Эригена*, другъ Карла Лысаго и начальникъ одного изъ высшеучебныхъ заведеній Франціи, на котораго не безъ основанія смотрятъ какъ на предтечу схоластики, даровитый основатель спекулятивнаго богословія, стремился къ достиженію главной апологетической цѣли: повясть ученіе Божественнаго Откровенія въ полномъ согласіи съ выводами здравой философіи, постигнуть его не вѣрою только, но и разсудкомъ. Эригена принималъ живое участіе въ спорѣ о евхаристіи и предопредѣленіи; но для насъ особый интересъ представляетъ его философія религіи, изложенная имъ въ сочиненіи *De divisione naturae*, которое справедливо считается „первою практическою попыткою соединенія философіи съ богословіемъ на западѣ“. Въ этомъ сочиненіи рѣчь идетъ сначала о Богѣ самомъ въ себѣ и какъ о Творцѣ міра, затѣмъ о мірѣ, о твореніи и его паденіи, и наконецъ о возвращеніи міра къ Богу, какъ о заключеніи міроваго процесса. По ученію Эригены, все обнимается понятіемъ *natura*. Въ теченіи міроваго процесса *natura* проявляется въ четырехъ видахъ: 1) природа, которая творитъ и не творится (*natura creatrix et non creata*—Богъ, какъ причина всего); 2) природа, которая творится и творитъ (*natura creata et creatrix*—идеи или *rationes*, какъ міровые принципы или „*primordiales causae*“); 3) природа, которая творится и не творитъ (*natura creata et non creans*—осуществленіе идей въ мірѣ); 4) природа, которая ни творится, ни творитъ (*natura neque creata, neque creatrix*—Богъ, какъ конечная цѣль всѣхъ вещей). Такимъ образомъ, по ученію Эригены, Богъ самъ по себѣ есть только чистое, неопредѣленное бытіе, которое вполне справедливо можно было бы назвать абсолютнымъ ничто, которое хотя, повидимому, и сознаетъ себя, но въ своемъ сознаніи не находитъ никакого различенія (*nescit, quod ipse est*) и которое однако же хочетъ себя самое. Правда, въ Богѣ есть различіе Троичности, какъ *essentia, sapientia, vita*; но это различіе какъ таковое на-

ходится не въ самомъ Богѣ, а только въ человѣческомъ мышленіи. По ученію Эригены, бытіе Бога есть Богъ самъ въ Себѣ и по Себѣ; вѣдѣніе Бога (премудрость) тождественно съ Логосомъ, идеею, которая однако же является въ формѣ міровыхъ принциповъ опять таки только для человѣческаго мышленія. Воля Бога отождествляется съ твореніемъ, которое такимъ образомъ является истиннымъ воспроизведеніемъ самаго Бога; а такъ какъ Богъ вѣченъ, то отсюда вытекаетъ и вѣчность творенія. Адамъ есть это отъ вѣчности существующее твореніе, единство интеллигентныхъ тварей, въ интеллектѣ которыхъ отражаясь переходитъ въ явленіе существо Самаго Бога (theophania). Но какъ мысль Бога есть истинная субстанція міра, такъ имманентное человѣческому духу представленіе чувственныхъ и духовныхъ вещей есть истинная субстанція этихъ вещей. Его цѣльность или единство входитъ въ представленіе о раѣ, т. е., о безгрѣшномъ предсуществованіи человѣка. Адамъ падаетъ, т. е., выходитъ изъ этого безгрѣшнаго предсуществованія чрезъ свободно содѣянный грѣхъ, его духовное тѣло превращается въ земное, а первоначальное единство человѣческаго бытія разрѣшается въ противоположность половъ, и чрезъ распложеніе—во множество человѣческихъ существъ. Но такъ какъ человѣкъ (Адамъ) есть микрокосмъ, а остальной міръ имѣетъ свою субстанцію въ мышленіи человѣка, то вмѣстѣ съ переходомъ Адама въ матеріальное явленіе весь міръ также обращается въ матеріальное и различное существованіе. Искупленіе, которое слѣдуетъ понимать какъ нѣчто постоянно присущее Богу, состоитъ въ „theophania multiplex sine fine“, чрезъ что въ сознаніе міра вступаетъ идея (Логосъ) какъ начало связывающее въ единство раздѣленіе міра. Чрезъ принятіе этой идеи въ сознаніе (мистическое созерцаніе) уничтожается грѣхъ и искупляется также остальной міръ въ человѣкѣ и съ человѣкомъ, какъ микрокосмомъ. Послѣ смерти тѣла слѣдуетъ полное возвращеніе человѣка къ Богу,—воскресеніе и уничтоженіе полового различія, превращеніе въ духъ и дальнѣйшее постепенное приближеніе къ нему, которое, повидимому, оканчивается полнымъ акосмизмомъ. Трудно сказать, какое значеніе въ своей

системѣ Эригена предоставляетъ Иисусу Христу, какъ историческому лицу. О реальности зла при такихъ философскихъ воззрѣніяхъ также не можетъ быть рѣчи. Итакъ, послѣ сказаннаго ясно, что Эригена далеко не достигъ той цѣли, къ которой стремился: онъ хотѣлъ отождествить философію съ ученіемъ Божественнаго Откровенія, но вмѣсто этого пожертвовалъ послѣднимъ для первой; онъ хотѣлъ примарить вѣру съ знаніемъ; а между тѣмъ далъ поводъ только къ новому раздѣленію и противорѣчію; онъ выдавалъ себя за вѣрующаго теиста, а между тѣмъ его ученіе можно отнести только къ системамъ пантеистическимъ; онъ ищетъ опоры для своихъ воззрѣній въ Библии и ученіи церкви, а между тѣмъ двумя западными соборами въ 855 и 859 г.г., и тремя римскими папами—Николаемъ I, Говоріемъ III и Григоріемъ XIII его философскія воззрѣнія не безъ основанія были осуждены какъ еретическія. Впрочемъ, его заслуга не въ положительномъ рѣшеніи поставленной имъ задачи, а въ томъ, что онъ указалъ христіанскому богословію на необходимость построенія спекулятивной науки, въ смыслѣ философской религіозной системы или рациональнаго богословія, цѣлью котораго должно быть примиреніе вѣры съ знаніемъ, религіи съ философіею, однимъ словомъ—то, что составляетъ теперь цѣль и задачу такъ называемаго Апологетическаго или Основнаго Богословія.

Анзельмъ Кентербюрійскій (род. въ 1033 г., ум. въ 1109 г.), монахъ и аббатъ одного нормандскаго монастыря, съ 1093 г. архіепископъ кентербюрійскій, извѣстенъ какъ выдающійся представитель схоластики, ревностный защитникъ напства въ борьбѣ съ англійскими королями и константинопольскими патріархами. Но для насъ онъ представляетъ интересъ только какъ богословъ-апологетъ. Въ основаніе своей богословской литературной дѣятельности онъ положилъ извѣстное изреченіе, высказанное еще бл. Августиномъ: *Non quaero intelligere, ut credam, sed credo, ut intelligam*, или: *fides praecedit intellectum*. Ему хотѣлось, какъ и Эригенѣ, видѣть полное примиреніе и совершенное единеніе между вѣрою и знаніемъ, богословіемъ и философіею. Но если Эригена отдавалъ предпочтеніе философіи и ради нея пожертвовалъ ученіемъ Божественнаго

Откровенія; то Ансельмъ напротивъ—на первомъ мѣстѣ ставилъ вѣру. Для него вѣра а priori содержитъ несомнѣнную истину, не допускающую никакихъ возраженій и не требующую никакихъ доказательствъ. Вотъ почему для него вообще имѣло значеніе истиннаго и несомнѣннаго только то, что было оправдываемо вѣрою, а лучшимъ научнымъ доказательствомъ онъ считалъ то, которое вытекало, такъ сказать, изнутри самой души человѣческой. Вслѣдствіе этого и задачу науки онъ полагалъ не въ чемъ иномъ, какъ въ томъ, что содержаніе вѣры она должна представить вмѣстѣ и какъ абсолютно необходимое содержаніе разума. Легко понять послѣ этого, какимъ образомъ Ансельмъ могъ поставить цѣлю своей собственной литературной дѣятельности то, чтобы все христіанское представить истинно раціональнымъ и все истинно раціональное—христіанскимъ. И эту задачу онъ дѣйствительно старался разрѣшить въ своихъ сочиненіяхъ, хотя и не съ одинаково полнымъ успѣхомъ. Въ своемъ знаменитомъ трудѣ „*Cur Deus homo?*“ онъ изложилъ свою теорію примиренія, которая и до сихъ поръ не потеряла своего значенія въ богословскомъ мірѣ, а въ другомъ своемъ сочиненіи *Proslogium* онъ предложилъ научное изложеніе такъ называемаго онтологическаго доказательства бытія Божія, которое состоитъ въ томъ, что, поелику мы мыслимъ Бога по необходимости, то Онъ и долженъ необходимо существовать. Это доказательство, какъ извѣстно, было съ особеннымъ уваженіемъ принято и поддержано такими знаменитыми философскими мыслителями, какъ Декартъ, Вольфъ, Лейбницъ и Гегель, и сдѣланныя ими въ немъ измѣненія ничего ему не прибавили, такъ что форма, данная ему Ансельмомъ и нынѣ считается наилучшею.

Петръ Абеляръ (род. въ 1079 г., ум. въ 1142 г.), за критическое отношеніе къ ученію о преданіи считаеый предтечею реформаціи, былъ свободомыслящимъ учителемъ богословія и философіи. Онъ не удовлетворился схоластикою, какъ Ансельмъ, въ разъясненіи христіанскаго ученія, но вводилъ начала чисто раціоналистическаго направленія. Онъ шелъ путемъ, предначертаннымъ Эригеною, стараясь понять христіанство не вѣрою только, но и разумомъ. Главныя его сочиненія суть: *Sic et*

non; Introductio ad Theologiam; Theologia christiana; Scito te ipsum и много различныхъ діалектическихъ сочиненій вмѣстѣ съ оригинальною автобіографіею: Historia calamitatum suarum. Его богословскимъ и философскимъ занятіямъ слишкомъ мѣшали, впрочемъ, преслѣдованія римской церкви, которая помимо его рационалистическаго образа мыслей, не могла простить ему также и того, что въ нѣкоторыхъ изреченіяхъ древнихъ учителей церкви онъ усматривалъ противорѣчія. И Абеляру въ теченіи его неиродолжительной, но полной приключеніями жизни, часто приходилось мѣнять свою профессорскую катедру то на монастырь, то на темничное заключеніе.

Ученикъ Абеляра, *Петръ Ломбардъ* также принадлежитъ къ знаменитымъ схоластическимъ богословамъ (ум. въ 1160 г. или въ 1164 г.). Отвергнувъ оба схоластическія направленія — традиціональное и діалектическое, онъ избралъ путь болѣе покойный и менѣе ведущій къ отдѣленію отъ церковнаго ученія, но въ то же время освѣщенный не только вѣрою, а и сухимъ философскимъ разсудкомъ въ пониманіи христіанскаго вѣроученія. Петръ Ломбардъ является представителемъ такъ называемаго сентенціознаго богословія. Церковное ученіе онъ подтверждалъ положеніями, заимствованными изъ твореній знаменитѣйшихъ отцовъ церкви. Ему принадлежитъ *Sententiarum libri IV*, свидѣтельствующій о его обширной учености и вмѣстѣ съ тѣмъ о его умѣннн излагать философско-богословскія ученія живо, ясно и общедоступно. Его вліяніе было обширно и ему подчинялись западные богословы еще цѣлое столѣтіе спустя послѣ его смерти. Тѣмъ не менѣе папа Александръ III въ цѣломъ рядѣ положеній обвинялъ его предъ парижскимъ факультетомъ въ уклоненіи отъ истинно христіанскаго ученія.

Александръ Гальскій (ум. въ 1245 г.), извѣстный францисканскій ученый—*Doctor irrefragabilis*, съ честью занимавшій катедру въ Парижскомъ университетѣ, написавшій сочиненіе, имѣющее важное значеніе въ исторіи развитія Апологетическаго или Основнаго Богословія,—*Summa theologiae universae*, а также комментарий къ сентенціямъ Петра Ломбарда; его діалектическій методъ, по которому всякое положеніе было подробно разсматриваемо какъ съ положительной, такъ и съ от-

рицательной стороны, съ точною ссылкою на всевозможные авторитеты, долгое время служилъ образцомъ для послѣдующихъ схоластиковъ. Между прочимъ, онъ посвятилъ особое изслѣдованіе вопросу о богословской учености, въ которомъ вполне основательно доказалъ ту мысль, что Богословіе есть наука не отвлеченная только, но и дѣятельная, имѣющая для жизни гораздо большее значеніе, чѣмъ всѣ другія области человѣческаго знанія. Александръ Гальскій довольно подробно излагаетъ все то, что входитъ въ область Основного Богословія и что интересовало въ то время мыслящихъ людей, но особенное вниманіе онъ посвящаетъ раскрытію онтологическаго доказательства бытія Божія въ той формѣ, какую далъ ему Ансельмъ.

Альбертъ Великій (род. около 1200 г.), бывшій епископъ Регенсбургскій, извѣстенъ какъ выдающійся ученый, поражающій своими познаніями всѣхъ своихъ современниковъ. Въ главномъ своемъ сочиненіи—*Summa theologiae* онъ даетъ самое видное мѣсто тѣмъ богословскимъ ученіямъ, которыя составляютъ существенное содержаніе Апологетическаго или Основного Богословія; въ немъ онъ предлагаетъ уже систематическое изложеніе доказательствъ бытія Божія и безсмертія человѣческой души. Доказательства истины церковнаго вѣроученія и примиреніе послѣдняго съ разсудочнымъ мышленіемъ Альбертъ старается провести при помощи метода Аристотеля, причемъ, доказывая различныя истины Божественнаго Откровенія, онъ довольно остроумно пользуется своими обширными физико-математическими, историческими и естественнонаучными свѣдѣніями.

Томас Аквинатъ (род. ок. 1226 г., ум. въ 1274 г.), ученіе Альберта Великаго, былъ самымъ выдающимся представителемъ средне-вѣковой схоластики; онъ отличался такою обширною ученостію, что, повидимому, его современники и послѣдующіе почитатели затруднялись, какимъ ученымъ званіемъ отличить его: сначала онъ назывался только бакалавромъ теологіи (въ Кельнѣ), затѣмъ *Magister studentium*, *Magister legendi* и лиценціатомъ, въ 1257 г.—докторомъ богословія, въ 1261 году—*Magister palatii*, наконецъ въ 1267 году, почти 300 лѣтъ спустя послѣ его смерти папа Пій V повелѣлъ именовать его *Doctor angelicus*, но и побывавши до сѣихъ поръ званіемъ

ніемъ—*Doctor ecclesiae*. Дѣйствительно, Ѳома оказалъ для богословской католической науки весьма важныя услуги. Его значеніе какъ систематика слишкомъ велико. Его сочиненія многочисленны; многія изъ нихъ не были написаны имъ самимъ, а только продиктованы и съ его словъ записаны другими. Особенно много труда онъ посвятилъ изложенію догматическаго ученія католической церкви и полемикѣ съ писателями восточной церкви въ защиту папскихъ притязаній. Но его труды имѣли не маловажное значеніе собственно для развитія Аполлогетическаго или Основнаго Богословія. Къ сочиненіямъ этого рола принадлежатъ: *Summa totius theologiae*; *Declaratio quorundam articulorum contra Graecos, Armenos, Saracenos etc.*; *Summa adversus gentiles*; *De unitate intellectus adversus Averroistas*; *De anima*; *De humanitate Christi*, *De veritate catholicae fidei contra gentiles* и др. Въ этихъ сочиненіяхъ Ѳома Аквинатъ не только систематизируетъ весь разработанный въ то время научный матеріалъ, составляющій нынѣ содержаніе Аполлогетическаго Богословія (напр. о религіи вообще, объ откровеніи естественномъ и сверхъестественномъ, о чудесахъ и пророчествахъ, какъ критеріяхъ Божественнаго Откровенія, о доказательствахъ бытія Божія и безсмертія души), но, защищая истины христіанской религіи, онъ опровергалъ и ученія философскія, въ особенности пантеистическія, а также ученіе магометавства (сарацинъ), языческихъ религій и раввинизма; въ своемъ сочиненіи *De veritate catholicae fidei contra gentiles* онъ указываетъ на полное единство естественнаго и откровеннаго богословія и проводитъ ту мысль, что было бы гораздо большимъ чудомъ если бы христіанство распространилось безъ чудесъ. Наконецъ, нельзя не поставить ему въ заслугу, что онъ съ полною основательностію и на собственныхъ опытахъ показалъ современникамъ, что хотя по своему содержанію христіанское богословіе вообще и Основное въ частности весьма близко соприкасается съ различными философскими науками, но что оно есть вполне самостоятельная наука, такъ какъ свои принципы оно заимствуетъ изъ своего собственнаго источника, т. е., изъ Божественнаго Откровенія и всецѣло относитъ свое содержаніе къ Богу, какъ

главному предмету своего изслѣдованія. Въ своемъ сочиненіи *Summa contra gentiles* онъ стоитъ на чисто апологетической точкѣ зрѣнія. Здѣсь онъ говоритъ о Богѣ вообще (первая книга), о Богѣ какъ Творцѣ міра и человѣка (вторая книга), о конечной цѣли всего существующаго (третья книга) и, наконецъ, объ искупленіи, совершенномъ чрезъ Иисуса Христа (четвертая книга). Какъ магометанство и язычество, такъ и невѣріе вообще, по его мнѣнію, должно опровергать не ученіемъ божественнаго Откровенія, а только доводами разума, такъ какъ ни магометане, ни язычники не признаютъ книгъ Св. Писанія Божественнымъ Откровеніемъ. Разумъ подготавливаетъ человѣка къ воспріятію Богооткровеннаго ученія и доказываетъ его истинность; но это не значитъ, что ему принадлежитъ преимущество предъ ученіемъ церкви или Св. Писаніемъ; напротивъ это значитъ только то, что философія должна находиться въ услуженіи церкви для истолкованія ея ученія. Что касается собственныхъ воззрѣній *Томы Аквината*, то нужно вообще замѣтить, что, ставя ученіе церкви выше всѣхъ послуженій человѣческаго разума, онъ строитъ свою систему на основаніи довольно односторонняго интеллектуализма и детерминистическаго понятія о Богѣ и мірѣ. Для него Богъ есть чистое бытіе, само въ себѣ безразличное. По его ученію, Богъ есть въ сущности *actus purus*, чистая, движущаяся духовность, *intellectus*, имѣющій направленіе во внѣ себя, *voluntas*, *causa prima* всякаго частнаго бытія, сумма котораго есть міръ. Отсюда уже естественно вытекаетъ мысль о необходимомъ, вѣчномъ твореніи міра, вслѣдствіе чего временное начало міра хотя является возможнымъ для вѣры, но не доказуемымъ и не принимаемымъ по убѣжденіямъ разума. Для примиренія такого понятія о Богѣ со множественностію отдѣльныхъ существъ въ мірѣ *Томас* вынужденъ былъ допустить мысль, что эти отдѣльныя существа имѣютъ въ Богѣ свои первообразныя идеи, которыя однако-же въ самомъ Богѣ суть нѣчто существенно единое, простое, и только въ отношеніи къ вещамъ суть нѣчто разнообразное. Но это отдѣльное бытіе не допускаетъ ни какихъ тожествъ, вслѣдствіе чего является необходимымъ различіе по степени. Во всѣхъ тваряхъ Богъ

хочетъ *aliquid bonum*, но вездѣ въ различномъ количествѣ, — и это именно положеніе приводитъ Θому къ детерминизму въ ученіи о предустановленіи, въ которомъ онъ идетъ гораздо далѣе бл. Августина. Ученый авторитетъ Θомы въ католическомъ мірѣ пользуется еще и въ настоящее время рѣдкимъ довѣріемъ и уваженіемъ.

Но достигнувъ въ лицѣ Θомы Аквината наивысшаго пункта своего развитія, схоластическое богословіе ясно обнаружило свое безсиліе удовлетворить самымъ 'настоячивымъ' требованіямъ человѣческаго духа. Поэтому неудивительно, что при множествѣ почитателей у Θомы Аквината скоро нашлись и противники, отрицавшіе не только его заслуги, но и значеніе самой схоластической богословской науки. Къ числу такихъ лицъ принадлежатъ: *Иоганнъ Дунс Скотъ*, *Дурандусъ де-Пурсенъ*, *Николай Кузанскій* и др.

Иоганнъ Дунс Скотъ (ум. 1308 г.), знаменитый францисканскій ученый—*Doctor subtilis*—занимавшій университетскія кафедры въ Оксфордѣ, Парижѣ и Кельнѣ, выступилъ противникомъ Θомы Аквината не только по частнымъ вопросамъ (напр. о непорочномъ зачатіи Пресв. Дѣвы, о благодати и о свободѣ воли человѣческой), но и въ общемъ взглядѣ на религію и задачи богословской науки. По его ученію, сущность религіи состоитъ не въ познаніи Бога, какъ училъ Θома и всѣ вообще схоластическіе богословы, но въ нашей волѣ и что религія имѣетъ значеніе не спекулятивное, а только практическое; сверхъестественные объекты естественнаго мышленія онъ признавалъ познаваемыми только въ крайне несовершенномъ видѣ; богословскія истины объявилъ философски не доказуемыми, а доказательства безсмертія человѣческой души, приводимыя разумомъ, онъ считалъ недостаточными. По его представленію, Богъ, разсматриваемый по преимуществу со стороны воли, является какъ свободный и безграничный произволь. Что Богъ хочетъ, то добро, а чего Онъ не хочетъ, то зло; а такъ какъ только одна церковь знаетъ волю Божию, потому что только она одна хранитъ въ цѣлости и неповрежденности Божественное Откровеніе, то ей одной принадлежатъ право и обязанность разъяснять вѣрующимъ, въ чемъ состоитъ

грѣхъ и въ чемъ состоитъ добродѣтель. Иоганну Дунсу Скоту принадлежитъ, между прочимъ, довольно остроумное указаніе тѣхъ восьми путей, которые, по его ученію, ведутъ человѣка къ убѣжденію въ истинѣ и дѣйствительности Божественнаго Откровенія; это—1) *pronunciatio prophetica*, 2) *scripturarum concordia*, 3) *auctoritas scribentium*, 4) *diligentia recipientium*, 5) *rationabilitas contentorum*, 6) *irrationabilitas singulorum errorum*, 7) *ecclesiae stabilitas* и 8) *miraculorum claritas*. Т. е., здѣсь Дунсъ говоритъ о томъ, что въ наше время разумѣтся подъ именемъ внутреннихъ и внѣшнихъ признаковъ или критеріумовъ Божественнаго Откровенія. Что касается, наконецъ, общаго значенія, какое Дунсъ Скотъ имѣетъ въ исторіи развитія Апологетическаго или Основнаго Богословія, то нужно вообще замѣтить, что онъ также принадлежитъ къ числу тѣхъ схоластическихъ богослововъ, которые содѣйствовали развитію этой науки въ особенности со стороны ея внѣшняго, техническаго и систематическаго усовершенствованія.

Дюранъ де Сенъ-Пурсэнъ, доминиканскій ученый, — *Doctor resolutissimus*, — занимавшій кафедру богословія и философіи сначала въ Парижѣ, а потомъ въ Авиньонѣ, — съ 1318 г. епископъ Аннескій, — пошелъ дальше Дунсъ-Скота. Онъ былъ первымъ номиналистомъ, разочаровавшимся не только въ схоластическомъ богословіи *Томы Аквината*, но и въ богословской наукѣ вообще. Исходя отъ положенія, что человѣкъ не можетъ изъ разсмотрѣнія природы познать божественные законы, онъ училъ, что слѣдуетъ безусловно подчиниться только одному руководительству церкви. — Такіе возрѣнія уже ясно свидѣтельствовали о томъ, что вѣкъ схоластической науки окончился. Ей уже не довѣряли даже тѣ, которыхъ она воспитала и которые вышли изъ ея школы. Скептицизмъ, ненормальное явленіе въ жизни человѣческаго духа вообще, не можетъ долго держаться и въ области богословской науки. Нужно было ожидать какого либо новаго направленія и притомъ — противоположнаго предшествовавшему. Предвозвѣстники такого направленія уже стали мало-по-малу показываться даже и въ то время, о которомъ мы говоримъ.

Николай Кузанскій (род. въ 1401 г., ум. въ 1464 г.), отъ юридической кафедры достигшій до кардинальской шляпы и

епископскаго сана, изъ противника лапскихъ притязаній обратившійся въ яраго защитника папскихъ правъ и власти, извѣстный реформаторъ католическихъ монастырей, былъ чело- вѣкъ необычайныхъ дарованій и учености, „стоявшій на погра- ничномъ рубежѣ временъ, средневѣковаго и новаго, герой въ области духа, рѣзко возвышавшійся надъ людьми, охвачен- ными броженіемъ начинающагося новаго вѣка, старавшійся еще разъ обнять въ болѣе высшемъ единствѣ всѣ лучшія стрем- ленія прошедшаго времени, и вмѣстѣ съ тѣмъ предвѣстникъ будущаго примиренія стремленій новаго времени съ вѣрою ста- раго, каковое примиреніе, по его предчувствію, со славою долж- но возобновиться и совершиться въ будущемъ возстановленіи величія древней Церкви“. Хотя онъ еще, повидимому, удер- живаетъ традиціи школьной схоластики, но въ дѣйствительно- сти его ученіе уже разорвало съ этими традиціями всякія связи. Оставивъ приемы перипатетиковъ, столь высоко цѣнимые схо- ластиками, онъ явно перешелъ на сторону платониковъ. Основ- ною мыслию его системы было примиреніе противоположностей въ абсолютномъ единствѣ чрезъ интеллектуальное возрѣвіе. Но это единство есть всеобщее цѣлое и въ то же время осно- ваніе всѣхъ различныхъ особенностей, которыя совершенно про- тивоположны тому, что есть Богъ въ абсолютномъ смыслѣ. Въ каждой вещи есть Богъ или абсолютное, универсальное начало и всеобщность того, что существуетъ внѣ Бога. Подобно этому въ каждой вещи находится и универсъ, т. е., единое цѣлое всѣхъ вещей міра,—но находится совершенно инымъ образомъ, чѣмъ Богъ. Универсъ, какъ комплексъ всѣхъ особенностей и различій, совершенно противоположенъ Богу, какъ абсолютно единому. Универсъ есть величайшее, что возможно внѣ Бога, хотя онъ и не можетъ быть столь великимъ, какъ Богъ, Ко- торый по самому понятію своему есть абсолютно величайшее. Тоже самое происходитъ и съ понятіемъ абсолютно наимень- шаго. Подъ наименьшимъ разумѣется именно то, что не можетъ быть меньше, чѣмъ оно есть. Но Богъ какъ абсолютно вели- чайшее просто не можетъ быть меньшимъ, чѣмъ Онъ есть; слѣ- довательно Онъ, какъ абсолютно величайшее, есть въ то же время и абсолютно наименьшее. Мы останавливаемъ вниманіе

на этомъ понятіи Николая Кузанскаго о Богѣ съ одной стороны потому, что его цѣликомъ заимствовалъ извѣстный пантеистическій философъ—Джіордало Бруно, что показываетъ намъ, какое направленіе приняла богословствующая мысль ¹⁾, а съ другой стороны потому, что изъ этого понятія Николай Кузанскій выводитъ свое доказательство бытія Божія, имѣющее прямое значеніе для христіанской Апологетики. Именно онъ учитъ,—что абсолютно величайшее стоитъ выше всѣхъ противоположеній, а слѣдовательно выше всякаго утвержденія и отрицанія; а въ силу этого уничтоженія въ Богѣ всѣхъ противоположностей „совершенно не быть“ (*minime esse*), когда это должно быть сказано о Богѣ, значить то же самое, какъ и „наиболѣе быть“ (*maxime esse*); отсюда, по ученію Николая Кузанскаго, слѣдуетъ, что просто величайшее необходимо существуетъ, и несуществованіе его совершенно невысказуемо. Изъ такого понятія о Богѣ вообще Николай Кузанскій выводитъ затѣмъ и свое ученіе о твореніи міра и объ отношеніи Бога къ міру и человѣку. Какъ абсолютно величайшее Богъ обнимаетъ въ себѣ все, и есть все, что можетъ быть. Такъ какъ для Бога все возможное дѣйствительно существуетъ, то все, что какъ-либо существуетъ или можетъ существовать, существуетъ въ немъ, какъ принципъ, все сотворенное или еще только творимое развивается изъ него, Онъ есть несозданная возможность всякой созданной дѣйствительности. Поэтому дѣйствительность созданнаго происходитъ изъ Него, Онъ въ своей абсолютной потенціальности бытія есть актуальная причина всего того, что существуетъ внѣ его, Его воля есть основаніе для существованія всего существующаго внѣ Его. Возможность и дѣйствительность, абсолютно сливающиміяся въ Богѣ, раздѣляются одна отъ другой внѣ Бога и взаимно ограничиваются въ разнообразныхъ пропорціональныхъ отношеніяхъ, будучи ограниченными сами въ себѣ уже вслѣдствіе своего бытія внѣ Бога.

1) Историкъ прямо утверждаетъ, что Джіордало Бруно „подъ вліяніемъ сочиненій Николая Кузанскаго порвалъ связи съ монашеской жизнью и католицизмом“ Ср. А. Вебера Исторія европейской философіи. Перев. А. А. Козлова. Кіевъ. 1882. Стр. 202.

Человѣкъ представляетъ въ себѣ соединеніе наивысшей ступени тѣлесной природы съ самою низшею ступенью духовной и въ отношеніи его духовно одаренной души къ принадлежащему ей тѣлу Николай Кузанскій усматриваетъ отображеніе отношенія Бога къ міру и человѣку, потому что самъ человѣкъ есть специфическое отображеніе Бога, какъ Единаго и Троичнаго, ибо представленное въ трехчленномъ организмѣ творенія отображеніе Божественной Троичности и единства—возможности, дѣйствительности и живого воссоединенія той и другой въ человѣкѣ достигаетъ своего заключенія и конкретного выраженія. Но человѣкъ еще не есть абсолютный вѣнецъ творенія. Правда, въ видимомъ твореніи онъ есть высочайшее существо, но въ общемъ космическомъ рангѣ онъ все таки стоитъ ниже невидимыхъ духовъ. Впрочемъ, онъ имѣетъ весьма важное преимущество предъ чистыми духами, которое состоитъ въ томъ, что онъ одинъ только, имѣя природу наивысшую изъ низшихъ и самую низшую изъ наивысшихъ природъ, обнимаетъ въ себѣ всѣ природы, и потому его природа скорѣе всякой другой природы, какъ высшей, такъ и низшей ея, способна къ особенному соединенію съ абсолютно наибольшимъ, т. е., съ Богомъ. Отсюда уже Николай Кузанскій выводитъ идею какъ боговоплощенія, такъ и искупленія падшаго человечества. Вотъ то міровоззрѣніе, на почвѣ котораго Николай Кузанскій надѣялся достигнуть полнаго примиренія между вѣрою и знаніемъ, религіею и философіею, и изъ котораго онъ думалъ разъяснить человѣческому разуму всѣ величайшія истины христіанства. Конечно, Николай Кузанскій самъ, въ своемъ міровоззрѣніи, еще не разошелся съ христіанскимъ ученіемъ настолько, чтобы порвать всякую связь съ христіанскою Церковію. Но въ его системѣ заключаются уже такіе элементы, которые не только не могутъ имѣть существеннаго значенія для защиты христіанства, но которые напротивъ, какъ вышедшіе изъ рукъ христіанскаго богослова и даже епископа могли въ свое время дать врагамъ христіанства, раздѣляющимъ пантеистическія воззрѣнія, довольно сильное оружіе для борьбы съ христіанскимъ вѣроученіемъ,—что въ дѣйствительности и случилось.

Николай Кузанскій написалъ, между прочимъ три книги *Scibrationum Alkorani*, въ которыхъ онъ съ полнымъ знаніемъ дѣла, и основательно доказываетъ ложь магометанства и несостоятельность ученія Алкорана. Думаемъ, что въ свое время это сочиненіе принесло большую пользу христіанской апологетикѣ, чѣмъ религіозно-философская система Николая Кузанскаго.

И такъ, послѣ сказаннаго ясно, что средневѣковая схоластика далеко не достигла того, къ чему стремилась. Она хотѣла слить философію съ богословіемъ, представить христіанство человѣческому разуму единственною разумною религіею, не стоящею съ нимъ ни въ какихъ противорѣчіяхъ, доказать ея истину и божественное происхожденіе, оправдать и разъяснить путемъ философскихъ изслѣдованій тѣ христіанскіе догматы, которые были изложены древними Отцами Церкви на вселенскихъ и помѣстныхъ соборахъ. Но вмѣсто этого схоластика именно больше всего, унизила христіанство предъ форумомъ человѣческаго разума. Ея союзъ съ Аристотелемъ, обратилъ богословскую науку только въ сухую и безжизненную діалектику; изящная форма, симметричность расположенія частей въ общемъ цѣломъ, во всѣхъ подробностяхъ разработанные планы и самыя сложныя схемы не скрыли отъ глазъ посторонняго наблюдателя всей пустоты и бессодержательности схоластическаго богословія. Какъ средневѣковый рыцарь, украшенный изящною одеждою и снабженный тяжелыми доспѣхами, былъ годенъ только для парада, но не для упорнаго и продолжительнаго боеваго дѣла, къ которому гораздо болѣе были способны простые, полунагіе воины древнихъ спартанцевъ и римскіе солдаты; такъ и схоластическій богословъ, не смотря на внѣшнее, формальное развитіе его науки, не смотря на то, что онъ былъ въ изобиліи снабженъ всевозможными сентенціями и могъ прикрыть себя всегда, при своей защитѣ, ссылкою на многочисленныя авторитеты, былъ не способенъ выйти побѣдителемъ изъ борьбы съ простымъ здравымъ смысломъ съ заурядными возраженіями человѣческаго разума; всякая свѣжая мысль, всякое новое явленіе въ области знанія могли обратить его въ постыдное бѣгство. Не трудно понять, почему

было потрясено довѣріе къ схоластической наукѣ. Всякій видѣлъ, что схоластическіе богословы строили не дѣйствительные, а только воздушные замки. Одна форма, безъ содержанія, какъ бы она ни была красива и изящна, не можетъ удовлетворить потребности ни сердца, ни разсудка. Еще къ худшимъ результатамъ привелъ средневѣковую схоластику ея союзъ съ древнимъ философомъ Платономъ. Мы видѣли, что этотъ союзъ болѣе всего содѣйствовалъ переходу отъ схоластики къ пантеизму, а чрезъ него къ невѣрію и крайней враждебности, какъ они выразились въ такъ называемую эпоху возрожденія наукъ и искусствъ. И такъ, вмѣсто полнаго примиренія вѣры и званія схоластика, конечно, противъ собственнаго желанія, наиболѣе содѣйствовала ихъ разъединенію, вызвавъ съ одной стороны недовѣріе къ христіанству, а съ другой даже крайнюю враждебность къ нему. Что же касается положительнаго значенія схоластики въ исторіи развитія Апологетическаго или Основнаго Богословія, то, преслѣдуя цѣли по преимуществу апологетическія и внося во всѣ свои работы характеръ преимущественно апологетическій, она дѣйствительно положила начало этой науки съ формальной, внѣшней стороны. Но и здѣсь ей нельзя не поставить въ вину того, что она не только не потрудилась надъ дальнѣйшимъ развитіемъ этой науки, оставивъ ее, такъ сказать, только въ зачаточномъ состояніи, но не умѣла даже надлежащимъ образомъ воспользоваться и тѣмъ богатымъ наслѣдствомъ, которое ей досталось отъ древне-христіанскихъ апологетовъ.

Профессоръ богословія, *Прот. Т. Буткевичъ.*

ОТВѢТЪ СТАРОКАТОЛИЧЕСКОМУ ПРОФЕССОРУ МИШО. ПО ВОПРОСУ О FILIOQUE И ПРЕСУЩЕСТВЛЕНІИ.

(Продолженіе *).

II.

Прежде, чѣмъ перейти къ разбору аргументовъ, приводимыхъ въ защиту Filioque, и къ научно-богословскимъ доказательствамъ истинно православнаго ученія объ отношеніи Сына Божія къ Духу Святому, я долженъ устранить нѣкоторыя недомѣнія, порождаемыя запутаннымъ у генерала Кирѣева изложеніемъ дѣла. Съ одной стороны, онъ высказывается противъ мысли о Сынѣ Божіемъ, какъ совинovníкѣ бытія Духа Святаго, и указываетъ на неудачность выраженія: „и сопричина“ въ разсужденіяхъ объ отношеніи Сына Божія къ Духу Святому ¹⁾, а съ другой стороны, не только утверждаетъ, что въ Filioque заключается нѣчто, имѣющее даже *неоспоримое* право на существованіе, но и увѣряетъ, будто въ этомъ случаѣ я—единомышленникъ его, хотя и отвергаю Filioque во всѣхъ его смыслахъ и формахъ ²⁾. Необходимо хотя вѣсколько разсвѣять этотъ туманъ, щедро напущенный моимъ оппонентомъ ради его высокихъ цѣлей. Спрашивается: въ чемъ же состоитъ истинный и коренной смыслъ Filioque и каково дѣйствительное отношеніе къ нему со стороны А. А. Кирѣева, съ которымъ я полемизировалъ раньше и мысли котораго не могу обойти въ моемъ отвѣтѣ г. профессору Мишо?

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 24, за 1898 г.

¹⁾ Стран. 27 и 29 во *Втор. ответѣ* мнѣ.

²⁾ Ibid. стр. 24 и 26.

Слово: *Filioque* имѣеть и должно имѣть лишь слѣдующій смыслъ, поскольку выражаетъ собою отношеніе Сына Божія къ Духу Святому по бытію: „виновникомъ исхожденія Третьяго Лица Пресвятой Троицы является не Отець только, но и Сынъ Божій“. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь въ томъ мѣстѣ Никеоцареградскаго символа, въ которое вставлено папистами означенное слово, идетъ рѣчь не о чемъ-либо другомъ, а исключительно объ исхожденіи Духа Святаго къ бытію. Отсюда само собою ясно, что *Filioque* вставлено папистами именно ради формальнаго показанія вѣкотораго участія Сына Божія въ актѣ предвѣчнаго исхожденія Духа Святаго къ бытію, а отнюдь не для указанія посольства Духа Сыномъ въ міръ. Употребляющіяся у папистовъ слова: *per Filium* выражаютъ *то-же самое* по существу своему. Вопреки всѣмъ увѣреніямъ римско-католиковъ, поддерживаемымъ и со стороны генерала Кирѣева ¹⁾ будто они не допускаютъ двойнаго начала, двойной причины бытія Духа Святаго, на самомъ дѣлѣ они признаютъ двоякое начало, двоякую причину исхожденія Третьяго Лица Троицы къ бытію. Еще Гуго Этеріанскій, одинъ изъ древнѣйшихъ защитниковъ папскаго догмата о *Filioque*, благородно признавался, что, съ римскокатолической точки зрѣнія, „Сынъ есть вѣкоторая вина Духа по естеству, какъ и самъ Отець“ ²⁾. Не даромъ-же и старокатолики, удерживающіе *Filioque* и *Per-filium* въ качествѣ богословскаго мнѣнія, почитаютъ Сына Божія „второй причиною или сопричиною“ бытія Духа ³⁾. Это дѣлаеть честь не только ихъ логикѣ, но и искренности. Старокатолики попирали-бы требованія той и другой, если бы высказывались иначе. Даже и А. А. Кирѣевъ, какъ ни хлопочеть затемнить ясное дѣло, былъ вынужденъ обронить мысль, что *Filioque* даетъ поводъ (только?) предполагать существованіе *двухъ началъ бытія* Духа Святаго ⁴⁾. Такимъ образомъ, слово: *Filioque*, какъ и *Per-Filium*, заключаетъ въ себѣ у папистовъ и старокатоликовъ въ томъ или иномъ видѣ *только* предста-

1) Стран. 5 въ *Письмѣ* къ редактору *Богосл. Вѣстника*.

2) Стран. 155 въ *Mystagogia Photii* Генгенредера.

3) № 39 *Церковн. Вѣстника* за 1896 г.

4) Стран. 25 во *Втор. отѣтѣ*.

вление о Сынѣ Божіемъ, какъ о совинovníкѣ *самаго бытія* Духа Святаго, а не другое какое-нибудь представленіе. Если же папскіе и старокатолическіе богословы съ ихъ союзниками и усиливаются печатно прикрыть подлинный смыслъ означенныхъ словъ напрасными и противорѣчащими существу дѣла увѣреніями, будто они не отвергаютъ „единства принципа“ въ Троицѣ, то дѣлаютъ это, конечно, не въ силу требованій логики и не по побужденіямъ истиннолюбія, а въ практически-полемиическихъ цѣляхъ. Спрашивается: какое-же дѣйствительное отношеніе генерала Кирѣева къ *Filioque* и *Per-Filium*?

На этотъ вопросъ не дается строго-опредѣленнаго и точнаго отвѣта въ статьяхъ и брошюрахъ моего оппонента. Взглядъ его на дѣло излагается то такъ, то иначе. Тѣмъ не менѣе *склоняюсь* утверждать, что А. А. Кирѣевъ принимаетъ и понимаетъ *Filioque*, какъ и *Per-Filium*, въ ихъ старокатолическомъ смыслѣ.

Еще въ своемъ *Дисъмтѣ* къ редактору „Богословскаго Вѣстника“ онъ заявилъ, что, по его, мнѣнію, въ *Filioque* заключается „частица истины“, которая, однако, можетъ быть *различно* понимаема и излагаема. ¹⁾ Изъ сказаннаго мною о естественномъ и неизбѣжномъ смыслѣ разсматриваемаго слова и изъ упомянутаго заявленія генерала Кирѣева несомнѣнно слѣдуетъ, что онъ допускаетъ признаніе Сына Божія *какой-либо*—активной или пассивной,—причиною бытія Духа Святаго, какъ бы онъ ни отрицалъ это вопреки законамъ логики и здравому смыслу. Противъ моего мнѣнія нисколько не говоритъ то обстоятельство, что генералъ Кирѣевъ опредѣляетъ заключающуюся въ *Filioque* частицу истины, какъ признаніе за Сыномъ Божіимъ вѣчнаго свойства, вѣчной силы, вѣчной способности посылать Духа Святаго въ міръ ²⁾. Вѣдь подъ этимъ свойствомъ, силою, способностью должно разумѣть, съ точки зрѣнія видящаго въ *Filioque* долю истины, прежде всего, свойство, силу, способность Сына такъ или иначе участвовать въ изведеніи Духа къ бытію, а затѣмъ и посылать Его въ міръ. Паписты такъ именно и понимаютъ дѣло. Спра-

¹⁾ Стран. 5 въ *отд. оттискѣ*. Само собою, сюда привносится и *Per Filium*...

²⁾ *Ibid.* стран. 5 и 7.

ведливость моего мнѣнія подтверждается и тѣмъ, что А. А. Кирѣевъ въ упомянутомъ его *Письмѣ* прямо отвергалъ мысль, что посольство Третьяго Лица Пресвятой Троицы Вторымъ Лицомъ Ея условливается дарованнымъ Ему отъ Отца за Его искупительный подвигъ нравственнымъ правомъ на это ¹⁾. Когда же мною было доказано генералу Кирѣеву, что мысль о со-вѣчномъ полученіи отъ Отца Сыномъ указаннаго права за искупительный подвигъ, отъ вѣчности же реализировавшийся въ очахъ Отца, есть не иное что, какъ ученіе Священнаго писанія и церковнаго преданія ²⁾, мой оппонентъ, повидимому, „вразумился“ нѣсколько и потому во *Второмъ отѣтѣ* мнѣ уже не говоритъ объ аріанскомъ, будто-бы, характерѣ выше указанной мысли ³⁾. Однако же, онъ все-таки съ рѣшительностью уклоняется отъ церковной точки зрѣнія на *причину* посольства Духа Сыномъ въ міръ. Это ясно видно изъ слѣдующаго заявленія генерала Кирѣева. „Для моей аргументаціи, говоритъ онъ о себѣ, совершенно безразлично, за *что* именно или *вслѣдствіе* чего именно получилъ Сынъ способность или право (иное дѣло—способность, которой не лишенъ и Духъ Святой, а иное дѣло—право) посланія, а важно и существенно лишь то, что право это искони связано съ вѣчной *натурою* Сына, --- съ Его способностью стать Спасителемъ“ ⁴⁾. Какъ видимъ, для моего оппонента *совершенно безразлично* то самое, что въ вопросѣ о посольствѣ Сына Духомъ представляется, по ученію Слова Божія и церковнаго преданія, имѣющимъ *рѣшающее* значеніе. Мною было выяснено, а генераломъ Кирѣевымъ не опровергнуто и *не можетъ* быть опровергнуто, что право посылать Духа хотя и стоитъ въ связи со *способностью* Сына стать Спасителемъ міра, но не вытекаетъ само сабою изъ этой способности и вовсе не условливается ею по существу своему ⁵⁾. Воспользовавшись моими мыслями о причинѣ посольства Духа Сыномъ ⁶⁾, а за тѣмъ *искаживши* ихъ при формулировкѣ своего

1) Ibid. стран. 7.

2) Стран. 8—11 въ отдѣл. оттискѣ моего *Отѣта*.3) Стран. 25 во *Втор. отѣтѣ* мнѣ. 4) Стран. 26 во *Втор. отѣтѣ*.5) Стран. 9 въ моемъ *Отѣтѣ* Кирѣеву.6) До моихъ разъясненій А. А. Кирѣевъ говорилъ о какихъ-то *неопредѣленныхъ* свойствахъ, силѣ, способности Сына посылать Духа въ міръ (стран. 6 въ *Письмѣ*).

взгляда, А. А. Кирѣевъ, вынуждаюсь сказать, съ *поразительной* безцеремонностью выдаетъ меня за своего единомышленника ¹⁾. Но этимъ онъ, конечно, не можетъ совершенно замаскировать подлинной своей мысли. А она, нужно полагать, состоитъ въ томъ, будто способность Сына стать Спасителемъ міра дѣлаетъ Его такимъ или инымъ участникомъ и въ изведеніи Духа Святаго къ *самому бытію*, что безусловно отрицается мною. Если-бы генераль Кирѣевъ не думалъ такъ, тогда ему не за чѣмъ было-бы считать для себя совершенно безразличнымъ ученіе Слова Божія и церковнаго преданія о *причинѣ* полученія Сыномъ права посылать Духа въ міръ.

Мое мнѣніе, что А. А. Кирѣевъ принимаетъ и понимаетъ *Filioque* въ его истинномъ и дѣйствительномъ смыслѣ, нисколько не опровергается тѣмъ, что онъ во *Второмъ ответѣ* мнѣ съ особой интенсивностью говоритъ о Богѣ Отцѣ, какъ объ единой причинѣ бытія Духа Святаго, и даже бросаетъ замѣчаніе касательно неудачности выраженія: „Сопричина“ въ разсужденіяхъ объ отношеніи Сына Божія къ Третьему Лицу Пресвятой Троицы. Мною уже было указано, что и паписты и старокатолики въ практически-полемиическихъ цѣляхъ завѣряютъ-же, вопреки логикѣ и здравому смыслу, будто, держась *Filioque*, они не отрицаютъ „единства принципа“ въ Пресвятой Троицѣ. По какой причинѣ они дѣлаютъ это, по той-же причинѣ и генераль Кирѣевъ могъ высказаться даже и противъ выраженій: „вторая причина или сопричина“ въ примѣненіи ихъ къ взаимоотношеніямъ между Сыномъ и Духомъ. Но сущность дѣла—не въ этихъ *голословныхъ* завѣреніяхъ и протестахъ. Пусть-бы оппонентъ мой резонно выяснилъ, какой именно терминъ наилучше выражаетъ, по сравненію съ словами: „вторая причина или сопричина“, завитую въ *Filioque* мысль и почему-же неудачны эти слова. Пусть онъ разъяснилъ-бы и доказалъ-бы, почему и какъ именно совмѣстимы одно съ другимъ призваніе Сына Божія совиновникомъ бытія Святаго Духа и „единство принципа“ въ Пресвятой Троицѣ. Но отъ этого всего дипломатично уклонился генераль Кирѣ-

¹⁾ Стр. 26 во *Втор. ответѣ*.

евъ по неудобовыполнимости указанной задачи. Если бы онъ на самомъ дѣлѣ былъ противъ мысли о Сынѣ Божіемъ, какъ о нѣкомъ совиновникѣ *бытія* Духа Святаго, то не только не признавалъ-бы чего-либо истиннаго въ *Filioque* и не сталъ-бы литературно препираться со мною, но и не допустилъ-бы въ своемъ *Второмъ ответѣ* мнѣ слѣдующаго. Во первыхъ, какъ ниже увидимъ яснѣе, онъ нарочито приводитъ изъ святоотеческихъ твореній такія выраженія, на которыя по преимуществу ссылались и ссылаются римскокатолики и старокатолики ради доказательства мысли, будто Сынъ—совиновникъ самаго *бытія* Духа Святаго ¹⁾. Свои цитаты оппонентъ мой сопровождаетъ знаменательнымъ указаніемъ на то, будто отцы и учителя церкви „очень разнообразно и свободно“ разсуждали и учили объ отношеніи Сына Божія къ Духу Святому ²⁾. Этимъ онъ поставляетъ на видъ, конечно, то, будто, на основаніи словъ отцовъ и учителей церкви, можно усматривать, кому угодно, *различныя* частицы истины въ *Filioque*. Остается только пожалѣть, что генералъ Кирѣевъ и въ данномъ случаѣ оказался скучнымъ на *необходимыя* объясненія и не сказалъ, какія же это *различныя* частицы истины находятся въ *Filioque* и почему отличается такой изумительной растяжимостью смыслъ этого слова ³⁾. Наконецъ, обращаетъ на себя вниманіе и ссылка А. А. Кирѣева на то, что въ отвѣтномъ посланіи патріарховъ на эдиклику папы Пія IX говорится „въ очень хвалебныхъ выраженіяхъ“ о папѣ Львѣ III-мъ, который былъ де сторонникомъ *Filioque* ⁴⁾. Тутъ косвенно одобряется моимъ оппонентомъ признаніе въ *Filioque* не „частицъ“ только истины, но, конечно, *всей* истины, считающейся ложью въ православной Церкви.

На основаніи всего сказаннаго мною, располагаюсь думать и говорить, что генералъ Кирѣевъ раздѣляетъ мысль о Сынѣ Божіемъ какъ о *нѣкоторомъ* виновникѣ *бытія* Святаго Духа, и что онъ объясняетъ самое посольство Духа Сыномъ въ

¹⁾ Ibid. стр. 28.

²⁾ Ibid. стр. 29.

³⁾ Въ виду словъ г. Кирѣева о заключающихся въ *Filioque* различныхъ „частицахъ“ истины я только *ad hominem* говорю о весьма различныхъ смыслахъ и формахъ *Filioque*, но нахожу всѣхъ ихъ ложными по существу дѣла...

⁴⁾ Стр. 29 и 30 во *Втор. ответѣ*.

міръ, въ концѣ всего, зависимость Третьяго Лица Пресвятой Троицы отъ Второго по самому бытію. Послѣ сдѣланныхъ мною замѣчаній, вызванныхъ потребностью уяснить затемненныи А. А. Кирѣевымъ предметъ полемики, обращаюсь къ доказательствамъ неправильности ученія о Сынѣ Божіемъ, какъ о *совиновникѣ бытія* Духа Святаго, хотя бы мнѣніе это допускалось въ качествѣ лишь богословскаго мнѣнія.

На вопросъ объ отношеніи Третьяго Лица Пресвятой Троицы къ Сыну Божію *Православное исповѣданіе* отвѣчаетъ слѣдующимъ образомъ: „Духъ Святой исходитъ отъ *одного* Отца. Сему научаетъ Самъ Спаситель словами: егда придетъ Утѣшитель, Его-же Азъ пошлю вамъ отъ Отца, Духъ истины, Иже отъ Отца и сходитъ (Іоан. XV, 26). Св. Аѳанасій сіе ученіе такъ изъясняетъ: „Духъ Святой отъ *одного* Отца, какъ отъ причины; исходитъ, а чрезъ Сына въ міръ посылается“¹⁾. На вопросъ, можетъ-ли ученіе объ исхожденіи Духа Святаго отъ Отца быть подвержено какому-нибудь измѣненію или дополненію, *Катехизисъ* нитрополита Филарета отвѣчаетъ такъ: „Не можетъ. Во-первыхъ, потому, что православная церковь въ ученіи семъ повторяетъ точныя слова Самаго Іисуса Христа, а Его слова, безъ сомнѣнія, суть достаточное и совершенное выраженіе истины. Во-вторыхъ, потому, что второй вселенскій соборъ, котораго главный предметъ былъ утвердить истинное ученіе о Святомъ Духѣ, безъ сомнѣнія, удовлетворительно изложилъ сіе ученіе въ символѣ вѣры, и каеолическая церковь признала сіе такъ рѣшительно, что третій вселенскій соборъ седьмымъ правиломъ своимъ запретилъ составлять новый символъ вѣры. Посему св. Іоаннъ Дамаскинъ пишетъ: „Духа Святаго и изъ Отца быти глаголемъ, и Духа Отца именуемъ: отъ Сына же Духа быти *никако-же* глаголемъ, но точію Его Духа Сынѣмъ нарицаемъ“²⁾. Таково ученіе православной церкви объ отношеніи Третьяго Лица Пресвятой Троицы ко Второму. Она прямо и ясно говоритъ, въ такъ называемыхъ символическихъ книгахъ своихъ, что Духъ Святой исходитъ къ бытію *только* отъ Отца безъ всякаго участія въ этомъ со стороны

1) Въ 1 ч. отвѣтъ на 71 вопросъ.

2) Изъ словъ объ осьмомъ членѣ символа вѣры.

Сына Божія. Тутъ мы въ нихъ имѣемъ дѣло уже не съ богословскимъ мнѣніемъ, а съ догматическимъ ученіемъ. Справедливость моего пониманія ученія указанныхъ книгъ православной церкви подтверждается непререкаемыми, на мой взглядъ, свидѣтельствами.

Ни въ одномъ изъ древнихъ символовъ и общепризванныхъ вѣроопредѣленій или вѣроизложеній вселенской нераздѣленной церкви нельзя найти и указать хотя бы малѣйшаго намека на то, что Сынъ Божій есть въ какомъ-нибудь смыслѣ совинovníкъ или сопричина *бытія* Духа Святаго. Отсутствие такового намека можетъ быть резонно объясняемо только тѣмъ, что мысль о Сынѣ Божіемъ, какъ о какомъ-либо виновникѣ бытія Духа Святаго, была совершенно чужда древнему вселенскому церковному сознанію. Но этого мало: вселенская нераздѣленная церковь, нужно сказать, прямо устраняетъ и осуждаетъ означенную мысль. Четвертый вселенскій соборъ, подтвердивъ запрещеніе какъ-либо измѣнять Никеоцареградскій символъ, засвидѣтельствовалъ, что этотъ символъ „въ совершенствѣ учить“ и о Духѣ Святомъ ¹⁾, а между тѣмъ въ этомъ символѣ говорится и объ изведеніи Третьяго Лица Пресвятой Троицы къ бытію. Каждый долженъ признать, что *совершенное* ученіе *вполнѣ* исчерпываетъ и рѣшаетъ вопросъ о началѣ или причинѣ *бытія* Духа Святаго, а тѣмъ самымъ прямо воспрещаетъ держаться мнѣнія, будто Сынъ Божій есть сопричина или вторая причина *бытія* Духа Святаго.

Согласно съ вселенскимъ соборомъ говорятъ торжественныя заявленія, или исповѣданія, и помѣстныхъ соборовъ, касавшихся разсматриваемаго предмета. Такъ, напримѣръ, бывшій подъ предсѣдательствомъ папы Дамаза, Римскій соборъ предаетъ анаѣмѣ тѣхъ, кто не хочетъ исповѣдывать, что Духъ Святой происходитъ отъ Отца *истинно и собственно*, какъ и Сынъ рождается отъ Отца ²⁾. Здѣсь слова: „истинно и собственно“ являются, по своему смыслу, тождественными съ словами: *только* отъ Отца или отъ *одного* Отца. Поэтому, напрасно увѣряютъ сторонники філіоквистическаго ученія, будто

¹⁾ Стран. 339 въ 3 т. *Vinii Concil.*

²⁾ Во 2 гл. V-й книги у Теодорита въ церковной исторіи.

папа Дамазъ упомянутыми словами, имѣлъ въ виду указать лишь на божество Духа Святаго, но якобы не думалъ устранить мысль объ участіи Сына Божія въ изведеніи Духа Святаго къ бытію. Для каждаго безпристрастнаго человѣка ясно, что папа Дамазъ высказался-бы за божество Третьяго Лица Пресвятой Троицы и въ томъ случаѣ, если бы призналъ исхожденіе Его къ бытію и отъ Сына, а не отъ одного Отца: вѣдь и Сынъ есть истинный Богъ. Папѣ Дамазу даже слѣдовало-бы высказаться касательно участія Сына Божія въ изведеніи Духа къ бытію, если бы онъ допускалъ это участіе. Дѣло— въ томъ, что ересь, съ которою боролся соборъ, была враждебна ученію о *вѣчномъ* исхожденіи Духа къ бытію и отъ Сына. Значить, и слѣдовало-бы поставить это на видъ еретикамъ и обличить ихъ заблужденіе. Между тѣмъ, Римскій соборъ поступилъ совсѣмъ иначе и чрезъ то ясно засвидѣтельствовалъ ученіе объ исхожденіи Духа Святаго къ бытію *только* отъ Отца или отъ *одного* Отца.

У св. отцовъ и учителей церкви тоже находимъ ясныя протесты противъ признанія Сына Божія участникомъ въ изведеніи Третьяго Лица Пресвятой Троицы къ бытію. Для примѣра укажу на знаменательныя въ высшей степени слова блаж. Θεодорита, высказанныя по поводу допущеннаго св. Кирилломъ выраженія: „Духъ собственъ Сыну“. „Если Кириллъ назвалъ Духа собственнымъ Сыну, какъ имѣющаго ту-же природу и исходящаго отъ Отца, то мы, говоритъ блаж. Θεодоритъ, согласны съ нимъ и принимаемъ это за благочестивое мнѣніе. Но если онъ сказалъ это съ той мыслию, будто Духъ *отъ* Сына или *чрезъ* Сына имѣетъ *бытіе*, то отвергаемъ это, какъ хулу и нечестіе“ ¹⁾. Въ отвѣтъ на это св. Кириллъ сказалъ, что онъ назвалъ Духа собственнымъ Сыну по причинѣ ихъ единосущія, а не по чему-либо иному ²⁾. Не очевидно-ли изъ этого, что отцы и учителя церкви рѣшительно не допускали той мысли, будто Сынъ Божій есть въ какомъ-нибудь отношеніи причина *бытія* Духа Святаго? Если бы эта мысль встрѣчалась у кого-нибудь изъ нихъ даже въ качествѣ богословскаго мнѣнія, то

¹⁾ Col. 493 въ 4 отд. LXXVI. Patrol. Cours. Compl. Migne. Ser. graec.

²⁾ I Labbei p. 123 въ VI t. Concil.

блаж. Θεодоритъ не сталь-бы въ такихъ сильныхъ выраженіяхъ упрекать св. Кирилла, а послѣдній прямо указалъ бы ему, что не онъ только, но такіе и такіе-то пастыри церкви думаютъ и учатъ подобно ему, и не объяснял-бы своихъ словъ объ отношеніи Сына къ Духу въ смыслѣ единосуція. Какъ видимъ, отцы и учителя не раздѣленной церкви признавали *только* Отца или *одного* Отца виновникомъ бытія Духа Святаго и не допускали мысли о какомъ-нибудь участіи Второго Лица Пресвятой Троицы въ изведеніи Третьяго Лица къ бытію.

Въ согласіи съ ученіемъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и отцовъ православной церкви истинные представители ея и впослѣдствіи времени также разсуждали и учили. Ссылка, которую Мэй сдѣлалъ, во время засѣданій Банской конференціи, на Марка, епископа Ефесскаго, будто этотъ послѣдній требовалъ отъ римско-католиковъ на Флорентійскомъ соборѣ только исключенія *Filioque* изъ символа, но допускалъ *Filioque* въ качествѣ богословскаго мнѣнія ¹⁾; ничѣмъ не оправдывается. Въ протоколѣ послѣдняго засѣданія Флорентійскаго собора находимъ сообщеніе о томъ, что Маркъ Ефесскій, получивши разрѣшеніе говорить, произнесъ длинную рѣчь, въ которой заявилъ о невозможности соединенія съ римско-католиками, какъ съ еретиками, до тѣхъ поръ, пока они не выбросятъ изъ символа приставку: *Filioque* и пока не будутъ исповѣдывать символъ согласно съ православными ²⁾. Въ одномъ изъ окружныхъ своихъ посланій Маркъ Ефесскій развиваетъ ту мысль, что нельзя найти никакой точки примиренія или чего-либо средняго между православнымъ ученіемъ объ исхожденіи Духа Святаго къ бытію *только* отъ Отца и римско-католическимъ ученіемъ объ исхожденіи Его *и отъ Сына* ³⁾. Въ виду столь ясныхъ словъ и столь рѣшительныхъ сужденій Марка Ефесскаго развѣ допустимо, чтобы онъ могъ терпѣть, даже въ качествѣ богословскаго мнѣнія, такое ученіе, которое, по его-же взгляду, рѣшительно непримиримо съ догматомъ православной церкви? Въ словахъ и сужденіяхъ Марка Ефесскаго несомнѣнно имѣется

¹⁾ Стран. 45 въ *Протоколахъ Общества любителей дух. просвѣщенія* (Сиб. отд.) за 1875—1876 гг.

²⁾ Ibid. Стран. 209 и 210.

³⁾ Ibid. Стран. 211.

въ виду Filioque, и какъ богословское мнѣніе. Думать иначе значило-бы не только превратно истолковывать взглядъ Марка Ефесскаго, но и навязывать ему грубое самопротиворѣчіе.

Въ ученіи, что Святой Духъ исходитъ отъ одного Отца, мы въ правѣ, даже и на основаніи сказаннаго выше, видѣть отнюдь не богословское только мнѣніе. Думая такъ, нарочито держусь той точки зрѣнія на догматъ, которая нѣкогда принята и старокатоликами. Въ числѣ семи положеній, прочитанныхъ покойнымъ профессоромъ Осининымъ на второмъ засѣданіи Банской конференціи, третье положеніе посвящено опредѣленію того, что такое догматъ. „Какъ на догматы должно смотрѣть, гласить этотъ тезисъ, лишь на тѣ пункты вѣроученія, которые по своему происхожденію и содержанію коренятся въ Божественномъ откровеніи и потому или а) выражены въ Священномъ писаніи яснымъ, не допускающимъ никакого произвольнаго толкованія ¹⁾, образомъ, или б) утверждены и опредѣлены какимъ-либо вселенскимъ соборомъ, или в) чрезъ единогласное свидѣтельство древнихъ отцовъ церкви получили обязательное значеніе, какъ истина, происходящая изъ Божественнаго Откровенія и, въ силу того по преданію существующая въ общемъ церковномъ сознаніи“ ²⁾. Это положеніе было принято безъ возраженій и единогласно всѣми, присутствовавшими въ засѣданіи, членами Банской конференціи ³⁾. Выраженнымъ въ третьемъ тезисѣ условіямъ вполнѣ и удовлетворяетъ ученіе православной церкви объ исхожденіи Духа Святаго къ бытію отъ одного Отца.

Мысль объ этомъ изложена въ Священномъ писаніи до такой степени ясно, что всѣ попытки произвольнаго толкованія ея сами собою осуждаются и виспровергаются. Спаситель говоритъ: *когда придетъ Утѣшитель, котораго Я пошлю вамъ отъ Отца, Духъ истины, Который отъ Отца исходитъ, Онъ будетъ свидѣтельствовать о Мнѣ* (Іоан. XV, 26). Хотя здѣсь и не сказано, что Третье Лицо Пресвятой Троицы исходитъ отъ одного

¹⁾ Считаю необходимымъ замѣтить, что произвольно толковать можно все, что угодно. Важно-же то, чтобы мысль была ясно выражена и этой ясностью достаточно обличала произвольность толкованій.

²⁾ Стр. 7 и 8 въ цитов. *Протоколахъ*.

³⁾ Ibid. стр. 9.

Отца, но это само собою очевидно. Посланіе Духа прямо и рѣшительно отличено отъ Его исхожденія. Первое поставлено въ нѣкоторую зависимость и отъ Сына (Іоан. XIV 16 и 26), а второе—въ полную зависимость отъ Бога Отца (Іоан. XV, 26). Между тѣмъ, если бы Сынъ Божій принималъ какое-либо участіе въ исхожденіи Духа Святаго къ бытію, то въ приведенныхъ словахъ не противопоставлялось-бы съ такой очевидностью посланіе и исхожденіе Третьяго Лица Пресвятой Троицы и послѣднее поставлялось-бы въ нѣкоторую зависимость и отъ Сына. О немъ, однако, совершенно умолчано въ этомъ случаѣ, а это съ достаточной основательностью можетъ быть объясняемо только тѣмъ, что Сынъ—ни въ какомъ смыслѣ не причина бытія Духа Святаго. Вселенскіе соборы не только учатъ объ исхожденіи этого Лица Пресвятой Троицы отъ Отца-же, но и объявили это ученіе совершеннымъ и не подлежащимъ какому-либо измѣненію. А что это ученіе исключаетъ всякую мысль о Сынѣ, какъ о какомъ-либо соучастникѣ въ изведеніи Духа къ самому бытію, въ пользу этого непререкаемо свидѣтельствуютъ и заявленія, подобныя сдѣланному Римскимъ соборомъ или блаж. Феодоритомъ,—заявленія, идущія въ православной церкви съ глубокой древности и до настоящаго времени и возможные только тогда и тамъ, когда и гдѣ почитается ложнымъ ученіемъ о Сынѣ Божіемъ, какъ о второй причинѣ или сопричинѣ бытія Св. Духа, хотя бы оно кѣмъ-нибудь и высказывалось съ настойчивостью.

Казалось бы, со стороны старокатолическихъ богослововъ не должно быть дѣлаемо никакихъ возраженій противъ православнаго ученія объ исхожденіи Духа Святаго къ бытію отъ одного Отца. Во время засѣданій Бонской конференціи Деллингеръ не разъ заявлялъ, что старокатолики готовы принять ученіе *Православнаго исповѣданія* объ исхожденіи Духа Святаго отъ одного Отца, какъ начала и источника Божества ¹⁾. Въ одномъ же изъ засѣданій упомянутой конференціи Деллингеръ выступилъ, между прочимъ, съ слѣдующимъ тезисомъ: „мы отвергаемъ всякое представленіе и всякій образъ выраженія,

¹⁾ Стр. 10 и друг. въ цитов. *Протоколахъ*.

въ которомъ *сколько-нибудь* содержится признаніе двухъ началъ, или *ἀρχαί*, или *ἀκτῖαι* въ Троицѣ¹⁾. Старокатоликами принято было на Бонской конференціи и слѣдующее изреченіе, всякое изъ твореній св. Іоанна Дамаскина: „Св. Духъ не исходитъ отъ Сына, потому что въ Божествѣ *одно* начало, *одна* причина, которою произведено все, что есть въ Божествѣ“²⁾. Въ послѣдствіи Роттердамская старокатолическая коммиссія заявила Петербургской синодальной коммиссіи, что старокатолики признаютъ единоначаліе во святой Троицѣ³⁾. Наконецъ, въ одномъ изъ старокатолическихъ катихизисовъ читаемъ слѣдующее: „Богъ. Отецъ есть единственный принципъ Божества: Бога Сына—въ томъ отношеніи, что Онъ отъ вѣчности рождается отъ Бога Отца, Бога Духа—въ томъ отношеніи, что Онъ исходитъ предвѣчно отъ Перваго Лица Пресвятой Троицы“⁴⁾. Если старокатолики пришли къ такимъ воззрѣніямъ, то нужно бы ожидать, что они признаютъ безусловную истинность православнаго ученія о Богѣ Отцѣ, какъ *единственномъ* виновникѣ бытія Духа Святаго, и совершенно отрекаются отъ несогласной съ этимъ ученіемъ мысли о Сынѣ Божіемъ, какъ о *второй причинѣ или сопричинѣ* бытія Третьяго Лица Пресвятой Троицы. Таковы неотразимыя требованія существа дѣла, здравой логики. Въ самомъ дѣлѣ, кто отвергаетъ *всякое* представленіе и *всякій* образъ выраженія, въ которомъ *сколько-нибудь* содержится признаніе *двухъ* началъ въ Пресвятой Троицѣ, тотъ, не измѣняя существу дѣла и здравой логикѣ, развѣ можетъ быть противъ православнаго ученія объ Отцѣ, какъ объ *единомъ* виновникѣ бытія Духа, и развѣ станетъ считать Сына Божія *второй причиною или сопричиною* бытія Третьяго Лица Пресвятой Троицы? Одно съ другимъ *никоимъ* образомъ не вяжется. Между тѣмъ, старокатолическіе богословы, продолжая признавать Сына Божія въ которой виною бытія Духа, не только предпочитаютъ пребывать въ непримиримомъ противорѣчій съ вышеуказанными положеніями, принятыми ими же самими, и съ словами ихъ же катихизиса, но и оспа-

1) Ibid. Стран. 80 и 86.

2) Ibid. Стран. 140.

3) № 38 Церк. Вѣстника за 1896 г.

4) Стран. 17 и 18 въ *Catéchisme catholique* (Berne; 1876).

риваютъ, вѣрное себѣ во всемъ, православное ученіе объ отношеніи Сына Божія къ Третьему Лицу Пресвятой Троицы.

Кажется, достаточно было-бы и сказаннаго мною, чтобы видѣть, съ одной стороны, истинность православнаго ученія объ отношеніи Сына Божія къ Духу Святому, а, съ другой стороны, то самопротиворѣчіе, въ которомъ путаются сторонники *Filioque*, и вмѣстѣ неосновательность приговоровъ профессора Мишо и генерала Кирѣева о напечатанномъ мною по этому предмету. Однако же, приходится входить и въ детальное разсмотрѣніе той аргументаціи, къ какой прибѣгаютъ приверженцы *Filioque* для оправданія своихъ воззрѣній. Аргументація эта троякаго рода. Во первыхъ, старокатолическіе богословы увѣряютъ, будто слова Евангелія и Никеоцареградскаго символа не уполномочиваютъ признавать Бога Отца единственнымъ виновникомъ бытія Духа Святаго. Во-вторыхъ, они утверждаютъ, будто отцы и учителя церкви признаютъ виновническое участіе или посредничество Сына въ изведеніи Духа къ бытію. Наконецъ, старокатолическіе богословы настаиваютъ на томъ, будто бы признаніе этого участія или посредничества Сына въ исхожденіи Третьяго Лица Пресвятой Троицы нисколько не противорѣчитъ мысли объ „единствѣ принципа“ въ ней. Съ этихъ сторонъ и обсудимъ аргументацію старокатолическихъ богослововъ и генерала Кирѣева.

Еще во время засѣданій Бонской конференціи неоднократно замѣчали старокатолическіе богословы, что по вопросу объ исхожденіи Святаго Духа нельзя заходить дальше того, что гласитъ буква Священнаго писанія или символа ¹⁾. Въ недавнее же время заявлялъ о томъ-же г. старокатолическій епископъ Веберъ, говоря, что въ Никеоцареградскомъ символѣ, какъ и въ Евангеліи, не говорится объ исхожденіи Духа Святаго только отъ Отца и что, поэтому, несправедливо ограничивать смыслъ сказаннаго въ нихъ словами: *только отъ Отца или отъ одного Отца* ²⁾. Поставляютъ это на видъ старокатолическіе богословы съ цѣлію доказать дозволительность мысли о Сынѣ Божіемъ, какъ о второй причинѣ или сопричинѣ бытія Третьяго Лица

1) Стран. 76 и друг. въ цитов. *Протоколахъ*.

2) Стран. 551 въ XIX вѣ. *Revue internationale de theologie*.

Пресвятой Троицы. Еще въ *Письмѣ* моемъ къ А. А. Кирѣеву я сдѣлалъ потребное замѣчаніе противъ такого взгляда на дѣло: „Хотя въ символѣ и вѣтъ оговорки, что Духъ Святыи исходитъ отъ *одного* Отца, но вѣтъ, конечно, потому, что не для чего было дѣлать ее. Коль скоро Святыи Духъ, по словамъ Евангелія и символа, исходитъ отъ Отца, какъ и Сынъ рождается отъ Отца-же, то вѣдь этимъ отрицается не только рождаемость Сына еще отъ кого-либо, но и исхождаемость Духа Святаго еще отъ кого-нибудь“¹⁾. Вотъ что сказано было мною и что обойдено г. епископомъ Веберомъ въ его возраженіяхъ. Слова мои являются выраженіемъ обычнаго и непремѣннаго требованія всякой разумной экзегетики. Только слѣдуя этимъ требованіямъ, мы не рискуемъ исказить смыслъ чьихъ бы то ни было словъ. Напротивъ, если держаться экзегетической точки зрѣнія, которую въ давномъ случаѣ высказываютъ старокатолическіе богословы, тогда въ нашемъ мнѣніи должны потеряться *подлинный* смыслъ и *подлинное* значеніе чуть-ли не всѣхъ слова Священнаго писанія и церковныхъ вѣроопредѣленій. Возьмемъ для примѣра хотя бы символъ вѣры. Въ немъ не сказано, что Духъ Святыи единъ. Слѣдуя своему экзегетическому приему, старокатолики въ правѣ говорить, что позволительна мысль о бытіи *нѣсколькихъ* Духовъ Святыихъ. Вообще экзегетическая точка зрѣнія, высказываемая старокатоликами, даетъ право держаться, во имя Священнаго писанія и церковныхъ вѣроопредѣленій, какого угодно нелѣпаго, но симпатичнаго намъ, мнѣнія. Будучи приложена къ истолкованію смысла обыкновенной устной или печатной рѣчи людей, эта экзегетическая точка зрѣнія открываетъ широкій просторъ для самаго превратнаго объясненія чужихъ словъ. Извѣстно изреченіе одного государственнаго мужа: „дайте мнѣ двѣ строчки письма какого-нибудь человѣка, и я берусь осудить его на смерть“. Этотъ государственный мужъ, очевидно, держался родственной старокатоликамъ экзегетической точки зрѣнія.

Такимъ образомъ, экзегетическое соображеніе, во имя котораго старокатолики оправдываютъ свою приверженность къ

¹⁾ Стран. 15 въ отдѣл. оттискѣ *Письма*.

Filioque, представляется вообще несостоятельнымъ и неизбежно ведущимъ къ лжетолкованіямъ, а потому оно *ничего* не говоритъ противъ признанія только Отца виновникомъ бытія Духа Святаго. Почитая Первое лицо Пресвятой Троицы единую причиною бытія Третьяго лица, православные богословы держатся, напротивъ, самаго разумнаго экзегетическаго правила и нисколько не измѣняютъ смысла словъ Евангелія и Никеоцареградскаго символа. Въ нихъ *ясно* сказано, что Духъ Святыи исходитъ отъ Отца. Православные богословы остаются вѣрными сказанному въ Евангеліи и въ символѣ, говоря даже, что Третье лицо Пресвятой Троицы исходитъ отъ *одного* Отца. Вѣдь въ символѣ, воспроизводящемъ буквально слова Евангелія, говорится *только* о Первомъ лицѣ Пресвятой Троицы, какъ о причинѣ бытія Духа, и *нигдѣ* даже не намекается на чье-либо участіе въ изведеніи Духа къ бытію. Однимъ словомъ: православные богословы констатируютъ лишь то, что говорится въ Евангеліи. Отецъ *одинъ*, и коль скоро въ Священномъ Писаніи со всей опредѣленностью говорится о *Немъ*, какъ о виновникѣ бытія Духа Святаго, то мы въ сущности повторяемъ лишь слова Священнаго Писанія, говоря, что Третье лицо Пресвятой Троицы исходитъ къ бытію отъ *одного* Перваго лица. Вмѣстѣ съ этимъ православные богословы такимъ образомъ представленія и выраженія свидѣтельствуютъ о своемъ благочестивомъ отношеніи къ словамъ Новаго Завѣта. Вѣдь боговдохновенные писатели послѣдняго въ состояніи были сказать и, конечно, сказали все, что должно и что нужно людямъ, по вопросу объ исхожденіи Духа Святаго къ бытію. Предполагать, какъ это дѣлаютъ римскокатолическіе и старокатолическіе богословы, ведомолвки въ *ясныхъ* словахъ Свящ. Писанія, значить въ концѣ всего вообще заподозривать авторитетность его и поставять человѣческое мнѣніе выше Богооткровеннаго ученія.

Между тѣмъ, старокатолическіе богословы всячески усиливаются видѣть въ словахъ Новаго Завѣта и въ приведенныхъ изъ него словахъ Никеоцареградскаго символа какое-либо основаніе для излюбленной своей мысли, хотя такого основанія и не обрѣтается въ нихъ.

Такъ, напримѣръ, г. епископъ Веберъ увѣряетъ, будто въ Священномъ Писаніи и въ упомянутомъ символѣ умалчивается объ исхожденіи Духа Святаго и отъ Сына ради того, чтобы ярче выразить мысль объ истинно божеской природѣ Третьяго лица Пресвятой Троицы ¹⁾. Откуда и какъ стало это извѣстно г. епископу Веберу? Мысль его ничѣмъ не оправдывается. Какъ въ Новомъ Завѣтѣ, такъ и въ Никеоцареградскомъ Символѣ весьма ясно и непререкаемо говорится объ единосущіи Сына Божія съ Богомъ Отцомъ и объ истинно-божеской природѣ Его. Указаніе на то, что Духъ Святой исходитъ и отъ Сына Божія, ясно и опредѣленно-же говорило-бы объ истинно-божеской природѣ Третьяго Лица Пресвятой Троицы. Будучи истиннымъ Богомъ, Второе Лицо Ея не могло-бы привести чего-либо тварнаго въ Духа Святаго, если бы Оно и принимало участіе въ изведеніи Отцомъ Духа къ бытію. Такимъ образомъ, умолчаніе о содѣйствіи Сына Божія Отцу въ изведеніи Третьяго Лица Троицы къ бытію должно быть объяснимо *только* тѣмъ, что этого содѣйствія въ дѣйствительности не было. Не ограничиваясь сказаннымъ, г. епископъ Веберъ дѣлаетъ ради оправданія *Filioque* и слѣдующее замѣчаніе: Какое-то отличіе отношеній Духа Святаго къ Богу Отцу отъ отношеній Сына Божія къ Первому Лицу Пресвятой Троицы свидѣтельствуется, говоритъ онъ, и тѣмъ, что въ Божественномъ откровеніи отношеніе Сына къ Отцу обозначено словомъ: *рождается*, а отношеніе Духа Святаго къ Первому Лицу Ея—словомъ: *исходитъ*. Опредѣлить и уяснить особенность этого какого-то иного отношенія Духа къ Отцу Господь, по словамъ епископа Вебера, предоставилъ дальнѣйшему развитію (ученія) въ церкви подъ руководительствомъ Духа же Святаго ²⁾. Это замѣчаніе вызываетъ не мало недоумѣній.

Повидимому, г. епископъ Веберъ хочетъ сказать прежде всего вотъ что: такъ какъ о Сынѣ Божіемъ говорится, что Онъ *рожденъ* Отцомъ, то мы на основанія этого, будто бы, понимаемъ и ясно представляемъ себѣ отношеніе Рождающаго къ Рождаемому и самое рожденіе. Но такъ-ли это? На са-

¹⁾ Стран. 551 въ XIX кн. *Revue*.

²⁾ *Ibid.*

момъ дѣлѣ оно—великая тайна для насъ. Не иной, а *такой-же* таинственностью остается для насъ и отношеніе Изводящаго къ Исходящему, какъ и самое изведеніе или исхожденіе. Еще св. Василій Великій говорилъ, что слова: *Сынъ, рожденіе, Духъ, исхожденіе* выражаютъ не собственное что либо Божеству, но присвоенное Ему чрезъ уподобленіе человѣку, который раждаетъ или раждается и изъ устъ котораго исходитъ дыханіе ¹⁾. Что собственно обозначается въ Божествѣ указанными словами, объ этомъ они не говорятъ намъ и не могутъ говорить. Для насъ несомнѣнно только то, что раждаемость Сына и исхождаемость Духа представляютъ собою *нѣчто* отличное одно отъ другого и указываютъ на различныя отношенія этихъ Лицъ Пресвятой Троицы къ Первому Лицу Ея. А если это бесспорно, то не странно-ли утверждать, что Господь предоставилъ дальнѣйшему развитію ученія въ церкви собственно опредѣленіе и уясненіе особыхъ отношеній Духа Святаго къ Богу Отцу? Вѣдь и опредѣленіе таинственныхъ же для насъ отношеній Сына къ Богу Отцу должно бы быть предоставлено тому же будущему. Съ другой стороны, Господь вѣдь однажды навсегда сообщилъ людямъ то, что имъ нужно и можно знать о Немъ и о другихъ предметахъ вѣры. Поэтому, самое развитіе вѣроученія можетъ состоять и дѣйствительно состоять только въ точнѣйшемъ опредѣленіи и наибольшемъ уясненіи его для человѣческаго сознанія, а не въ открытіи чего-либо, долѣе недавнаго въ откровеніи и невѣдомаго. Значить, все потребное уже сказано въ Божественномъ откровеніи и объ отношеніи Духа Святаго къ Отцу и Сыну. Сказанное же состоитъ въ томъ, что Третье Лицо Пресвятой Троицы посылается Сыномъ въ міръ, но исходитъ къ бытію отъ Отца.

Старокатолическіе богословы напрасно же ищутъ предлоговъ утверждать, будто въ словахъ символа: „и въ Духа Святаго, Господа, Животворящаго, Иже отъ Отца исходящаго, Иже со Отцемъ и Сыномъ спокланяема и славима“ не содержится *тричанія* участія Второго Лица Троицы въ исхожденіи Третьяго

¹⁾ Col. 733—737 въ XXIX t. Curs. compl.

Лица къ бытію. Если бы этого отрицанія не было въ нихъ, то необъяснимо, почему въ символѣ упоминаются вмѣстѣ Отецъ и Сынъ въ словахъ, говорящихъ о единосущіи и равенствѣ съ Ними Духа Святаго, а тамъ, гдѣ идетъ рѣчь объ исхожденіи Его къ бытію, совершенно умалчивается о Сынѣ. Этимъ умолчаніемъ прямо выражается та мысль, что Третье Лицо Пресвятой Троицы, единосущное или совершенно равное съ прочими Лицами Ея, бытіе имѣетъ, однако, отъ Перваго только Лица. Иначе нельзя объяснить это съ какой-либо удовлетворительностью. Возьмемъ хотя бы ссылку приверженцевъ Filioque на то, будто второй вселенскій соборъ умолчалъ объ участіи Сына въ изведеніи Духа къ бытію для того, чтобы устранить возможные кривотолки еретиковъ, учившихъ о сотвореніи Третьяго Лица Пресвятой Троицы Вторымъ. Ссылка эта бесплодна. Второй вселенскій соборъ сполна низложилъ лжеученіе Македонія и его единомышленниковъ уже тѣмъ, что провозгласилъ Духа Святаго Господомъ, Животворящимъ, спокланяемымъ и славимымъ Отцу и Сыну. Да и сотвореніе Духа совсѣмъ не то, что предвѣчное исхожденіе Его къ бытію. Значитъ, если бы отцы собора допускали мысль о какомъ-нибудь участіи Сына Божія въ актѣ изведенія Отцомъ Духа къ бытію, то должны были бы упомянуть объ этомъ участіи. Пожалуй, еще болѣе странной и напрасною является ссылка на то, будто отцы втораго вселенскаго собора не имѣли цѣлю опредѣлять въ символѣ отношеніе Сына Божія къ Духу Святому. Сказать о Третьемъ Лицѣ, что Оно единосущно, спокланяемо и славимо съ Вторымъ Лицомъ, развѣ не значитъ опредѣлять ихъ взаимоотношеніе?! Поелику же Духъ Святой чуждъ *отношеній* зависимости отъ Сына *по бытію*, то объ этихъ отношеніяхъ и нѣтъ рѣчи въ Никеоцареградскомъ символѣ.

Такимъ образомъ, слова Новаго Завѣта и Никеоцареградскаго символа, вопреки завѣреніямъ старокатолическихъ богослововъ и ихъ единомышленниковъ, несомнѣнно заключаютъ въ себѣ ту мысль, что виновникомъ бытія Духа Святаго есть *одинъ* Отецъ и что Сынъ Божій не есть *какой-либо* участникъ въ актѣ исхожденія Третьяго Лица Пресвятой Троицы къ бытію. Словами Новаго Завѣта *вообще* исключается виновниче-

ство Сына Божія въ этомъ актѣ, какими бы словами ни выражалось оно,—словами ли *Filioque* или словами *per Filium*,—и какой бы утонченный смыслъ ни получало оно въ истолкованіи старокатолическихъ богослововъ и ихъ единомышленниковъ.

Вторымъ аргументомъ ихъ,—какъ мы знаемъ,—являются для оправданія филиоквистическаго взгляда ссылки на отцовъ и учителей церкви. Профессоръ Мишо, какъ явствуетъ изъ его словъ, приведенныхъ мною въ предисловіи къ настоящей статьѣ, увѣряетъ, будто даже *многіе* отцы и учителя церкви ясно и предѣленно учили, что Духъ Святой исходитъ отъ *Отца и Сына* или *отъ Отца чрезъ Сына* ¹⁾. Подъ исхожденіемъ здѣсь разумѣется, очевидно, исхожденіе къ бытію ²⁾. Высказанная г. профессоромъ мысль уже сама по себѣ, безъ провѣрки ея историческими фактами, представляется невѣроятной, ошибочною. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ можно повѣрить, чтобы *многіе* отцы и учителя церкви учили, вопреки слову Божію и древнѣйшимъ символамъ, о *виновническомъ* участіи Сына Божія въ исхожденіи Третьяго Лица Пресвятой Троицы? Вѣдь это значило-бы, что *многіе* отцы и учителя церкви еретичествовали. Съ другой стороны, въ этомъ случаѣ и древнѣйшія церковныя вѣроопредѣленія такъ или иначе, но выражали-бы это ученіе. Какія-же доказательства приводитъ профессоръ Мишо въ пользу своей явно несостоятельной мысли? Онъ обращаетъ мое вниманіе на помѣщенную въ XXI книжкѣ *Revue internationale de theologie* статью (стр. 58—85), въ которой приведены выдержки изъ твореній церковныхъ писателей, относящіяся къ ученію о взаимоотношеніи между Лицами Пресвятой Троицы ³⁾. Всѣ эти выдержки, между тѣмъ, сами по себѣ *ничего* не говорятъ противъ отстаиваемаго мною православнаго догмата.

Прочитавши напечатанное въ упомянутой книжкѣ *Revue*, я остановился предъ неразрѣшимымъ вопросомъ, для чего на-

¹⁾ Изъ этого видно, какъ неправы увѣряющіе, будто старокатолическіе богословы держатся только *Per-filium*, и отъ *Filioque* отказались.

²⁾ Споръ идетъ о виновническомъ участіи Сына во изведеніи Духа изъ Отца. Само собою ясно, что именно эту мысль и имѣютъ въ виду слова профессора Мишо.

³⁾ Стран. 128 въ 21 кн. *Revue*.

писавъ статью и вынужденъ былъ признать напрасной тратою времени дальнѣйшее чтеніе подобныхъ статей. Статья г. профессора Мишо напомнила мнѣ употребляемый нашими раскольниками способъ борьбы съ православными миссіонерами. Онъ состоитъ въ томъ, чтобы такъ—сказать закидать противника цитатами изъ старопечатныхъ книгъ и затѣмъ объявить дѣло рѣшеннымъ. То-же самое дѣлаетъ и г. профессоръ Мишо. Онъ не только приводитъ извѣстныя всѣмъ богословамъ и мнѣ мѣста изъ твореній писателей церковныхъ, громоздя ихъ одно за другимъ, но не дѣлаетъ даже надлежащаго выбора между ними, вслѣдствіе чего въ число сдѣланныхъ имъ выписокъ попало много такихъ, которыя *нисколько* не относятся къ предмету спора или требуютъ *обширныхъ* комментариевъ для уразумѣнія подлинной, содержащейся въ нихъ, мысли. Было-бы излишнимъ для дѣла и для читателей, если бы, въ подтвержденіе сказаннаго мною, вздумалъ я приводить много мѣстъ изъ статьи *Revue*, а потому изложу лишь образчикъ. Первыми приведены изъ *Апологій* св. Іустина слѣдующія слова: „Не только среди еллиновъ обличено это Словомъ чрезъ Сократа, но и среди варварскихъ народовъ—Самимъ Словомъ, Которое приняло видимый образъ, сдѣлалось челоукомъ и нареклось Іисусомъ Христомъ. Вѣруемъ этому Слову... Отца и пришедшаго отъ Него Сына и предавшаго намъ это ученіе, вмѣстѣ съ воинствомъ прочихъ уподобляющихся и послѣдующихъ Ему благихъ ангеловъ, равно и Духа пророческаго почитаемъ и чествуемъ поклоненіемъ“¹⁾. Въ этомъ видѣ дѣлаются и прочія извлеченія изъ твореній церковныхъ писателей. Эти выдержки, взятая сами по себѣ, несомнѣнно говорятъ о доступности для г. профессора Мишо означенныхъ твореній и объ его трудолюбіи, но вѣдь этого я не оспаривалъ и не оспариваю. Если же онъ думаетъ, что именно такой способъ веденія вреній не схоластиченъ, научно-объективенъ, а слѣдовательно и плодотворенъ, то предпочитаю лучше слыть, въ мнѣніи его и его единомышленниковъ, схоластикомъ и субъективистомъ, чѣмъ практиковать quasi-научный приѣмъ, не со-

1) Ibid. стран. 58.

дѣйствующій рѣшенію важнаго вопроса, а, напротивъ, только затемняющій дѣло.

Вѣдь вопросъ—не въ томъ, существуютъ ли въ твореніяхъ отцовъ и учителей церкви такія-то и такія-то мѣста, а—въ выборѣ надлежащихъ мѣстъ и особенно въ уясненіи подлиннаго смысла и значенія ихъ. Я ожидалъ этого отъ моихъ противниковъ, но напрасно, хотя даже вызывалъ ихъ на это своимъ способомъ веденія полемики. Вполнѣ несправедливо упрекаетъ меня профессоръ Мишо за то, будто бы я предпочитаю вдаваться въ утонченныя умствованія. Теоретическія соображенія основываются у меня на потребныхъ фактическихъ данныхъ разнаго рода и имѣютъ цѣлю выясненіе спорнаго предмета. Приведу хотя одинъ примѣръ. Такъ какъ на Бонской конференціи старокатолики, съ Деллингеромъ во главѣ, заявляли объ особенномъ значеніи твореній Іоанна Дамаскина при рѣшеніи вопроса о томъ, какъ учили Отцы и учителя церкви объ отношеніи Сына Божія къ Духу Святому, то въ своемъ *Отвѣтъ* А. А. Кирѣеву я посильно разъяснилъ возрѣніе этого св. отца и учителя церкви по рассматриваемому вопросу, основываясь на различныхъ его словахъ, и посильно доказалъ, что оно безусловно отрицаетъ мысль о Сынѣ Божіемъ, какъ о второй причинѣ или сопричинѣ бытія Духа Святаго¹⁾. Между тѣмъ, г. профессоръ Мишо ни однимъ словомъ не обмолвился касательно сказаннаго мною о возрѣніи св. Іоанна Дамаскина и предпочелъ разумному спору объ этомъ, съ одной стороны, *расхваливаніе* написаннаго противъ меня генераломъ Кирѣевымъ, а, съ другой, *канцелярское* выписываніе и печатаніе многочисленныхъ мѣстъ изъ твореній церковныхъ писателей. Не сказалось-ли въ этомъ сознаніе невозможности опровергнуть мою мысль? По примѣру профессора Мишо и А. А. Кирѣевъ приводитъ, не сопровождая необходимыми толкованіями и выводами, даже очень краткія изреченія Василія Великаго, Григорія Богослова, Григорія Нисскаго, Афанасія Великаго и Іоанна Дамаскина²⁾. Этотъ образъ дѣйствій моихъ оппонентовъ, наружно удобный для нихъ, но совершенно бесполезный для выяс-

1) Стран. 14—20 въ отдѣл. отт. *Отвѣта* моего.

2) Стран. 28 въ отдѣл. отт. *Втор. отвѣта* мнѣ.

ненія занимающаго насъ вопроса, заставляеть меня обратиться къ своего рода дѣльной статьѣ неизвѣстнаго русскаго богослова, напечатанной, въ переводѣ на нѣмецкій языкъ, въ XXIV книжкѣ *Revue internationale de theologie* (стр. 681—712), и обсудить, правда-ли, будто *многие* отцы и учителя церкви учили объ исхожденіи, Духа Святаго къ бытію отъ Отца или Сына и отъ Отца чрезъ Сына и тѣмъ самымъ не дозволяютъ видѣть въ Символѣ вѣры мысли объ исхожденіи Третьяго Лица Пресвятой Троицы къ бытію отъ *одного* Бога Отца? Статья нашего богослова во многихъ отношеніяхъ благопріятна старокатолическимъ воззрѣніямъ и вожделѣніямъ, но за то написана видимо не только знатокомъ дѣла, но и желавшимъ посильно разъяснить его.

По занимающему насъ вопросу онъ высказываетъ слѣдующее воззрѣніе: Говорить объ исхожденіи Духа Святаго къ бытію отъ *одного* Отца, значитъ ограничивать смыслъ догмата. Между тѣмъ выраженію, *отъ одного Отца* не только не достаетъ санкции вселенскаго собора, даже той санкции, какую на седьмомъ вселенскомъ соборѣ получило изреченіе: *чрезъ Сына*, но и той степени авторитета, которая принадлежитъ богословскимъ выраженіямъ, употреблявшимся отцами церкви. Фотию стоило большаго труда оправдывать слова: „отъ *одного* Отца“ цитатами изъ святоотеческихъ твореній. Отцы церкви выражаются относительно Сына: „Единый отъ *Единаго*“, но избѣгаютъ этого выраженія, говоря о Святомъ Духѣ, очевидно, изъ опасенія, чтобы теза: „Духъ Святой исходитъ отъ *одного* Отца“ не стала антитезою по отношенію къ богословской идеѣ: „и чрезъ Сына просіяваетъ“. Воззрѣніе, что Святой Духъ изъ Отца чрезъ Сына исходитъ, проходитъ, просіяваетъ, столь часто встрѣчающееся у отцовъ, многократно повторяется въ *Точномъ изложеніи православной вѣры* св. Дамаскина и значитъ въ *Посланіи* св. Тарасія Константинопольскаго, православіе коего признано на Востокѣ и Западѣ (въ лицѣ папы Адріана) и засвидѣтельствовано седьмымъ вселенскимъ соборомъ. Важность указаннаго воззрѣнія такъ велика и очевидна, что богословы имѣютъ право видѣть въ Немъ не частное только мнѣніе какого-либо отца церкви,

но такъ сказать вселенскій, повсюду авторизованный *theologumenon* православнаго Востока ¹⁾).

Такъ смотритъ на дѣло русскій богословъ, статья котораго напечатана въ *Revue* безъ его подниси подъ нею. Выше уже выяснено мною по возможности, что выраженіе: „Духъ святой исходитъ къ бытію отъ одного Отца“ представляетъ собою лишь объективную передачу смысла словъ Новаго Завѣта и Никеоцареградскаго символа и прямо предполагается словами вселенскихъ соборовъ о совершенствѣ ученія символа касательно исхожденія Духа Святаго къ бытію, равно какъ знаменательнѣйшимъ заявленіемъ Θεодорита *никогда и ничѣмъ* изъ отцовъ церкви не оспаривавшимся. Теперь мнѣ предстоитъ оправдать сказанное разборомъ того, что говоритъ русскій собратъ—богословъ въ подтвержденіе своего воззрѣнія, только что изложеннаго мною. Но предварительно напомню, что, и по принятому старокатоликами опредѣленію догмата, подъ послѣднимъ разумѣется не только то, что ясно выражено въ Священномъ писаніи или утверждено и опредѣлено какимъ-нибудь вселенскимъ соборомъ, но и то, о чемъ единогласно свидѣлствуютъ отцы нераздѣленной церкви.

Если не будемъ опускать этого изъ виду, то окажется, что и неизвѣстный русскій богословъ, *вопреки своему желанію*, свидѣлствуетъ въ своей статьѣ въ пользу защищаемой мною мысли, состоящей въ томъ, что ученіе о Богѣ Отцѣ, какъ *единомъ* виновникѣ бытія Духа Святаго, есть *чисто догматическое* ученіе, а не какое-либо богословское мнѣніе.

Авторъ считаетъ безспорнымъ то, что Богъ Отецъ есть *единая, единственная* (*μὴ οὐσ αἰτιος*) причина *бытія* Третьяго Лица Пресвятой Троицы, по воззрѣнію отцовъ не раздѣленной церкви, и что слѣдовательно Сынъ Божій не есть ни виновникъ, ни совиновникъ *бытія* (*δπαρξισ*) Духа Святаго ²⁾. Хотя

¹⁾ Стран. 704 и 708 въ XXIV, кн. *Revue*. Подъ *theologumenon* авторъ разумѣетъ богословское мнѣніе, принадлежащее не всякому богослову, а только отцу, или нѣсколькимъ отцамъ церкви, или даже отцамъ всей какой-либо помѣстной церкви. Последняя имѣется въ виду въ ея еще нераздѣленномъ состояніи (стр. 682 въ XXIV кн. *Revue*).

²⁾ *Ibid.* Стран. 709.

тотъ же авторъ и говоритъ въ другомъ мѣстѣ, что, по его мнѣ-
нію, рожденіе Сына-Слова есть Богособразное *условіе* безуслов-
наго исхожденія Духа Святаго ¹⁾, но самъ онъ и замѣчаетъ
вполнѣ справедливо, при этомъ, во-первыхъ, что понятіе: *усло-
віе*, употребленное по отношенію къ *абсолютному*, представ-
ляется явнымъ самопротиворѣчіемъ ²⁾, а во-вторыхъ, что только
причина есть дѣйствующее, производящее начало, а условіе не
продуктивно, т. е. неспособно порождать чего-либо, произво-
дить что-нибудь ³⁾. Въ другомъ мѣстѣ авторъ еще рѣшитель-
нѣе заявляетъ, что условіе *ни въ какомъ* отношеніи не есть
причина ⁴⁾. Далѣе, утверждаетъ самъ авторъ, что никто и ни-
гдѣ въ твореніяхъ отцовъ и учителей церкви не можетъ ука-
зать ни одного мѣста, въ которомъ Сынъ Божій названъ былъ-бы
причиною или сопричиною бытія Духа Святаго ⁵⁾. Свидѣтель-
ствуетъ авторъ и о томъ, что при самомъ подробномъ, при са-
момъ обстоятельнѣйшемъ указаніи отцами ипостасныхъ свойствъ
(напримѣръ въ *De fide orthodoxa*) Сынъ Божій именуется,
подобно Духу Святому, лишь порожденнымъ или произведен-
нымъ. ⁶⁾ Но если, такимъ образомъ, всѣ отцы и учителя не-
раздѣленной церкви, по словамъ самаго автора, признавали
Бога Отца *единственнымъ* виновникомъ бытія Духа Святаго и
не почитали Сына Божія *какой-либо* причиною или сопричи-
ною исхожденія Третьяго Лица Пресвятой Троицы къ бытію,
то чрезъ это онъ собственной рукою вполнѣ зачеркиваетъ ска-
занное имъ, будто ученію объ Отцѣ, какъ *единомъ* виновникѣ
бытія Духа, недостаетъ надлежащей санкціи и будто оно, по-
этому, не есть догмать.

Не могу и желать лучшаго, чѣмъ какое сдѣлалъ авторъ,
подтвержденія правоты того, что я отстаивалъ и отстаиваю
противъ старокатоликовъ и генерала Кирѣева. Въдъ всякому
серьезному богослову должно быть извѣстно, что отцы на все-
ленскихъ соборахъ не выступали съ какимъ-нибудь новымъ
ученіемъ, а только свидѣтельствовали и утверждали господствующее
искони въ церкви ученіе. Значить, коль скоро отцы не-

1) Ibid. Стран. 693 и 694.

2) Ibid. Стран. 693.

3) Ibid. Стран, 685.

4) Ibid. Стран. 709.

5) Ibid.

6) Ibid.

раздѣленной церкви выражаютъ въ своихъ твореніяхъ ученіе объ Отцѣ, какъ единственной причинѣ бытія Духа Святаго, и не признаютъ Сына какой-либо причиною или сопричиною бытія Третьяго Лица Пресвятой Троицы, то этимъ они провозглашаютъ не иное что, какъ только *догматическую* истину, обязательную для всѣхъ насъ, не исключая старокатоликовъ и англиканъ, повидимому, желающихъ приобщиться къ единой истинной церкви, какова православная церковь. Въ словахъ отцовъ церкви выразилось пониманіе смысла изреченія Новаго Завѣта и Никеоцареградскаго символа объ исхожденіи Духа Святаго къ бытію, а это пониманіе должно быть непререкаемымъ въ христіанскомъ мірѣ.

Авторъ, однако, самъ, какъ мы видѣли, ослабляетъ силу и значеніе собственныхъ-же свидѣтельствъ о томъ, что отцы и учителя церкви признаютъ Бога Отца *единственнымъ* виновникомъ бытія Духа Святаго. Попытки автора умалить важность этихъ свидѣтельствъ все таки напрасны и нисколько не достигаютъ своей цѣли.

Что Фотій не безъ большого труда могъ оправдывать слова: „отъ *одного* Отца“ прямыми цитатами изъ святоотеческихъ твореній, это ничего не доказываетъ. Когда не появлялось мнѣнія, что Сынъ Божій есть вторая причина или сопричина бытія Духа Святаго, тогда не было для отцевъ и учителей церкви особаго побужденія прибѣгать къ частому употребленію словъ: *одинъ* или *единственный* по отношенію къ Богу Отцу — виновнику бытія Третьяго Лица Пресвятой Троицы. Но и въ то время, когда на Западѣ впервые стали употреблять, повидимому, въ *неправославномъ* смыслѣ выраженія: „Духъ исходитъ отъ Отца и Сына или отъ Отца чрезъ Сына“ при разсужденіяхъ объ исхожденіи Третьяго Лица Пресвятой Троицы, все таки не было-же у восточныхъ церковныхъ писателей настоятельныхъ поводовъ къ частому употребленію словъ: „отъ *одного* Отца или *только* отъ Отца. Представители восточной церкви, во-первыхъ, не могли не имѣть въ виду слѣдующаго свидѣтельства св. Максима исповѣдника: „Западные учителя, удостовѣривъ оныя, отнюдь не признаютъ Сына причиною Духа, ибо знаютъ, что *одна*

причина Сына и Духа—Отець: Сына чрезъ рожденіе, а Духа чрезъ исхожденіе, но показываютъ только, что Духъ чрезъ Сына *посылается*, или же выражаютъ мысль о *сродстве* и *безразличіи* ихъ сущностей“¹⁾. При такомъ положеніи дѣла большей частью достаточно было говорить языкомъ Новаго Завѣта и Никеоцареградскаго символа о виновникѣ бытія Духа Святаго безъ прибавки ограничительныхъ словъ. Вторыхъ, и не употребляя ихъ, отцы и учителя нераздѣленной церкви такъ учили объ отношеніи Сына Божія къ Духу Святому, что для людей вдумчивыхъ и безпристрастныхъ ясна была мысль ихъ объ Отцѣ, какъ *единственномъ* виновникѣ бытія Третьяго Лица Пресвятой Троицы. Не даромъ-же и авторъ разсматриваемой статьи пришелъ, на основаніи серьезнаго изученія святоотеческихъ писаній, къ твердому убѣжденію, что именно такова мысль древнихъ церковныхъ писателей касательно причины бытія Духа. Дѣло-же не въ словахъ, а въ той мысли, какую выражаютъ они.

Не подтверждается фактами мнѣніе автора, будто отцы и учителя церкви, говоря объ исхожденіи Духа Святаго отъ Отца, нарочито избѣгали выраженія: *единый отъ единого*, чтобы чрезъ то какъ бы охранить и санкціонировать изреченіе: „чрезъ Сына просіяваетъ“. Напротивъ, мы встрѣчаемъ у отцовъ и учителей церкви слова: *единый отъ единого* въ отношеніи и къ Духу Святому. Такъ, напримѣръ, св. Елифаній выражается слѣдующимъ образомъ: „Единъ Богъ Отець и единъ истинный Богъ; — единъ истинный Богъ потому, что изъ *Единого* единый Единородный Сынъ и *единый* только Духъ Святой“²⁾. Здѣсь прямо говорится объ *Единномъ* Духѣ отъ *Единого* Бога Отца. Но если бы мы и не находили такого рода изреченій у Отцовъ и учителей церкви, это обстоятельство само по себѣ *нисколько* не доказывало бы, будто они противопологали по самому смыслу выраженіе: *единый отъ единого* выраженію: „Чрезъ Духа просіяваетъ“. Противоположеніе этихъ изреченій допускалось-бы отцами церкви *только* подъ тѣмъ условіемъ, если бы они придавали словамъ:

¹⁾ Col. 136 въ t. XCI, 2, Patrol. Curs. Complet.

²⁾ Col. 19 въ t. XLIII Patrol. Curs. Complet.

„Духъ чрезъ Сына отъ Отца исходитъ или просіяваетъ“ значеніе *причинной зависимости* Духа отъ Сына по *самому бытію*. Но вѣдь только паписты и старокатолическіе богословы навязываютъ такое значеніе приведеннымъ словамъ, при чемъ предлогъ: *διὰ* или *per* (чрезъ) понимается ими въ смыслѣ указанія на причину посредствующую или вспомогательную. Отцы-же и учителя церкви были безусловно далеки отъ того, чтобы считать Сына Божія какой-либо, хотя бы посредствующей или вспомогательной, причиною бытія Духа Святаго,— были далеки и тогда, когда выражались, что Онъ исходитъ отъ Отца чрезъ Сына. Это—несомнѣнная истина, а подтвержденіе ея находимъ у *того-же* самого автора, который усматриваетъ какой-то антагонизмъ между выраженіями: а) Духъ исходитъ отъ *одного* Отца къ бытію и б) Духъ исходитъ *чрезъ* Сына. Такъ какъ эта сторона дѣла имѣетъ весьма важное значеніе и въ моемъ спорѣ съ профессоромъ Мишо и его единомышленниками, то повуждаюсь выяснить взглядъ автора съ нѣкоторой обстоятельностью.

Профессоръ А. Θ. Гусевъ.

(Продолженіе будетъ).

Посланіе римскаго папы Льва XIII о сохраненіи восточныхъ обрядовъ.

Изданная въ 1894 году папой Львомъ XIII энциклика „*Græslaga gratulationis*“ и обращенная къ государямъ и всѣмъ народамъ съ призывомъ къ соединенію съ Римскою церковью, распространяющаяся и по нынѣ въ нѣсколькихъ милліонахъ экземпляровъ, не осталась, къ счастью, безъ надлежащей критической отповѣди со стороны нѣкоторыхъ богослововъ Православной церкви. Таковы сочиненія: „Разборъ энциклики“ А. А. Кирѣева, „Смыслъ предлагаемаго намъ воссоединенія“ проф. А. П. Лоухина, „Возможные результаты воссоединенія съ Римскою церковью“ профессора богословія въ Аѳинскомъ университетѣ А. Діомидъ-Кириака ¹⁾ и „Православный разборъ энциклики папы Льва XIII“, составленный нами на арабскомъ языкѣ, по благому почину Императорскаго Православнаго Палестинскаго общества, для православныхъ христіанъ трехъ восточныхъ патріархатовъ—Іерусалимскаго, Антиохійскаго и Александрійскаго.

Со стороны-же Константинопольской церкви не появилось, къ сожалѣнію, по сіе время ни одного серьезнаго возраженія на эту энциклику. Но недавно вступившій на Константинопольскій патріаршій престолъ патріархъ Анеимъ, въ виду все

---

¹⁾ Обѣ первыя русскія статьи, а равно и 3-я греческая въ русскомъ переводѣ уже напечатаны вмѣстѣ съ полнымъ текстомъ самой энциклики въ отдельной брошюрѣ, подъ заглавіемъ: „Энциклика папы Льва XIII о соединеніи церквей“. (С.-Петербургъ 1895 года).

болѣе и болѣе возрастающаго распространенія упомянутой энциклики среди православнаго греческаго населенія Константинопольскаго патріархата, въ засѣданіи своего синода (27 апрѣля 1895 года) постановилъ поручить составленіе отвѣта на папскую энциклику особой комиссіи, составленной изъ трехъ архимандритовъ—Григорія Константиниди, главнаго редактора синодскаго органа „Церковная правда“, Германа Каравангели, Константина Вонзалиди и одного свѣтскаго профессора философіи Халкійскаго Богословскаго училища—Иордана Каролиди.

Такимъ образомъ эта энциклика папы Льва XIII получила уже должную отвѣдь; между тѣмъ какъ другая его энциклика, изданная въ томъ же 1894 году, о сохраненіи восточныхъ обрядовъ остается еще непереведенною и безъ возраженій. Исторія появленія этой послѣдней энциклики слѣдующая. Такъ какъ въ энцикликѣ „*Praeclara gratulationis*“ папа Левъ XIII торжественно обѣщаетъ, что, въ случаѣ соединенія православныхъ восточныхъ народовъ съ Римскою церковью, ни ихъ обряды, ни ихъ обычаи, ни даже права ихъ патріарховъ не будутъ-де измѣнены или нарушены, но все останется по-прежнему и по старому, то, на бывшемъ вскорѣ послѣ изданія вышеупомянутой энциклики о соединеніи церквей римскомъ соборѣ уніатскихъ восточныхъ патріарховъ, эти послѣдніе, неоднократно обманутые такими обѣщаніями римскихъ папъ, воспользовались давнымъ удобнымъ случаемъ и рѣшились выпросить для себя у „святаго отца“ особыхъ гарантій, ограждающихъ ихъ патріаршія права, обычаи и обряды отъ посягательства на нихъ со стороны наводнившихъ весь Востокъ разнообразныхъ латинскихъ монашескихъ орденовъ. Послѣдствіемъ этого шага уніатскихъ восточныхъ патріарховъ и было то, что безспорно замѣчательный дипломатъ и тонкій политикъ папа Левъ XIII не замедлилъ издать 30 ноября того же 1894 года особое посланіе „о сохраненіи восточныхъ обрядовъ“ въ угоду вышеупомянутымъ уніатскимъ патріархамъ. Это новое посланіе папы Льва XIII, которое какъ по содержанію, такъ и по обстоятельствамъ, вызвавшимъ его изданіе, заслуживаетъ серьезнаго вниманія всѣхъ Православныхъ церквей,

считаемъ не лишнимъ, переведши на русскій языкъ съ его арабскаго перевода, сдѣланнаго іезуитомъ въ Бейрутѣ (въ Сирии), сообщить русскому православному народу, при чемъ сдѣлаемъ, съ своей стороны, нѣсколько краткихъ замѣчаній на это посланіе, желая въ то же время предоставить другимъ дать на него болѣе полный и обстоятельный отвѣтъ.

ЛЪВЪ

Посланіе римскаго папы Льва XIII о сохраненіи восточныхъ обрядовъ.

Левъ епископъ, рабъ рабовъ Божіихъ, даетъ сіе посланіе на вѣчную память.

Достоинство восточныхъ церквей, подтверждаемое глубокой древностью и заслуживающее всякаго уваженія, составляетъ во всемъ христіанскомъ мірѣ предметъ великой славы и почитанія. По волѣ Всеблагаго Промысла въ довѣ восточныхъ церквей возникло и быстро распространилось таинство искупленія, давшее въ нихъ впервые цвѣтъ славныхъ апостольскихъ дѣяній, мученичества и святости и принесшее первые обильные и спасительные плоды.

Изъ этихъ церквей удивительнымъ образомъ разлились далеко многія блага на всѣ народы въ то время, когда блаженный Петръ, вождь Апостоловъ, отправился уничтожить заблужденія и пороки, перенеся съ собой, по волѣ Божіей, свѣтъ небесной истивы, Евангеліе мира и свободу Христову въ царствующій городъ—Римъ.

Небезъизвѣстно, что римская церковь, царица всѣхъ остальныхъ церквей, со временъ апостольскихъ оказывала восточнымъ церквамъ почетъ и большое расположеніе и въ свою очередь пользовалась полнымъ подчиненіемъ съ ихъ стороны. И въ слѣдующія времена, не смотря на различныя печальныя смуты, римская церковь никогда не переставала заботиться о восточныхъ церквахъ и оказывать имъ благодѣянія. Постоянно она пеклась о спасеніи ихъ отъ гибели, сохраненіи оставшихся подчиненными ей и возвращеніи удалявшихся отъ нея.

Мало того, римская церковь всегда старалась сохранять въ неприкосновенности присущіе всякой восточной общинѣ

обычай и обряды и особенно тѣ изъ нихъ, которые она признавала за согласное съ каноническими правилами. Доказательствомъ этому служатъ многочисленныя мудрыя постановленія нашихъ предшественниковъ, и въ особенности блаженныя памяти Пія IX, а также и „Конгрегаціи распространенія св. вѣры“.

Таковая же ревность побуждала и насъ со времени вступленія нашего на первосвященнической престолю съ великимъ вниманіемъ обратить взоры на христіанскія общины Востока. Мы поспѣшили посвятить все наше вниманіе для облегченія ихъ невзгодъ и бѣдствій и въ послѣдующее время мы не преминули воспользоваться другими случаями, чтобы высказать имъ наше явное расположеніе. И сказать по-истинѣ ничто насъ такъ не интересовало и не интересуеть и ничто мы не считаемъ болѣе священнымъ долгомъ нашимъ, какъ соединеніе этихъ вѣрующихъ съ апостольскимъ престоломъ (римскимъ) и пробужденіе живой, горячей вѣры въ ихъ сердцахъ для того, чтобы они во всемъ пользовались святостью и славой своихъ предковъ, подражая ихъ примѣру. И намъ нѣсколько удалось помочь этимъ церквамъ. Такъ, на примѣръ, мы основали въ этомъ самомъ городѣ (Римѣ) двѣ школы для образованія клировъ армянскаго и маронитскаго, а въ Филиппополѣ и Адрианополѣ учредили два духовныхъ училища для болгаръ, а такъ же рѣшились возстановить школу св. *Льва* въ Аѳинахъ.

Кромѣ того, мы не оставляемъ своимъ вниманіемъ школу св. Анны, учрежденную въ Іерусалимѣ для образованія клира католиковъ Мельхитовъ.

Затѣмъ мы готовы умножить число сирійскихъ учениковъ „Урбанской пропагандистской школы“ и возстановить по прежнему греческую школу св. Аѳанасія, согласно волѣ ея основателя славнаго Григорія XIII, потому что изъ нея, какъ извѣстно, вышли славные мужи, приобрѣтшіе себѣ громкую извѣстность.

Также мы весьма желаемъ исполнить нѣсколько подобныхъ дѣяній, особенно послѣ того, какъ мы, по внушенію Божію, окончили съ давняго времени волновавшее наше сердце предпріятіе: приглашеніе особой энцикликой государей и народовъ всего христіанскаго міра къ счастливому соединенію Божественной вѣры.

Поэтому мы старались прежде всего призвать и убѣдить тѣхъ изъ восточныхъ христіанскихъ народовъ, которые, къ сожалѣнію, доселѣ стоятъ разъединенными съ истинной церковью, выказавъ имъ наше любвеобильное, апостольское и отеческое расположеніе.

Намъ весьма пріятно видѣть, что наши надежды день-отодня увеличиваются, мы же, съ своей стороны, намѣрены посвятить всѣ свои силы этому спасительному дѣлу и употребить все возможное, съ одной стороны, для уничтоженія причинъ разлада и недоразумѣній, съ другой, для снисканія лучшихъ средствъ къ достиженію примиренія. При этомъ считаемъ весьма важнымъ заботиться и дѣйствовать для сохраненія существующихъ въ восточныхъ церквахъ особыхъ обрядовъ, какъ мы постоянно поступали и въ прежнее время.

Съ этою цѣлію мы считали обязательнымъ въ недавно учрежденныхъ для юношей—клириковъ изъ этихъ общинъ школахъ и теперь считаемъ обязательнымъ въ школахъ, впредь учреждаемыхъ, строгое соблюденіе присущихъ каждому народу особыхъ обрядовъ и наблюденіе за тѣмъ, чтобы учащіеся въ этихъ школахъ изучали и примѣняли ихъ на дѣлѣ.

И дѣйствительно, соблюденіе восточныхъ обрядовъ гораздо важнѣе, чѣмъ можно себѣ представить, потому что священная древность, которая облекаетъ ихъ, придаетъ всей церкви великую славу и утверждаетъ единеніе католической Божественной вѣры.

Разнообразіе восточныхъ обрядовъ еще свидѣтельствуетъ и объ ихъ апостольскомъ происхожденіи и ясно доказываетъ ихъ тѣсную связь съ Римомъ отъ начала христіанства. И почти нѣтъ такого свидѣтельства, которое бы доказало болѣе чудеснымъ образомъ всеобщность церкви Божіей, чѣмъ та особенная честь, происходящая отъ разнообразія степеней и языковъ, священныхъ какъ своею древностію, такъ и употребленіемъ, которымъ почтили ихъ Апостолы и Отцы. Эта честь отчасти подобна той чести, которая была воздана Господу Иисусу Христу, Божественному Главѣ церкви, когда при Его рожденіи пришли волхвы изъ разныхъ странъ Востока, чтобы поклониться Ему (Мѣ. 2, 1—2).

Что же можно замѣтить здѣсь,—это то, что, хотя святые

обряды сами по себѣ не были установлены для подтвержденія истинности католическаго ученія, однако достаточно ясно они доказываютъ и объясняютъ ее. Истинная церковь Христова какъ весьма заботится о сохраненіи всего, имѣющаго Божественное происхожденіе и поэтому не подлежащаго никакому измѣненію, такъ иногда и снисходительно относится къ тѣмъ измѣненіямъ, которыя происходятъ въ ея внѣшнемъ устройствѣ, въ особенности, если эти измѣненія согласны съ досточтимой древностью.

Этимъ то церковь и доказываетъ силу той жизни, которая никогда не старѣетъ и облакаетъ себя въ то позлащенное одѣяніе, которое, по словамъ Отцевъ Церкви, подразумѣвалъ псалмопѣвецъ Давидъ, говоря: „предста царица одесную тебѣ, въ ризахъ позлащенныхъ, одѣяна преукрашенная“.

Такъ какъ разнообразіе литургіи и восточныхъ обрядовъ имѣетъ то преимущество, что придаетъ Церкви великую славу и многія блага, то мы считаемъ нашимъ священнымъ долгомъ слѣдить за тѣмъ, чтобы не было никакого препятствія къ отправленію восточными общинами своихъ обрядовъ и никакого посползованія со стороны служителей Евангелія, которыхъ любовь Христова направляетъ съ Запада на Востокъ.

Поэтому повелѣваемъ придерживаться тѣхъ постановленій, которыя издалъ нашъ приснопамятный предшественникъ Бенедиктъ XIV въ своей буллѣ, начатой „De mandatum“, обнародованной въ видѣ посланія отъ 24 декабря 1743 года и отправленной Антиохійскому патріарху католиковъ—Мельхитовъ и всѣмъ остальнымъ подвѣдомственнымъ ему епископамъ. Но съ тѣхъ поръ прошло много времени, въ продолженіе котораго измѣнилось положеніе въ тѣхъ странахъ и умножилось число латинскихъ миссіонеровъ и школъ, что не могло ускользнуть отъ вниманія апостольскаго престола, и въ эти послѣдніе годы было не мало случаевъ, посредствомъ которыхъ мы узнали важность сего положенія, которую подтвердили наши братья—восточные патріархи своими неоднократными просьбами по этому дѣлу.

Но для того, чтобы получить полное понятіе о настоящемъ положеніи дѣлъ и принять необходимыя къ этому мѣры, мы въ послѣднее время нашли полезнымъ призвать въ Римъ выше-

упомянутыхъ патріарховъ для совмѣстнаго съ ними совѣщанія. Мы нѣсколько разъ собирали ихъ для обмѣна мѣній въ нашемъ присутствіи, присоединивъ къ числу ихъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ возлюбленныхъ сыновъ—кардиналовъ Св. Римской Церкви.

Послѣ тщательнаго разсмотрѣнія приготовленныхъ вопросовъ и обсужденія ихъ въ засѣданіяхъ собора, мы рѣшились разъяснить нѣкоторые пункты посланія папы Бенедикта XIV, а другіе—расширить, согласно новому положенію этихъ общинъ. Поэтому мы постановили, какъ принципъ, слѣдующее: латинскіе священники посылаются апостольскимъ престоломъ въ тѣ страны (на Востокъ) для того, чтобы они были по отношенію къ мѣстнымъ патріархамъ и епископамъ лишь помощниками. Поэтому они должны избѣгать злоупотребленія дарованной имъ властью въ ущербъ вліянію вышеупомянутыхъ патріарховъ и епископовъ и не уменьшать числа подчиненныхъ имъ (патріархамъ) вѣрующихъ. Изъ этого явствуютъ тѣ правила, которыя опредѣляютъ обязанности латинскихъ священниковъ, по отношенію къ восточнымъ патріархамъ и епископамъ.

Итакъ, по волѣ Божіей мы сочли нужнымъ объявить и подтвердить слѣдующія постановленія, которыя и подтверждаемъ, опираясь на нашу апостольскую власть, и во всеуслышаніе объявляемъ, что мы нынѣ желаемъ и повелѣваемъ, чтобы постановленія, изданныя папой Бенедиктомъ XIV для католиковъ Мельхитовъ, распространились на всѣхъ восточныхъ христіанъ, къ какому-бы обряду они не принадлежали:

1) Всякій латинскій миссіонеръ, будь онъ простой монахъ или священникъ, содѣйствующій своимъ совѣтомъ или помощью переходу кого-либо изъ восточныхъ христіанъ въ латинскій обрядъ, за этотъ поступокъ не только подвергается запрету совершать богослуженіе и всѣмъ прочимъ наказаніямъ, о которыхъ упоминается въ буллѣ „De mandatam“, но и лишается сана. Въ подтвержденіе-же этого постановленія повелѣваемъ, чтобы оно было прочитано въ каждой латинской церкви въ переводѣ на мѣстный языкъ.

2) Такъ какъ восточные патріархи не всегда находятъ священниковъ, принадлежащихъ къ ихъ обрядамъ, которымъ можно бы было поручить духовное попеченіе о сынахъ ихъ общинъ, то они должны поручить эту заботу священнику, который хотя-

бы и принадлежалъ къ другому обряду, однако обязанъ употребить въ Евхаристіи тѣ самые виды (опрѣсноки или квасный хлѣбъ), которые въ обычаѣ у данной общины,—и эту заботу предпочитается поручить священнику, принадлежащему къ восточному обряду. Католикамъ же какъ латинскаго, такъ и восточнаго обряда позволяется приобщаться по другому обряду не только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ священника или храма своего собственнаго обряда, какъ объ этомъ постановила „Конгрегація распространенія вѣры“ отъ 18 августа 1893 года, но и въ каждомъ мѣстѣ, гдѣ они не могутъ ходить въ свой храмъ, по причинѣ отдаленности его мѣстонахожденія. Право рѣшенія въ такихъ случаяхъ предоставляется митрополиту. При этомъ надо замѣтить, что если кто приобщается св. Таинъ, хотя-бы въ продолженіе долгаго времени, подъ другимъ видомъ, чѣмъ принято въ его церкви, то по этой причинѣ онъ не долженъ считаться измѣнникомъ своему обряду, но долженъ оставаться въ подчиненіи своему священнику.

3) Если у какого-нибудь изъ латинскихъ монашескихъ орденовъ, занимающихся на Востокѣ воспитаніемъ юношества, есть школа, въ которой находится большое количество учениковъ восточнаго обряда, то этотъ орденъ, по предварительному сношенію съ мѣстнымъ патріархомъ, долженъ назначить для нихъ при этой школѣ священника того же обряда, чтобы упомянутые ученики могли присутствовать на литургіи при св. причастіи и слушать объясненіе катехизиса и ихъ обрядовъ на своемъ языкѣ; если-же такого священника нѣтъ, то, по крайней мѣрѣ, надо приглашать его для вышеупомянутой цѣли во всѣ воскресные и праздничные дни. Поэтому упраздняемъ всѣ дарованныя выше упомянутымъ монашескимъ орденамъ привилегіи, особенно тѣ изъ нихъ, которыми ученики восточнаго обряда обязывались во все время своего пребыванія въ этихъ школахъ слѣдовать латинскому обряду. Что же касается постовъ, то предоставляется справедливости и усмотрѣнію начальниковъ школъ. Также должно заботиться о приходящихъ ученикахъ, чтобы они ходили въ свои приходы, если начальство найдетъ неудобнымъ, чтобы они присутствовали на богослуженіи въ церкви школы.

4) Вышеупомянутое постановленіе относительно мужскихъ

должно по возможности соблюдаться и въ женскихъ школахъ, находящихся подъ вѣдомствомъ монахинь (западныхъ). Если-же обстоятельства потребуютъ какого-либо измѣненія этого постановленія, то оно можетъ быть позволено лишь послѣ предварительнаго согласія со стороны мѣстнаго патріарха и дозволенія апостольскаго престола.

5) Впредь запрещается монахамъ и монахинямъ латинскимъ учреждать новыя школы для образованія юношества или монастыри безъ предварительнаго дозволенія апостольскаго престола.

6) Не дозволяется священникамъ, будь они латинскаго или восточнаго обряда, ни въ своихъ собственныхъ церквахъ, ни въ церквахъ другого обряда разрѣшать ни одного изъ тѣхъ вопросовъ, которые подлежатъ разсмотрѣнію епископа, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда самъ епископъ уполномочиваетъ ихъ на это. Поэтому мы упраздняемъ всѣ дѣйствующія до сихъ поръ привиллегіи.

7) Всѣ восточные христіане, которые, хотя-бы по разрѣшенію римскаго первосвященника, уже приняли латинскій обрядъ, испросивъ позволеніе апостольскаго престола, могутъ возвратиться къ своимъ прежнимъ обрядамъ.

8) Женщина латинскаго обряда, которая пожелаетъ выйти замужъ за мужчину восточнаго обряда, а также женщина восточнаго обряда, желающая сочетаться бракомъ съ мужчиной латинскаго обряда, свободна послѣдовать обрядамъ своего мужа или до вступленія въ бракъ, или послѣ. Въ случаѣ развода съ мужемъ, она можетъ возвратиться къ своимъ прежнимъ обрядамъ.

9) Всякій восточный христіанинъ, проживающій внѣ предѣловъ своего патріархата, долженъ быть подъ вѣдомствомъ латинскаго духовенства, но вмѣстѣ съ тѣмъ считаться послѣдователемъ своего обряда, такъ чтобы въ случаѣ возвращенія его въ епархію своего патріарха, даже послѣ долговременнаго отсутствія, онъ былъ подчиненъ власти послѣдняго.

10) Никакому обществу латинскихъ монаховъ и монахинь не дозволяется принимать въ свои члены кого-либо изъ восточныхъ, не имѣющаго на это письменнаго разрѣшенія со стороны епископа.

11) Въ случаѣ, если цѣлая община, семейство или даже одно лицо изъ нектоликовъ пожелаютъ вступить въ единеніе съ католической церковью подъ непремѣннымъ условіемъ при-

нять латинскіе обряды, то пусть они временно примутъ эти обряды, такъ что, когда захотятъ, то могутъ снова возвратиться къ восточному католическому обряду. Если-же эти: община, семейство или лицо соединятся безъ вышеупомянутаго условія и, по причинѣ отсутствія восточныхъ священниковъ, подчинятся вѣдомству латинскихъ, то они обязаны возвратиться къ своему прежнему католическому обряду, какъ только будутъ имѣть восточнаго священника.

12) Всѣ брачныя, церковныя и другіе вопросы, которые предлагаются на разрѣшеніе апостольскому престолу, не должны быть разрѣшаемы апостольскими легатами безъ оффиціального повелѣнія апостольскаго престола, но имѣютъ отдаваться на разсмотрѣніе „Конгрегаціи распространенія Св. Вѣры“.

13) Мы даруемъ патріарху католиковъ Мельхитовъ власть и надъ тѣми христіанами его обряда, которые проживаютъ въ предѣлахъ всей Оттоманской Имперіи.

Кромѣ всѣхъ вышеупомянутыхъ мѣръ и постановленій, какъ мы уже сказали, насъ еще занимаетъ мысль объ учрежденіи въ городахъ Востока, наиболѣе удобныхъ для этой цѣли, свѣтскихъ и духовныхъ школъ и разныхъ пріютовъ, предназначаемыхъ для приготовленія изъ мѣстныхъ юношей достойныхъ служителей по обрядамъ ихъ предковъ. Для достиженія этой, безспорно. полезной для католической вѣры, цѣли мы рѣшились назначить большія суммы, которыя надѣемся получать отъ разныхъ католическихъ благотворителей, такъ какъ извѣстно, что служеніе мѣстныхъ священниковъ, какъ болѣе удобное и пріятное для христіанъ, можетъ принести наиболѣе пользы, чѣмъ служеніе немѣстныхъ, какъ объ этомъ подробно мы высказали въ нашемъ окружномъ посланіи, изданномъ въ прошломъ году по случаю учрежденія духовныхъ школъ въ восточной Индіи.

Безспорно, что такая постановка дѣла образованія мѣстнаго духовенства увеличитъ у восточныхъ христіанъ уваженіе къ богословскимъ наукамъ, распространитъ знаніе древнихъ и новыхъ языковъ и принесетъ обильные плоды для общаго блага. Такимъ же образомъ мы достигнемъ той желательной цѣли, что католическіе священники посредствомъ своего образованія и соотвѣтствующаго ему добраго поведенія будутъ

вліять на соединеніе некатолическихъ христіанъ съ своею матерью—католической церковью. А если духовенство къ этому старанію прибавитъ еще твердую волю, солидарность и взаимную братскую любовь, то, по милости Божіей, непременно возсіяетъ тотъ желанный день, когда „достигнемъ вси въ соединеніе вѣры и познанія Сына Божія“, и такимъ образомъ исполнится слово апостола: „Все тѣло составленное и совокупленное посредствомъ всякихъ, взаимно скрѣпляющихъ связей,—при дѣйствіи въ свою мѣру каждаго члена, получаетъ приращеніе для созиданія самаго себя въ любви“ (Еф. 4, 16).

И дѣйствительно, одна эта церковь можетъ назваться истинною церковью Христовою, въ которой „едино тѣло и единъ духъ“ (Еф. 4, 4).

Мы не сомнѣваемся, что наши уважаемые братья—патріархи, архіепископы и епископы всякаго восточнаго католическаго обряда, благодаря всѣмъ извѣстной сыновней преданности какъ апостольскому престолу, такъ и намъ самимъ и ревностному попеченію о своихъ церквахъ, съ полнымъ уваженіемъ и подчиненіемъ примутъ вообще все, что мы постановили и съ ревностью позаботятся исполнить это.

Обиліе плодовъ, ожидаемыхъ отъ нашего постановленія, зависитъ преимущественно отъ дѣятельности нашихъ представителей на христіанскомъ Востокѣ. Поэтому мы увѣщаемъ нашихъ апостольскихъ легатовъ почитать, какъ слѣдуетъ, обряды, переданные этимъ общинамъ предками, и уважать и заставлять другихъ уважать власть патріарховъ и въ своихъ отношеніяхъ съ этими патріархами исполнять апостольскую заповѣдь, гласящую: „честію другъ друга больша творяще“ (Рим. 12, 10), оказывать ревность и вниманіе по отношенію къ епископамъ, остальному духовенству и всему народу и возбуждаться тѣмъ духомъ, которымъ возбуждался Апостоль Іоаннъ, когда отправилъ свой Апокалипсисъ семи церквамъ азійскимъ, говоря: „Благодать вамъ отъ сущаго, и иже бѣ, и грядущаго“ (Апок. 1, 4), показывать себя во всемъ достойными представителями нашими и стараться объ укрѣпленіи связи святаго единенія между восточными церквами и римскою, которая есть центръ этого единенія и любви.

Всѣ латинскіе священники, радѣющіе на Востокѣ о вѣчномъ спасеніи душъ, да вдохновляются этими-же чувствами

и да поступаютъ согласно съ нашими приказаніями и увѣщаніями. И вѣтъ сомнѣнія, что если они будутъ дѣйствовать съ полнымъ уваженіемъ и послушаніемъ римскому первосвященнику, то Господь Богъ вознаградитъ ихъ труды обильными плодами.

Итакъ мы желаемъ и повелѣваемъ, чтобы было строго соблюдаемо все, что мы объявили и постановили въ настоящемъ нашемъ посланіи, со стороны тѣхъ, для которыхъ оно написано. Настоящія-же наши постановленія не могутъ подлежать никакимъ спорамъ и пререканіямъ, а также никому, ни подъ какимъ видомъ, не позволяется отступать отъ ихъ исполненія. Мы желаемъ, чтобы наши повелѣнія вполнѣ исполнялись, и чтобы при исполненіи ихъ не принималось во вниманіе никакое препятствіе ни со стороны апостольскихъ правилъ, даже объявленныхъ вселенскими или помѣстными соборами, ни со стороны уставовъ, даже имѣющихъ апостольское подтвержденіе, ни со стороны какихъ-либо другихъ противоположныхъ обычаевъ и обрядовъ.

Съ этой цѣлью мы уничтожаемъ все, что противорѣчитъ нашимъ настоящимъ повелѣніямъ, а также желаемъ, чтобы всѣ экземпляры съ сего посланія, даже печатные изъ нихъ, если они имѣютъ надлежащую печать церковную, считались наравнѣ съ настоящимъ нашимъ посланіемъ.

Дано въ Римѣ изъ Ватикана въ 30 день ноября 1894 года Божественнаго воплощенія, первосвященства же нашего въ 17-й годъ.

Папа Левъ XIII.

Всякій, незнакомый съ тонкими приемами Римской куріи, прочитавъ это папское посланіе, подумаетъ, пожалуй, что оно вполнѣ гарантируетъ и навсегда обезпечиваетъ цѣльность и неприкосновенность церковныхъ обрядовъ и патріаршихъ правъ соединенныхъ съ Римскою церковью разныхъ христіанскихъ общинъ отъ всякой латинизаціи или посягательства на нихъ со стороны папскихъ легатовъ и другихъ многочисленныхъ латинскихъ патеровъ и монаховъ. Но такъ-ли это на самомъ дѣлѣ? Мы не станемъ здѣсь приводить тотъ цѣлый рядъ историческихъ фактовъ, которые наглядно свидѣтельствуютъ о неосновательности и обманчивости еще болѣе торжественныхъ,

чѣмъ настоящія, обѣщаній и заявленій римскихъ папъ о сохраненіи и оставленіи за присоединенными съ Римскою церковью ихъ мѣстныхъ обычаевъ, обрядовъ и даже догматовъ. Чтобы убѣдиться въ обманчивости такихъ обѣщаній Римской куріи, достаточно прочитатъ со вниманіемъ вышеприведенное посланіе папы Льва XIII, въ которомъ папа, съ одной стороны, запрещаетъ своимъ легатамъ и монахамъ вмѣшиваться впредь въ церковныя дѣла подчиненныхъ римскому престолу восточныхъ христіанскихъ общинъ, а съ другой,—позволяетъ и разрѣшаетъ этимъ же латинскимъ легатамъ и монахамъ заниматься школьнымъ образованіемъ мѣстныхъ дѣтей и юношей. Всякому, кто маломальски знакомъ съ методомъ преподаванія въ латинскихъ школахъ, не трудно понять, что это запрещеніе латинскимъ монахамъ вмѣшиваться впредь въ мѣстныя церковныя дѣла теряетъ всякое значеніе въ сравненіи съ разрѣшеніемъ этимъ монахамъ заниматься школьнымъ дѣломъ. Кому-же не извѣстно, что всѣ, воспитывающіеся въ латинскихъ школахъ, выходятъ латинянами болѣе, чѣмъ сами настоящіе латиняне? Слѣдовательно, какой смыслъ имѣетъ это посланіе папы, когда оно самое главное, именно—обученіе и воспитаніе молодого поколѣнія—передаетъ въ руки латинскихъ патеровъ и монаховъ? Правда, посланіе обязываетъ этихъ латинскихъ патеровъ и монаховъ заботиться о томъ, чтобы учащіеся въ ихъ школахъ воспитывались въ томъ духѣ обрядовъ и обычаевъ, которыхъ придерживаются ихъ общины; но кто можетъ ручаться за то, что латинскіе патеры и монахи, особенно іезуиты, будутъ навсегда и неизмѣнно соблюдать это постановленіе престарѣлаго папы Льва XIII-го? Вѣдь, всякая община, при первоначальномъ своемъ присоединеніи къ Римской церкви, получаетъ торжественныя заявленія и письменныя обѣщанія со стороны римскихъ папъ, что всѣ ея обряды и обычаи, и даже догматы будутъ оставлены безъ всякаго измѣненія, а между тѣмъ безпристрастная исторія доказываетъ, что ни одна община изъ присоединенныхъ къ Римской церкви не могла сохранить своихъ обрядовъ и обычаевъ, ни даже догматовъ отъ латинскаго вліянія. Совершенно справедливо замѣчаетъ профессоръ Петербургской Д. Академіи А. П. Лопухинъ въ своемъ возраженіи на энциклику папы, что „исто-

рія въ этомъ отношеніи (т. е. касательно неоднократныхъ торжественныхъ увѣреній римскихъ папъ о сохраненіи за всѣми присоединяющимися съ римскою церковію общинами ихъ обычаевъ и обрядовъ) представила слишкомъ осязательныя данныя, чтобы придавать какое-либо значеніе подобнымъ увѣреніямъ. Достаточно вспомнить о тѣхъ насиліяхъ, какими сопровождалась злополучная унія въ западной Россіи, когда самая безцеремонная, можно сказать, дерзкая латинизація старалась искоренить среди воссоединенныхъ всѣ слѣды ихъ греческаго обряда и даже русской народности. Эта латинизація продолжается и доселѣ въ западной Руси, и какъ будто въ посмѣяніе увѣреній энциклики, іезуиты въ Галиціи дерзко вторгаются въ русскіе монастыри, эти историческія твердыни церковно-національнаго самосознанія русскихъ галичанъ, и дѣлаютъ изъ нихъ очаги латино-польской пропаганды. Все это, говоримъ, дѣлается на нашихъ глазахъ и служитъ, слѣдовательно, достаточнымъ ручательствомъ за искренность увѣреній „намѣстника всемогущаго Бога на землѣ“...

Но, кромѣ обѣщаній о сохраненіи мѣстныхъ церковныхъ обычаевъ и обрядовъ, вышеприведенное папское посланіе обѣщаетъ еще оградить и права уніатскихъ патріарховъ и епископовъ отъ всякаго на нихъ посягательства со стороны латино-римскихъ легатовъ и нунціевъ. Но если дѣйствительно папа Левъ XIII рѣшился возстановить и подтвердить поправныя его представителями на Востокѣ права уніатскихъ патріарховъ и епископовъ, если папа дѣйствительно считаетъ этихъ патріарховъ и епископовъ таковыми *de facto*, то какая цѣль назначенія папою латинскихъ епископовъ и даже патріарховъ среди соединенныхъ съ Римскою церковію христіанскихъ общинъ въ Сиріи въ то время, когда каждая изъ нихъ имѣетъ своего мѣстнаго патріарха или епископа? Если назначеніе такихъ латинскихъ патріарховъ и епископовъ имѣетъ цѣлію лишь удовлетвореніе духовныхъ потребностей проживающихъ тамъ (въ Сиріи) разныхъ иностранныхъ католиковъ, какъ-то: нѣмцевъ, французовъ, итальянцевъ и др., а не распоряженіе церковными дѣлами уніатскихъ общинъ и умаленіе правъ и достоинствъ ихъ патріарховъ и епископовъ, то эти иностранныя католики, если не пожелаютъ быть въ церковномъ отношеніи подчиненными

мѣстному уніатскому духовенству (хотя такое неподчиненіе противорѣчитъ истинному смыслу соединенія), могутъ исполнять свои духовныя требы по латинскому обряду у патеровъ-іезуитовъ, францисканцевъ, доминиканцевъ, капуциновъ и другихъ многочисленныхъ латинскихъ монаховъ, число которыхъ въ десять разъ превосходитъ количество проживающихъ въ Сиріи иностранныхъ католиковъ. Если же монашескія правила этихъ разнообразныхъ орденовъ не позволяютъ ихъ членамъ заниматься отправленіемъ духовныхъ требъ свѣтскихъ людей, то не справедливѣ-ли было-бы, если бы папа посылалъ для этой цѣли латинскихъ священниковъ, а не латинскихъ патріарховъ и епископовъ, изъ уваженія, по крайней мѣрѣ, къ достоинству мѣстныхъ патріарховъ и епископовъ и соблюденія апостольскихъ правилъ и постановленій вселенскихъ соборовъ, которыми строго запрещается назначеніе двухъ епископовъ въ одну епархію? Какой смыслъ имѣетъ, напримѣръ, назначеніе латинскаго патріарха въ Іерусалимъ, тогда какъ тамошніе католики имѣютъ своего мѣстнаго патріарха? Мало того, какое значеніе имѣетъ существующее яко-бы единеніе между разными восточными церквами въ Сиріи и Римскою церковью, въ то время какъ каждая изъ нихъ имѣетъ своего собственнаго патріарха, и каждый изъ этихъ уніатскихъ патріарховъ называетъ себя Антиохійскимъ патріархомъ? Спрашивается теперь, кого изъ этихъ антиохійскихъ патріарховъ надо считать истиннымъ преемникомъ Апостола Петра на Антиохійской апостольской кафедрѣ?—патріарха-ли Маронитскаго, или патріарха Мельхитскаго, или—Сирійскаго, или—Халдейскаго, или—Армянскаго, или патріарха латинскаго? Что же еще страннѣе въ положеніи этихъ уніатскихъ патріарховъ, такъ это то, что нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напримѣръ, патріархъ Мельхитскій считаетъ себя патріархомъ не только Антиохійскимъ, но и Іерусалимскимъ и Александрійскимъ, въ противность апостольскимъ правиламъ, которыя не допускаютъ, чтобы одинъ епископъ возсѣдалъ на двухъ кафедрахъ, а тѣмъ болѣе—на трехъ апостольскихъ престолахъ. Но еще болѣе странно то, что этотъ же патріархъ, возсѣдающій на трехъ Апостольскихъ престолахъ, со своими тремя престолами подчиненъ Римскому престолу! Итакъ, нѣтъ сомнѣнія, что главная цѣль подобныхъ

папскихъ энцикликъ и посланій не соединеніе церквей или сохраненіе обрядовъ и догматовъ, а лишь подчиненіе и порабощеніе всѣхъ христіанскихъ народовъ Римскому папѣ. Для Римскихъ папъ не такъ важны обряды и даже догматы, какъ признаніе догмата о главенствѣ папы. Достаточно, чтобы всякая община, хотя бы совершенно еретическая, признавала главенство папы, и она будетъ считаться членомъ Римско-католической церкви. Что это такъ на самомъ дѣлѣ, достаточно указать на тѣ противорѣчія и даже еретическія ученія, которыя находятся у многихъ христіанскихъ общинъ въ Сиріи, состоящихъ однако въ уніи съ Римскою церковію. Такъ, на примѣръ, однѣ изъ нихъ (Яковиты, Армяне и Копты) держатся лжеученія объ одномъ ествѣ въ Іисусѣ Христѣ; другія признаютъ два естества въ Немъ: однѣ исповѣдываютъ двѣ воли въ Іисусѣ Христѣ, а другія (Марониты) одну; однѣ держатся несторіанскаго ученія объ Іисусѣ Христѣ (халдеи), а другія опровергаютъ его; однѣ признаютъ прибавленіе „и отъ Сына“ въ символѣ вѣры, а другія отрицаютъ его; однѣ (Армяне) доускаютъ употребленіе опрѣсноковъ въ таинствѣ Евхаристіи, а другія—порицаютъ его; однѣ разрѣшаютъ бракъ священниковъ, а другія запрещаютъ его; однѣ устраиваютъ свои храмы къ востоку, а другія—къ западу или безразлично—къ сѣверу или къ югу и т. д.!... И не смотря на всѣ эти противорѣчія и въ обрядахъ и въ догматахъ, эти общины считаются членами Римской церкви за то, что онѣ признаютъ надъ собой главенство папы! Что же это, какъ не явное доказательство того, что Римскіе папы считаютъ за ничто какъ церковные обряды, такъ и основные христіанскіе догматы, въ сравненіи съ выдуманнмъ ими догматомъ о папскомъ главенствѣ?!...

Итакъ, пусть Римскіе папы пишутъ и издають, сколько имъ угодно, энцикликъ и посланій, но никогда они не будутъ въ состояніи подчинить черезъ это своей власти Восточную Православную Церковь. Православная Церковь была, есть и будетъ на вѣки единственною Каеолическою, Святою и Апостольскою Церковью, которую не только папскіе замыслы, но и врата адавы не одолѣють.

Антіохійскій Архимандритъ Рафаилъ.

ГЛАВНѢЙШАЯ ПРИЧИНА РЕЛИГИОЗНЫХЪ СОМНѢНІЙ И НЕВѢРІЯ.

Идея о Богѣ глубоко коренится въ душѣ каждаго человѣка, и собственно говоря, человѣкъ не можетъ быть безъ вѣры въ Бога, не измѣняя собственной природы. „Религія, говоритъ епископъ Мартензенъ въ своей Догматикѣ, является существеннымъ, центральнымъ свойствомъ человѣка,—и религіозное сознание должно быть присуще какъ отдѣльному индивидууму, такъ вмѣстѣ съ тѣмъ и цѣлому народу, и цѣлому человѣчеству“. Вѣрность этой мысли подтверждается свидѣтельствомъ исторіи, повѣствующей намъ о томъ, что нѣтъ ни одного народа безъ религіи,—что послѣдняя присуща безъ исключенія всѣмъ народамъ, хотя и въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Но тотъ-же опытъ и та же исторія свидѣтельствуютъ, что существовали и существуютъ какъ отдѣльные индивидуумы, такъ и цѣлые народы съ слабымъ чувствомъ религіозности, граничащимъ иногда чуть ве съ положительнымъ отсутствіемъ его. Но послѣднее обстоятельство нисколько своимъ существованіемъ не опровергаетъ вѣрности перваго положенія,—но оно является, такъ сказать, исключеніемъ изъ общаго правила, есть явленіе ненормальное, есть своего рода аномалія, которая, какъ вездѣ и всегда, существуетъ и здѣсь. Притомъ безбожіе и невѣріе опредѣляются, собственно говоря, не абсолютнымъ отсутствіемъ идеи о Богѣ, что въ здоровомъ человѣкѣ немислимо, ибо только *безумецъ* можетъ сказать: *нѣтъ Бога*, но степенью истинности понятій о Богѣ и интенсивностію религіознаго чувства. Если только существуетъ абсолютное безбожіе, то только, такъ сказать, на словахъ дерзкаго богохульника, а не въ душѣ его,—полное безбожіе только удѣлъ

сумасшествія и безумія. Даже самый крайній матеріалистъ и тотъ не чуждъ идеи о Богѣ, хотя бы онъ прикрывалъ ее подъ словомъ „вѣчная матерія“, или даже „случай“. „Если такимъ образомъ, скажемъ словами одного писателя, не можетъ быть полнаго невѣдѣнія о Богѣ, то можетъ быть и на самомъ дѣлѣ бываетъ познаніе о Немъ глубоко-извращенное; если невозможно безусловное забвеніе Бога, то по крайней мѣрѣ возможно полузабвеніе, умственное и нравственное отчужденіе отъ Него. Вотъ это-то удаленіе отъ Бога, выражающееся или въ безнравственной жизни, или въ ложныхъ ученіяхъ о Богѣ и объ Его отношеніи къ міру и человѣку, или въ отрицаніи религіи, или въ фактическомъ устраненіи себя отъ Богопочтенія, и называется нерѣдко безбожіемъ; безбожникъ, вѣдь, не только тотъ, кто отрицаетъ Бога, но и тотъ, кто не имѣетъ Его“¹⁾. Невѣріе, такимъ образомъ, нельзя строго разграничивать отъ религіозныхъ сомнѣній: различіе здѣсь только, такъ сказать, въ степени, ибо невѣріе является завершеніемъ сомнѣній, и человѣкъ невѣрующій приходитъ къ невѣрію путемъ религіозныхъ сомнѣній;—поэтому мы въ своемъ изложеніи объ ихъ причинѣ не будемъ строго разграничивать другъ отъ друга.

Скептицизмъ и невѣріе не есть удѣлъ одного времени, одного какого-нибудь вѣка, вѣтъ,—скептицизмъ и невѣріе были прежде, будутъ и послѣ; это—своего рода болѣзнь, усиливающаяся по временамъ и достигающая иногда, подъ вліяніемъ благоприятныхъ къ тому обстоятельствъ, высшаго развитія. Стоитъ только обратиться къ исторіи человѣчества, чтобы убѣдиться въ этомъ. Дѣйствительно, исторія представляетъ намъ не мало тѣхъ эпохъ какъ въ жизни цѣлаго человѣчества, такъ и отдѣльныхъ народовъ, когда скептицизмъ и невѣріе особенно усиливались и достигали иногда колоссальныхъ размѣровъ. Едва только человѣчество успѣло выйти, такъ сказать, изъ своей колыбели, какъ зараза невѣрія быстро стала распространяться среди первыхъ людей и съ теченіемъ времени, все болѣе и болѣе усиливаясь, достигла высшаго своего развитія предъ потопомъ, который и былъ достойной карой развращен-

¹⁾ Вѣра и Разумъ 1891 сент. „Безбожіе“ А. Бѣллева 350 стр.

наго до-потопнаго человѣчества. Исторія, затѣмъ, всѣхъ языческихъ народовъ была только исторіей усиливающихся скептицизма и невѣрія, достигшаго у большинства изъ нихъ своего высшаго развитія предъ пришествіемъ Спасителя. Не была исключеніемъ отсюда и исторія еврейскаго народа, которая говоритъ намъ, что и въ этомъ богоизбранномъ народѣ нерѣдко проявлялись скептицизмъ и невѣріе, особенно усилившіеся также предъ пришествіемъ Спасителя. Не чужда скептицизма и невѣрія и жизнь христіанскихъ народовъ;—и въ христіанской исторіи мы видимъ много эпохъ, охарактеризованныхъ особеннымъ проявленіемъ скептицизма и невѣрія, таковы: эпоха предъ паденіемъ Западной Имперіи (476 г.), предъ паденіемъ Византійской имперіи (1453 г.), эпоха предъ реформаціей на Западѣ (1517 г.), особенно конецъ 18-го вѣка, когда въ одномъ государствѣ Запада (во Франціи) задумали было совсѣмъ изгнать изъ своихъ предѣловъ религію, запретили даже произносить имя Бога и устроили было культъ другому богу—человѣческому разуму,—наконецъ, къ числу такихъ же эпохъ по справедливости относятъ и нашъ препрославленный 19-й вѣкъ—вѣкъ усиленнаго теоретическаго и практическаго матеріализма.

Но какъ проявляется невѣріе въ цѣломъ человѣчествѣ и у отдѣльныхъ народовъ, такъ же оно проявляется и у отдѣльныхъ личностей, усиливаясь и достигая, при благопріятныхъ къ тому обстоятельствахъ, высшаго развитія въ одно время и ослабѣвая, подъ вліяніемъ другихъ обстоятельствъ, въ другое время.

Итакъ, существованіе религіозныхъ сомнѣній и невѣрія есть неоспоримый фактъ и, какъ фактъ, требуетъ, конечно, объясненія, т. е., указанія главной причины ихъ происхожденія. Въ чемъ же, спрашивается теперь, главная причина, главный источникъ религіозныхъ сомнѣній и невѣрія? Существуетъ много объясненій по этому вопросу, по существу мало объясняющихъ дѣло, впрочемъ, мы кратко рассмотримъ ихъ, чтобы рельефнѣе сказалась вѣрность настоящаго объясненія.

Говорятъ, что причиною невѣрія и скептицизма служитъ, будто бы, существующее противорѣчіе между религіей и наукой, вѣрой и знаніемъ, и потому-де, гдѣ господствуетъ наука

и знаніе, тамъ уже въ силу логической необходимости не можетъ быть религіи и вѣры. Но тутъ недоразумѣніе. На самомъ-то дѣлѣ никакого противорѣчія не существуетъ. Если вѣра противорѣчитъ знанію потому только, что вѣра, а то знаніе, то это неосновательно. Вѣдь и вѣра есть своего рода знаніе, и наоборотъ, знаніе не чуждо вѣры. Слѣдовательно они скорѣе взаимно пополняютъ другъ-друга, а не противорѣчатъ. Когда, съ одной стороны, вѣра говоритъ намъ, что міръ созданъ Всемогущимъ разумно-личнымъ Существомъ, то эта религіозная истина есть и требованіе нашего разума, и какъ такое есть знаніе. Какъ-бы ни ухищрялись прежніе и современные экс-ученые представить происхожденіе міра безъ участія Творца какою-то случайною комбинаціею невѣдомо откуда взявшихся силъ и законовъ природы и невѣдомо какъ начавшихъ дѣйствовать въ какой-то самобытной матеріи,—все же ихъ представленіе, какъ фикція, никогда не удовлетворитъ истинно-человѣческаго разума и всегда будетъ стоять въ противорѣчіи съ нимъ. Съ другой стороны, когда наука говоритъ вамъ, что сила и матерія неуничтожимы, то это научная истина, какъ основанная, такъ сказать, на полуоцѣтѣ потому—что для полнаго опыта нужно всевѣдѣніе, все-же будетъ скорѣе предметомъ вѣры, чѣмъ точнаго знанія. Да и многое другое въ наукѣ принимается на вѣру,—что это, такъ называемыя, научныя гипотезы, какъ не истины, принимаемыя на вѣру? Такимъ образомъ, нельзя унижать вѣры и говорить, что она удѣлъ неразумія. Стоитъ только поглубже вникнуть въ христіанскія истины, чтобы видѣть, какъ онѣ разумны. Самъ Основатель религіи, Который пришелъ просвѣтить блуждающихъ во тьмѣ невѣдѣнія и обманчиваго знанія (Лук. 1, 79), признавалъ права разума въ дѣлѣ вѣры и не думалъ, что истины вѣры противорѣчатъ разуму. „Испытайте писанія“, говорилъ Спаситель своимъ слушателямъ, т. е., изслѣдуйте разумомъ религіозныя истины и дѣлайте ихъ достояніемъ не слѣпой вѣры, во и достояніемъ ума, словомъ, разумной вѣры. Свое ученіе Онъ всегда приспособлялъ къ умственному развитію своихъ слушателей съ тою, конечно, цѣлію, чтобы люди легче и сознательнѣе усвояли открываемыя имъ истины: простому

народу Онъ сообщилъ ихъ въ приточной формѣ (Лук. 8, 4), а людямъ образованнымъ въ формѣ діалоговъ и разсужденій (Лук. 12, 14—37). Въ подтвержденіе истинности Своего ученія Онъ употреблялъ доказательства, которыя весьма разнообразились, смотря по тому, о чемъ и съ кѣмъ Онъ говорилъ: Онъ обращался за доказательствами къ Вѣтхому Завету, къ явленіямъ природы и т. д., и всѣмъ этимъ показывалъ, что религіозныя истины не противорѣчатъ разуму. Если такъ,—если между разумомъ и вѣрою нѣтъ противорѣчія, то не здѣсь причина невѣрія и скептицизма. Затѣмъ, говорятъ, изъ знаній особенно знаніе философское и положительное несовмѣстимо съ вѣрою. И ово-то и служитъ-де причиною невѣрія. Но правда ли это? Конечно, нѣтъ. Предположимъ, что вѣра иногда противорѣчитъ философіи, но спрашивается—какой? Вѣдь, философскимъ системамъ нѣтъ конца, и всѣ онѣ, если не въ основѣ, то въ частностяхъ противорѣчатъ другъ-другу: не было, нѣтъ и не предвидится въ будущемъ появленіе такой философіи, которая по праву исключала бы всякую другую и нашла общее признаніе. Какъ-же можно послѣ этого философское ученіе, само себѣ противорѣчащее, противопоставлять устойчивому Богооткровенному ученію и говорить, что послѣднее противорѣчитъ первому? Если говорить, что христіанское ученіе противорѣчитъ философіи, то нужно пояснить, что она противорѣчитъ именно опредѣленной философіи. Вѣдь, не всякая философія атеистична, съ другой стороны, и не всякая атеистическая нелѣпость есть философія. Истинная философія, цѣль которой достигнуть высочайшаго начала и первой причины всѣхъ вещей, всегда ведетъ къ признанію Божества. И къ чести философіи нужно сказать, что величайшія свѣтила этой науки, при всемъ разнообразіи ихъ понятій о Богѣ, никогда не унижались до опроверженія истины бытія Божія, и что среди огромнаго числа различнаго достоинства философовъ исторія философіи указываетъ только на ничтожное сравнительно количество лицъ и не высшаго философскаго достоинства, отвергающихъ истину бытія Божія. Какіе нибудь древніе софисты, или прошловѣковые энциклопедисты: Гельвецій, Дидро, Де-ла-Метри и т. д., скорѣе были диллетантами въ философіи, чѣмъ насто-

ящими философиями. Къ безбожію приводитъ не глубокомысліе, а легкомысліе, не истинная философія, а извращеніе или отрицаніе ея. Замѣчательно,—что изъ всѣхъ философскихъ системъ единственно въ точномъ смыслѣ безбожною является матеріалистическая, а она то именно и есть самая поверхностная и наименѣе философская изъ всѣхъ системъ философіи. Но винить философію вообще за направленіе отдѣльныхъ лицъ и системъ нельзя, это значитъ не понимать истинной цѣли и задачи этой науки. Вина въ данномъ случаѣ не въ самой наукѣ философіи, а въ отдѣльныхъ ея представителяхъ, идущихъ къ цѣли ложнымъ путемъ. А что нѣтъ противорѣчія между истинной философіей и христіанскимъ ученіемъ, доказательствомъ тому служитъ то, что есть цѣлыя философскія системы, болѣе или менѣе согласныя съ нимъ, таковы всѣ теистическія системы. Затѣмъ христіанскіе отцы и учителя церкви, будучи великими богословами, были въ то же время и глубокими мыслителями, глубокими философами, каковы, напр. свв. Григорій Богословъ, Григорій Нисскій, Оригенъ, св. Василій Великій и др. Да, наконецъ, то сравнительно чистое ученіе о Богѣ, человѣкѣ и мірѣ, какое мы встрѣчаемъ въ нѣкоторыхъ философскихъ системахъ христіанской эры, откуда-же взято, какъ не изъ Божественнаго Откровенія? Не свидѣтельствуетъ-ли все это объ отсутствіи противорѣчія между христіанскимъ ученіемъ и философскимъ сознаніемъ и объ ихъ полной взаимной солидарности? А если такъ, то, значитъ, и философія сама по себѣ не виновница скептицизма и невѣрія.

Нѣкоторые, далѣе, хотятъ видѣть причину невѣрія и скептицизма въ развитіи положительныхъ наукъ, особенно въ наше время. Но на это нужно во 1-хъ замѣтить, что скептицизмъ и невѣріе древнѣе самыхъ положительныхъ наукъ: послѣднихъ еще не было, когда существовали уже первые. Во 2-хъ нужно сказать, что въ данномъ случаѣ позабываютъ то, что истинны религіи и истины положительныхъ наукъ относятся къ разнымъ областямъ знанія, а потому въ сущности и не могутъ противорѣчить однѣ другимъ, и слѣдовательно, далѣе, положительные науки сами по себѣ не могутъ служить виною невѣрія. Задача положительныхъ наукъ—опытное познаніе явленій

природы, задача религіи—сообщеніе истинъ сверхъопытныхъ, сверхъчувственныхъ; положительныя науки изслѣдуютъ второстепенныя причины бытія, а религія говоритъ о первой причинѣ бытія, такъ что, отсюда понятно, признаніе истинъ положительныхъ наукъ не можетъ необходимо вести къ отрицанію истинъ религіозныхъ, напротивъ, скорѣе онѣ будутъ взаимно восполнять другъ друга, чѣмъ противорѣчить. А что это такъ, что положительныя науки сами по себѣ не служатъ предрасполагающимъ условіемъ къ невѣрію, то доказательствомъ этому можетъ служить множество глубокомысленныхъ и первостепенныхъ изслѣдователей природы, которые не только чужды были атеизма, но были людьми въ высокой степени религіозными, каковы, напр. Ньютонъ, Кеплеръ и др. Если же выходили и выходятъ изъ лагеря такихъ ученыхъ люди невѣрія, то, по большей части, такіе ученые являлись и являются, собственно говоря, диллетантами въ этой области званія, людьми, не понимающими задачи положительныхъ наукъ и потому незаконно вторгающимися въ чуждую для этихъ наукъ область вѣры,—людьми, кичащимися чужими открытіями въ этой области, не представляющими часто ничего для своихъ мнимо-логическихъ выводовъ по отношенію къ истинамъ религіи,—людьми, пользующимися всякими скороспѣлыми и потому ненаучными гипотезами этой науки для своихъ цѣлей. Вообще связь этихъ ученыхъ съ положительными науками чисто внѣшняя, которую они стараются поддерживать изъ-за того громаднаго авторитета, какимъ онѣ пользуются особенно въ наше время. Но сами по себѣ эти науки не ведутъ къ невѣрію; истинная почва атеизма—полу-ученость. „Недостаточныя свѣдѣнія въ естествознаніи, говоритъ Беконъ, склоняютъ человѣка къ безбожію, но болѣе глубокое изученіе ихъ приводитъ человѣка къ религіи“¹⁾).

И дѣйствительно, опытъ свидѣтельствуетъ, что скептиками и безбожниками чаще всего бываютъ вовсе не ученые или философы, въ собственномъ смыслѣ этого слова, а люди, схватившіе только верхушки наукъ и не имѣющіе истиннаго понятія о сущности ихъ,—легкомысленно обольщающіе себя вадеждою

1) Атеизмъ, Кудрявцева. Пр. об. 1882 г. стр. 216.

черезъ невѣріе прослыть передовыми учеными,—иногда даже совершенные невѣжды, повторяющіе только чужія слова безъ надлежащаго ихъ пониманія. Можно даже признать за правило, что огромное большинство безбожниковъ имѣетъ мало общаго съ серьезной наукой и съ философіей.

Итакъ, наука и философія сами по себѣ не могутъ служить главною причиною и источникомъ скептицизма и невѣрія; они служатъ, развѣ, такъ сказать, щитомъ, хотя и ненадежнымъ, для прикрытія неразумности и неосновательности невѣрія; ими стараются оправдать скептицизмъ и невѣріе уже возникшія, слѣдовательно главная причина ихъ не здѣсь.

Такъ гдѣ же, спрашивается послѣ этого, главный-то источникъ скептицизма и невѣрія? Въ развращенности сердца и воли,—въ нравственной распущенности человѣка, коренящейся въ эгоизмъ человѣка, что и постараемся далѣе доказать на основаніи фактовъ психологическихъ, подтверждаемыхъ исторіею.

Всякая другая область научнаго познанія, напр. вещественная природа, не въ такой мѣрѣ требуетъ отъ своего изслѣдователя нравственной чистоты, какъ область бытія сверхчувственнаго, хотя и тамъ едва-ли желателенъ и полезенъ для науки безнравственный ея представитель; поэтому нерѣдко приходится видѣть въ представителяхъ такихъ наукъ глубокія знанія въ соединеніи съ самымъ жалкимъ эгоизмомъ и съ величайшею испорченностію сердца. Но не такъ въ области Богопознанія; здѣсь нравственная чистота человѣка есть первое и необходимое условіе истиннаго Боговѣдѣнія. А такъ-какъ основа нравственной чистоты есть любовь, то потому Апостоль Іоаннъ Богословъ и указалъ на нее, какъ на главное условіе Богопознанія, а на отсутствіе ея, какъ на признакъ невѣдѣнія о Богѣ: „всякъ любяй, говоритъ онъ, знаетъ Бога, а не любяй не позна Бога“ (1 Іоан. 4, 7, 8).

Въ этихъ словахъ Апостола заключается глубокой психологической смыслъ.

Дѣло въ томъ, что всякое знаніе обусловливается двумя актами:—актомъ непосредственнаго воспріятія впечатлѣній познаваемыхъ предметовъ и актомъ мыслительной дѣятельности нашего разсудка по поводу данныхъ впечатлѣній въ области

эмпирическаго познанія, понимаемаго въ обширномъ смыслѣ этого слова, первый актъ опредѣляется органами внѣшнихъ чувствъ, въ области-же религіознаго знанія—органомъ внутренняго чувства—сердцемъ. Не будь органовъ внѣшнихъ чувствъ, мы не могли-бы имѣть никакого эмпирическаго познанія, такъ-какъ разсудку въ данномъ случаѣ принадлежитъ не первоначальная роль, а второстепенная, хотя и важная, такъ-что самая возможность, качество и степень достовѣрности нашего чувственнаго знанія главнымъ образомъ опредѣляется органами внѣшнихъ чувствъ и ихъ состояніемъ. Нормальность ихъ состоянія, обуславливая и правильность впечатлѣній, обуславливаетъ и правильность познаній, напротивъ, ненормальность ихъ влечетъ за собой неправильность ощущеній, а затѣмъ и неправильность познаній, отсутствіе-же или пораженіе какого-нибудь органа обрекаетъ человѣка уже на положительную невозможность пріобрѣтать познанія въ предѣлахъ этого органа.

Такъ точно и въ области религіознаго познанія,—не будь особаго органа для познанія сверхчувственныхъ предметовъ, невозможно было бы и познаніе ихъ, одинъ разсудокъ въ данномъ случаѣ не значитъ ничего, ибо его дѣятельность, хотя и необходимая, имѣетъ значеніе служебное—усвоятъ готовый матеріалъ, данный въ органѣ внутренняго чувства, такъ что, собственно говоря, вся область Богопознанія въ его возможности, правильности и полнотѣ опредѣляется внутреннимъ чувствомъ и его состояніемъ. Нормальность этого чувства опредѣляетъ правильность, ясность и отчетливость нашихъ религіозныхъ познаній, напротивъ, его ненормальность влечетъ за собой неправильность и неясность ихъ, граничащую иногда, при крайней огрубѣлости нравственнаго чувства, чуть не съ полнымъ отсутствіемъ боговѣдѣнія. Но въ чемъ-же, спрашивается теперь, состоитъ нормальность внутренняго чувства, какъ органа, посредствомъ котораго мы познаемъ божественное? Такъ какъ высочайшій объектъ этого органа познанія—Богъ, Существо Абсолютно-совершенное, Абсолютно-нравственная чистота, то и познающій субъектъ для того, чтобы вѣрно познать эту Абсолютную чистоту, необходимо самъ долженъ

имѣть возможную для него нравственную чистоту, ибо, какъ справедливо замѣтили еще древніе языческіе мудрецы, „подобное познается только подобнымъ“: только чистая душа можетъ созерцать чистѣйшее Божество. Итакъ, нравственная чистота сердца есть первое и необходимое условіе Богопознанія, и этою-то чистотою обуславливается нормальность нашего внутренняго чувства. Нравственное-же чувство просвѣтляется, возвышается и становится болѣе воспріимчивымъ или способнымъ познавать высшіе духовные предметы, слѣдовательно и пріобрѣтаетъ познаніе о Богѣ, при нравственной жизни человѣка, при его святости. Основу-же нравственности, и слѣдовательно и условіе для чистоты сердца, составляетъ любовь, какъ чувство вообще и какъ начало практической доброй дѣятельности. Поэтому-то, съ цѣлію указать въ любви главное средство Богопознанія, Апостоль Іоаннъ Богословъ и говоритъ: „не любяй не позна Бога, яко Богъ любви есть, и всякъ любяй, отъ Бога рожденъ есть, и знаетъ Бога“ (1 Іоан. 4, 7, 8). Здѣсь Апостоль, можно сказать, отождествляетъ любовь къ Богу съ познаніемъ Его. И дѣйствительно, если Богъ любовь, то для того, чтобы постигнуть Его, хотя отчасти, необходимо самому человѣку имѣть любовь, самому испытать, что такое любовь, чтобы черезъ свою любовь судить о любви божественной: кто еще не испыталъ любви, не питалъ ее къ кому-либо, тотъ, естественно, если знаетъ ее, то знаетъ ни болѣе, ни менѣе, какъ отвлеченное понятіе, какъ пустое слово, а не самую любовь. Далѣе, при искренней только и взаимной любви возникаетъ тѣсное общеніе, тѣсный союзъ между двумя личностями, а при тѣсномъ общеніи они лучше постигаютъ другъ друга, такъ и въ отношеніи къ Богу, который есть существо живое и личное,— тотъ только можетъ лучше познать Его, кто, имѣя искреннюю любовь, находится въ тѣсномъ общеніи съ Нимъ; а такое общеніе возможно лишь при нравственной чистотѣ человѣка, потому что, какъ вообще, въ живомъ отношеніи можетъ находиться только сродное съ сроднымъ, такъ въ частности, въ такомъ отношеніи съ Божествомъ можетъ находиться лишь богоподобное, и потому чѣмъ чище, свободнѣе отъ грѣховъ душа, тѣмъ тѣснѣе можетъ быть союзъ ея съ Богомъ, тѣмъ со-

вершеннѣе можетъ быть познаніе о Немъ. А чистота и святость души есть слѣдствіе любви вообще, и къ Богу въ частности. „Любовь не мыслить зла“ (Лк. 13, 5), поэтому человекъ, преисполненный любви, въ силу уже этого будетъ исполнять всѣ божественныя заповѣди, какъ основанныя на любви; а исполняя, будетъ черезъ это пріобрѣтать все большую и большую чистоту сердца, которое въ данномъ случаѣ можно назвать внутреннимъ зеркаломъ, отображающимъ въ себѣ въ известной, возможной для него мѣрѣ высшіе духовные предметы. И, понятно, чѣмъ чище это внутреннее зеркало, тѣмъ явственнѣе въ немъ отображеніе этихъ духовныхъ предметовъ и тѣмъ понятнѣе эти отображаемые предметы для разумнаго обладателя этимъ чистымъ зеркаломъ. Черезъ это-то чистое зеркало первѣе всего и познается главный объектъ нашей вѣры—Богъ, почему и Спаситель сказалъ: „блаженнѣе чистіи сердцемъ, яко тѣи Бога узрять“ (Мѡ. 5, 8), и узрять Его духовно, внутри себя, въ чертахъ образа Божія въ себѣ, которыя, подъ вліяніемъ нравственной чистоты, болѣе просвѣтляются въ нихъ и потому болѣе усвояются ими, а чрезъ образъ они лучше познаютъ и Первообразъ. А для такихъ людей, которые внутри себя познали Бога, внутри себя ощутили Его присутствіе, и книга природы „повѣдаетъ славу Божию“ (Пс. 18), и книга откровеній сообщитъ все, что только можно знать человеку о Богѣ. Итакъ, чѣмъ болѣе человекъ совершенствуется нравственно, тѣмъ полнѣе онъ восходитъ въ полноту Боговѣдѣнія; чѣмъ чище становятся умныя очи его сердца, тѣмъ яснѣе онъ видитъ Бога. Тутъ, „благодать дается на благодать“ (Іоан. 1, 16).

Если, такимъ образомъ, нравственная чистота сердца обусловливаетъ правильность и ясность познаній о Богѣ, то понятна будетъ наша мысль, что главнымъ источникомъ скептицизма и невѣрія служитъ развращенность сердца. Въ самомъ дѣлѣ, если для познанія Бога нужна чистота сердца, то ясно, что коль скоро эта чистота будетъ затемняться, вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ затемняться и самое познаніе о Богѣ, такъ что, при крайней огрубѣлости сердца, возможны лишь слабыя проблески Боговѣдѣнія. Чистота сердца, какъ мы видѣли,—это нормальность нашего органа Боговѣдѣнія, и понятно, если мы

искажаемъ эту чистоту, то лишаемъhalbъ органъ его нормальнаго состоянія, лишаемъ, значить, его возможности ясно и правильно воспринимать сверхчувственные предметы. Человѣкъ-же искажаетъ чистоту своего сердца безнравственною, грѣховною жизнію, льстящею его чувственности или самолюбію. Предаваясь такой жизни, вращаясь среди только земнаго и чувственнаго, человекъ, такъ сказать, оземляется: его сердце постоянно и постепенно нравственно грубѣетъ, его восприимчивость сверхчувственныхъ предметовъ, по мѣрѣ погруженія человека въ грѣховную жизнь, мало-помалу притупляется и оно все болѣе и болѣе теряетъ способность къ созерцанію Божественнаго. При такой жизни, когда въ душѣ человекъ господствуютъ одни дикія желанія и страсти, живетъ только одно низменное, чувственное,—естественно, нѣтъ и не можетъ быть мѣста возвышенному, сверхчувственному, Божественному,—естественно живѣе, при такой жизни помрачается и обезображивается образъ Божій въ человекѣ, такъ-что черезъ этотъ тусклый образъ послѣдній едва, а то и совсѣмъ не видитъ Его Первообразъ. Предаваясь одной чувственности, льстящей его эгоизму и гордости, порочный человекъ лишается главнаго нравственнаго импульса—любви, и вмѣстѣ съ тѣмъ лишается и общенія съ Богомъ, этимъ источникомъ любви,—а лишившись общенія съ Нимъ, онъ мало по малу позабываетъ его. Когда-же Богъ, такимъ образомъ, не имѣетъ уже мѣста непосредственно въ самой жизни человекъ, когда сердце его по своему закосябнію дѣлается неспособнымъ возвыситься надъ чувственнымъ и переноситься въ міръ сверхчувственный, тогда религіозное чувство его, постоянно и постепенно притупляясь и ослабѣвая, затемняется и гложетъ; мысль о Богѣ посѣщаетъ его все рѣже, наконецъ, и самое напоминаніе о Богѣ становится для него тягостнымъ и неприятнымъ, потому-что оно говоритъ ему о нежелательной для него карѣ за преступную его жизнь. А отсюда понятно, далѣе, является у подобнаго человекъ стремленіе освободиться отъ такого карающаго Существа: сначала возникаетъ у него только нерѣшительное еще сомнѣніе въ существованіи Бога-Мздовоздаятеля, а потомъ это сомнѣніе, подъ давленіемъ усиливающейся порочной жизни, невольно все болѣе

закрѣпляется, и, наконецъ, когда развращенность доходитъ до высшей степени, подобный скептикъ, для успокоенія колеблющейся все еще совѣсти, говоритъ въ растлѣнномъ своемъ сердцѣ: „нѣсть Богъ“. Но чтобы придать этой мысли видъ истины, надо, вѣдь, оправдать ее какими-нибудь разумными доводами,—и скептикъ не останавливается на этомъ, на помощь къ нему идетъ его разумокъ, который, подстрекаемый желаніемъ и личнымъ интересомъ, всегда готовъ оправдать своими софизмами заблужденія сердца и воли. И въ этомъ отношеніи такая дѣятельность разсудка совершенно понятна, потому-что онъ дѣйствуетъ въ данномъ случаѣ подъ вліяніемъ заинтересованнаго чувства, а психологически извѣстно, что чувство имѣетъ громадное вліяніе на характеръ умственной и волевой дѣятельности человѣка. Съ чувствомъ тѣсно связаны умъ и воля: какъ чувствую, такъ и мыслю; какъ мыслю, такъ и дѣйствую. Справедливо въ этомъ случаѣ говоритъ Фихте, что „наша система мыслей есть только исторія нашего сердца“. Все мое убѣжденіе происходитъ отъ нравственнаго настроенія, а не отъ разсудка,—и усовершенствованіе сердца ведетъ къ истинной мудрости¹⁾.

И это подтверждаютъ и слѣдующія слова Спасителя: „отъ сердца бо исходятъ помышленія злая“, т. е., сначала въ насъ зараждается нечистое чувство, за которымъ непосредственно слѣдуетъ нечистый помысль, побуждающій нашу волю на разныя злыя дѣйствія: „убійство, прелюбодѣянія, любодѣянія, татьбы, лжесвидѣтельства, хулы“ (Матѣ. 15, 19). И вотъ заинтересованное въ идеѣ Божества порочное чувство, для котораго непріятно Его бытіе, какъ нравственнаго Мздовоздаятеля, шепчетъ, такъ сказать, своему разсудку—оправдать зародившееся у него сомнѣніе въ бытіи Божіемъ, и разумокъ, „одаренный, по выраженію проф. Кудрявцева, необыкновенною гибкостію и способностію предлагать свои услуги къ самымъ разнообразнымъ требованіямъ личнаго интереса“²⁾, подъ давленіемъ такого-то сердечнаго внушенія, беретъ смѣлость оправдать своими софизмами это заблужденіе сердца. И послѣ этого неудивительно, что такой пред-

1) Апол. Геттингера, ч. 1, стр. 20.

2) Атеизмъ. Пр. Об. 1882 г. 224 стр.

занятый умъ скептика и въ философіи, и въ естествознаніи находитъ доказательства противъ истины бытія Божія. Здѣсь такой разумъ приступаетъ къ своимъ изслѣдованіямъ уже съ готовыми, предзанятыми положеніями и только старается послѣдовательно провести и оправдать ихъ. Онъ ищетъ истину не съ тѣмъ, чтобы найти ее, но чтобы привнести и оправдать свою мысль. И вотъ, у такихъ-то приверженцевъ философіи и естествознанія, неувидительно, послѣднія являются науками, враждебными религіи, отвергающими истину бытія Божія. „Каковъ человѣкъ,“ такова и изображаемая имъ философія“, вѣрно замѣтилъ Фихте, и этимъ замѣчаніемъ какъ бы подтвердилъ слова другаго знаменитаго философа—Бекона, что „никто не отрицаетъ бытія Божія, кромѣ того, кому выгодно, чтобы не было Бога“. 1).

Въ этихъ замѣчаніяхъ двухъ глубокихъ философовъ заключается вѣрный психологическій смыслъ, объясняющій намъ тѣ перѣдко случающіеся факты, когда люди, будучи нравственно заинтересованы, съ упорствомъ отстаиваютъ ничѣмъ неоправдаваемые, на безпристрастный взглядъ, положенія, и положенія, можно сказать, неразумныя,—неразумныя потому, что разумъ здѣсь дѣйствуетъ совершенно пассивно, находясь подъ сильнымъ давленіемъ своего порочнаго сердца: дѣятельность его, такъ сказать, сковывается этимъ давленіемъ и идетъ не по тѣмъ свободно-разумнымъ законамъ мысли, какими она должна бы идти, а по тѣмъ, какіе указываетъ ему порочное чувство,—потому-то такая дѣятельность и является вовсе не разумною, а безумною. Отсюда и понятно будетъ выраженіе Св. Писанія: „рече безуменъ“, и именно только безуменъ, въ порочномъ „сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ“ (Пс. 13, 5). Итакъ, вся причина невѣрія и скептицизма въ томъ, что въ данномъ случаѣ заинтересовано порочное сердце человѣка, и будь оно заинтересовано въ безспорныхъ истинахъ математики, то оно и ихъ не преминуло бы, по Мальбраншу, отвергнуть: „если-бы квадратъ гипотенузы или биномъ Ньютона, говоритъ Мальбраншъ, сопровождался какою-нибудь нравственною обязанностію, то и математика сдѣлалась-бы предметомъ сомнѣній 2).

1) Атеизмъ, стр. 224. 2) Индифферентизмъ Тильо. Хр. Чт. 1880 г. стр. 175.

Кромѣ того въ отрицаніи Божества разсудокъ, дѣйствуя подъ вліяніемъ нравственнаго эгоизма, побуждается къ этому и собственнымъ эгоизмомъ, который еще болѣе усиливаетъ дерзость въ отрицаніи Божества и даетъ ему даже безумную смѣлость богохульствовать. Зародившись сначала въ видѣ сомнѣній въ порочномъ сердцѣ человѣка, отрицаніе Божества, покуда покоится на нравственномъ только эгоизмѣ, имѣетъ видъ, такъ сказать, практическаго атеизма, т. е., простаго забвенія о Богѣ. Но какъ скоро это сомнѣніе, этотъ практический атеизмъ переносится на арену растлѣннаго человѣческаго разсудка, то это сомнѣніе, этотъ практический атеизмъ, подъ вліяніемъ умственнаго эгоизма, принимаетъ уже видъ атеизма теоретическаго, видъ дерзкаго отрицанія Божества и безумнаго богохульства. Вращаясь своими изслѣдованіями въ сферѣ только чувственнаго и земнаго и упиваясь уснѣхами этихъ изслѣдованій, умъ человѣка, будучи въ силѣ, такъ сказать, своей плотяности неспособенъ къ уразумѣнію предметовъ духовныхъ, сверхчувственныхъ, съ гордою самонадѣянностію отвергаетъ неподдающуюся его уразумѣнію область духовнаго бытія, какъ несуществующую, — и отвергаетъ съ какимъ-то особеннымъ самодовольствомъ — почему? потому что это отрицаніе, лаская его собственный эгоизмъ, льститъ главнымъ образомъ нравственному самолюбію человѣка.

Итакъ, нравственная порча сердца — вотъ главная причина и корень религіозныхъ сомнѣній и невѣрія. А что это такъ, мы постараемся это подтвердить, въ заключеніе, историческими примѣрами какъ отрицательнаго, такъ и положительнаго характера. Всѣ тѣ эпохи, на которыя мы въ началѣ указали, какъ на эпохи усиленнаго невѣрія, всѣ они отличались наибольшею нравственною распущенностію. Возьмемъ, напр., допотопный міръ и спросимъ: почему тогда изсякло въ людяхъ познаніе о Богѣ? Не была-ли причиною этого нравственная распущенность? Именно причиною этого и была нравственная распущенность, какъ даетъ намъ разумѣть это св. Библія, говоря, что тогда „всякъ помышлялъ на злая во вся дни“ (Быт. 6, 5), и потому Господь и сказалъ: „не имать Духъ Мой пребывать въ людяхъ сихъ, зане суть плоть“ (Ibid. ст. 3).

Тою же нравственною распущенностію отличались и всѣ другія, указанные нами выше, эпохи невѣрія предъ пришествіемъ Спасителя, предъ паденіемъ Западной имперіи (476 г.), а потомъ Византійской (1453 г.), предъ реформаціей (1517 г.) на Западѣ, конецъ 18-го столѣтія и, наконецъ, нашъ пресловутый 19-й вѣкъ. Обратимся къ послѣднему. Кажется, никогда материализмъ мысли не соединялся такъ тѣсно съ материализмомъ жизни, какъ въ наше прославленное успѣхами материалистической культуры время. Область матеріи, область чувственной природы человѣка является главнымъ средоточіемъ всей дѣятельности и жизни современнаго человѣчества. Внѣшняя природа, долгое время бывшая загадочнымъ сфинксомъ, теперь все болѣе и болѣе открываетъ человѣку свои тайны и служитъ его интересамъ и внѣшнему благосостоянію. Ослѣпленный своими побѣдами надъ природой, человѣкъ сталъ все болѣе и болѣе отдаваться изученію матеріи и въ силу этого охлаждать къ высшимъ духовнымъ интересамъ, привязываться всецѣло къ землѣ, забывая о небѣ. О высокихъ, идеальныхъ началахъ жизни большинство перестало и думать. Свобода, нравственная отвѣтственность, совѣсть—все это поставляется въ тѣни.

Весь нравственный кодексъ огромнаго большинства людей не идетъ далѣе этого: покойся, ѣшь, пей и веселись... Какой-же результатъ получается отъ такого состоянія современнаго человѣчества? Результатъ извѣстенъ: усиленіе невѣрія и скептицизма, идея о Богѣ не только забывается, но иногда служить даже предметомъ глумленія. И это естественно, потому что живущіе во плоти о плотскомъ и помышляютъ, а помышленія плотскія суть духовная смерть и вражда противъ Бога (Рим. 8, 5—7).

Напротивъ, люди съ чистымъ сердцемъ, съ развитою нравственностію, люди добродѣтельной жизни всегда имѣли и имѣютъ ясныя и глубокія познанія о Богѣ. Примѣровъ тому въ исторіи много. Возьмемъ, вапримѣръ, періодъ вселенскихъ соборовъ, эту эпоху высшаго развитія богословской мысли,—здѣсь мы видимъ цѣлый рядъ замѣчательнѣйшихъ богослововъ, какъ-то: свв. Аѳанасія Великаго, Василія Великаго, Григорія Богослова, Григорія Нисскаго и др.; и что-же? всѣ эти лица отли-

чались святою, безупречною жизнію. Отличаясь высшимъ по тому времени образованіемъ, эти лица не считали все-таки его достаточнымъ для усвоенія истинъ вѣры, особенно истинъ о Божествѣ. Для этого послѣдвяго они считали нужнымъ приготовить себя сначала въ нравственномъ отношеніи: для чего удалялись иногда въ пустыни, чтобы здѣсь въ уединеніи заняться самоиспытаніемъ и нравственнымъ усовершенствованіемъ, и вообще проводили время въ подвигахъ, постѣ и молитвѣ, и съ чистымъ уже сердцемъ приступали къ изученію слова Божія и книги природы. И вотъ, путемъ такой, по истинѣ, духовной жизни они и достигали высшаго познанія о Богѣ, о чемъ свидѣтельствуютъ ихъ произведенія, исполненныя глубокихъ мыслей и разсужденій о тайнахъ вѣры.

Итакъ, глубоко-психологически вѣрно выраженіе св. Іоанна Богослова, что „не любяй не позна Бога, яко Богъ любви есть, и всякъ любяй знаетъ Бога“ (1 Іоан. 4, 7—8), т. е., что нравственная чистота сердца есть первое и необходимое условіе истиннаго Богопознанія, „напротивъ, его“ развращенность „есть главный источникъ религіозныхъ сомнѣній и невѣрія.“

Н. М.

О СЛУЧАЙНОСТИ ЗАКОНОВЪ ПРИРОДЫ.

Эмиля Бутру, профессора Парижскаго Университета.

„Εἶναι καὶ ἐνταῦθα, θεός“

(Aristot. De part. anim. I, 5).

(Переводъ со втораго французскаго изданія подъ редакціей доцента Московской Духовной Академіи П. П. Соколова).

В В Е Д Е Н І Е.

Вначалѣ человѣкъ всецѣло поглощенъ своими ощущеніями удовольствія и страданія; онъ не думаетъ о внѣшнемъ мірѣ и даже не знаетъ о его отдѣльномъ существованіи. Но съ теченіемъ времени въ самыхъ своихъ ощущеніяхъ онъ начинаетъ различать два элемента, изъ которыхъ одинъ,—относительно простой и однообразный,—есть ощущеніе его собственнаго „я“, а другой,—болѣе сложный и болѣе измѣнчивый,—представленіе внѣшнихъ предметовъ. Съ этого момента въ немъ пробуждается потребность выйти за предѣлы своей личности и рассмотреть окружающія его вещи въ себѣ самихъ,—пробуждается потребность *познанія*. Онъ еще не спрашиваетъ себя, на какую точку зрѣнія онъ долженъ стать, чтобы видѣть вещи не такими, какъ онѣ ему кажутся, а такими, какъ онѣ существуютъ въ дѣйствительности. Уже съ этой точки зрѣнія, на которой онъ находится, его раскрывающіеся глаза усмотрѣли чудную перспективу и безконечные горизонты, и, утверждаясь на ней, какъ на наблюдательномъ пунктѣ, онъ принимается познавать міръ въ томъ видѣ, въ какомъ послѣдній доступенъ его взору. Это—первый фазисъ науки, тотъ фазисъ, когда умъ въ цѣляхъ построенія всеобщаго познанія основывается на *внѣшнихъ*

чувствахъ. И внѣшнія чувства дѣйствительно даютъ ему первое понятіе о мірѣ. Согласно ихъ даннымъ, міръ представляется совокупностью бесконечно разнообразныхъ фактовъ. Человѣкъ можетъ ихъ наблюдать, анализировать, описывать съ *большой или меньшей* точностью, и въ этомъ самомъ описаніи состоитъ наука. Что же касается до опредѣленнаго порядка между фактами, то человѣкъ о немъ не спрашиваетъ: чувства не даютъ ему видѣть такого порядка. Случай, судьба, совокупность *своенравныхъ* воль—воль что управляетъ міромъ.

Въ продолженіе известнаго времени человѣкъ удовлетворяется такимъ *мировозрѣніемъ*. Не есть ли оно уже очень плодотворный шагъ впередъ? Между тѣмъ, наблюдая факты, *человѣческій умъ* замѣчаетъ между ними постоянныя связи. Онъ видитъ, что природа состоитъ не изъ обособленныхъ вещей, а изъ явленій, взаимно вызывающихъ другъ друга. Онъ констатируетъ, что наблюдаемая *чувствами смежность* явленій не даетъ *точного понятія* о ихъ дѣйствительномъ соотношеніи. Онъ желалъ бы имѣть возможность расположить явленія не въ *формѣ* порядкѣ, въ *какомъ* они ему представляются, а по ихъ дѣйствительной, взаимной, зависимости. Чисто описательная наука теперь представляется ему недостаточной и даже не точной, потому что она извращаетъ отношенія вещей. Ему хотѣлось бы съ описаніемъ соединить объяснительное познаніе. Но такого познанія чувства не могутъ доставить. Чтобы приобрести его, нужно отмѣчать наблюдаемыя связи, сравнивать ихъ и такимъ образомъ, *распознавать*, между ними связи постоянныя и общія. Затѣмъ, когда будутъ установлены такія рамки, слѣдуетъ подводить подъ нихъ тѣ частныя связи, которыя предполагается объяснить. Чувства же открываютъ только связи, непосредственно данныя самими вещами. Но вотъ является философское мышленіе и предлагаетъ уму болѣе высокую точку зрѣнія, съ которой наблюдается именно то, что есть общаго въ вещахъ; и умъ поручаетъ этому мышленію толковать, классифицировать и выяснять данныя чувства.

Поставленное такимъ образомъ выше чувствъ, мышленіе сначала думаетъ обойтись безъ нихъ и пытается построить науку о мірѣ исключительно собственными силами. Ему ка-

жется, что для этого достаточно взять въ качествѣ точки отправления тѣ идеи, которыя представляются ему очевидными сами по себѣ, и развить ихъ по его собственнымъ законамъ. До какого пункта мышленіе можетъ довести такое построеніе, ничего не заимствуя у видимыхъ чувствъ,—трудно сказать. Какъ-бы то ни было, оно кончается наукой, всѣ части которой дѣйствительно находятся въ строгой связи, и которая такимъ образомъ всецѣло едина, но которая съ другой стороны расходится съ дѣйствительными вещами и все болѣе и болѣе дискредитируется своими-же собственными выводами. Это—наука, построенная изъ чистыхъ идей, а порядокъ идей имѣетъ цѣнность только тогда, когда онъ объясняетъ порядокъ явленій.

Придя къ невозможности создать науку исключительно собственными силами, мышленіе соглашается допустить участіе чувствъ. Они будутъ работать сообща, чтобы познать міръ: чувства будутъ наблюдать факты, а мышленіе—возводитъ ихъ къ законамъ. Слѣдуя этому методу, умъ стремится къ болѣе широкому міровоззрѣнію, чѣмъ предыдущія. Міръ, съ этой точки зрѣнія есть совокупность безконечно разнообразныхъ фактовъ, и между этими фактами существуютъ постоянныя и необходимыя связи. Разнообразіе и единство, случайность и необходимость, измѣнчивость и постоянство,—вотъ два полюса вещей. Законъ даетъ основу явленіямъ, явленія осуществляютъ законъ. Это—міровоззрѣніе въ одно и то-же время синтетическое и гармоническое, потому что оно допускаетъ противоположности безъ ограниченій и тѣмъ не менѣе примиряетъ ихъ. Кромѣ того оно даетъ возможность, какъ показываетъ опытъ, все лучше и лучше объяснять и предвидѣть явленія. Пораженный такими преимуществами, умъ все болѣе и болѣе склоняется къ этому міровоззрѣнію и начинаетъ обо всемъ судить на основаніи его.

Но, спрашивается теперь, есть-ли это—окончательное міровоззрѣніе? Можетъ-ли наука, создаваемая мышленіемъ съ помощью чувствъ, вполне совпадать съ познаваемымъ предметомъ?

Прежде всего, что такое это абсолютное сведеніе множественнаго къ единому, измѣнчиваго къ постоянному, къ которому стремится научная мысль? Не есть-ли оно въ концѣ концовъ только сліяніе противорѣчивыхъ понятій? И если абсо-

лютное постижимо для ума, законо-ли такое слияніе? Затѣмъ, достаточно ли присоединить къ дѣятельности мысли свидѣтельства чувства, чтобы умъ могъ стать на истинно центральную точку зрѣнія? Въ дѣйствительности такая уступка имѣетъ значеніе только для изслѣдованія природы. Она не ведетъ за собою измѣненія въ самомъ міровоззрѣніи. Съ того момента, какъ мышленіе навязало наукѣ свою категорію необходимой связи, для него болѣе не важно, по крайней мѣрѣ въ теоретическомъ отношеніи, участвуютъ чувства въ дѣлѣ познанія, или нѣтъ. Остается истиннымъ, что совершенный разумъ могъ-бы извлечь всю науку изъ себя самого или по крайней мѣрѣ изъ познанія одного только факта, разсмотрѣннаго во всей совокупности его элементовъ. Міръ остается единымъ цѣлымъ, единой системой, всѣ части которой необходимо выражаютъ одна другую.

Но дѣйствительно-ли существуетъ эта присущая мышленію категорія необходимой связи и въ самыхъ вещахъ? Можно-ли смѣшивать причины съ законами, какъ это въ концѣ концовъ предполагаетъ ученіе, опредѣляющее законъ, какъ неизмѣнное отношеніе? Этотъ вопросъ имѣетъ интересъ и для метафизики, и для наукъ "положительныхъ". Ученіе, которое полагаетъ въ разсудочномъ мышленіи высшую точку зрѣнія познанія, въ результатѣ ссылаетъ все самопроизвольное въ міръ иллюзій, видитъ въ цѣлесообразности только субъективную репродукцію необходимаго строя дѣйствующихъ причинъ, сводитъ чувство свободной воли къ незванію причинъ нашихъ дѣйствій и допускаетъ возможность только одной истинной причинѣ, все производящей и всѣми управляющей посредствомъ единственнаго и неизмѣннаго акта. Болѣе того, это ученіе не даетъ удовлетворительнаго понятія о безусловной необходимости наблюденія и опыта въ положительныхъ наукахъ и вводитъ болѣе или менѣе замаскированный фатализмъ не только въ изученіе всѣхъ физическихъ явленій безъ различія, но также въ психологію, исторію и соціальныя науки.

Чтобы узнать, существуютъ-ли причины, дѣйствительно отличныя отъ законовъ, нужно изслѣдовать, въ какой степени законы, управляющіе явленіями, обладаютъ необходимостью. Если случайность въ концѣ концовъ есть только иллюзія, обя-

занная своимъ происхожденіемъ болѣе или менѣе полному незнанію опредѣляющихъ явленія условій, то причина есть не что иное, какъ антецедентъ, выраженный въ формѣ закона, или лучше самый законъ, насколько онъ выражаетъ всеобщее отношеніе, и въ этомъ случаѣ автономія разсудочнаго мышленія законна. Но если бы оказалось, что данный міръ обнаруживаетъ въ извѣстной степени случайность, дѣйствительно не сводимую ни къ чему, то было-бы возможно думать, что законы природы не абсолютны, что ихъ основа заключается въ причинахъ, господствующихъ надъ ними, и что поэтому разсудочная точка зрѣнія не можетъ быть окончательной точкой зрѣнія въ познаніи вещей.

ГЛАВА I.

О необходимости.

Почему мы признаемъ извѣстное явленіе необходимымъ? Или, другими словами, что служитъ критеріемъ необходимости?

Если бы мы попытались опредѣлить понятіе безусловной необходимости, то намъ пришлось-бы устранить изъ него всякое условное соотношеніе явленій, т. е., всякое подчиненіе одной вещи другой, какъ условію ея существованія. Безусловная необходимость исключаетъ всякую сложную множественность, всякую возможность существованія отдѣльныхъ вещей или законовъ. Поэтому мы не будемъ рѣшать вопросъ, царитъ-ли подобная необходимость въ данномъ мірѣ, который по существу есть совокупность многихъ болѣе или менѣе зависящихъ другъ отъ друга вещей.

Проблема, о которой у насъ идетъ рѣчь, въ дѣйствительности слѣдующая: по какому признаку мы узнаемъ относительную необходимость, т. е., существованіе необходимаго отношенія между двумя вещами?

Самый совершенный типъ необходимой связи представляетъ силлогизмъ, въ которомъ частное сужденіе выводится изъ общаго на томъ основаніи, что оно заключалось въ послѣднемъ и, слѣдовательно, подразумевалось въ тотъ моментъ, когда утверждалось общее сужденіе. Силлогизмъ въ итогъ есть не что иное, какъ доказательство существованія аналитическаго от-

ношенія между родомъ и видомъ, цѣлымъ и частью. Такимъ образомъ, тамъ, гдѣ существуетъ аналитическое отношеніе, существуетъ и необходимая связь. Но сама по себѣ эта связь чисто формальна. Если общее сужденіе случайно, то и частное сужденіе, какъ выводъ изъ него, должно быть также случайно. Съ помощью силлогизма мы можемъ придти къ доказательству реальной необходимости, лишь въ томъ случаѣ, если мы свяжемъ всѣ заключенія съ какою-нибудь большою посылкой, которая необходима сама по себѣ. Между тѣмъ, совмѣстима ли такая операция съ условіями анализа? Нѣтъ.

Съ аналитической точки зрѣнія, само по себѣ, вполнѣ необходимо только такое сужденіе, которое имѣетъ своей формулой $A=A$. Всякое же сужденіе, въ которомъ предикатъ отличается отъ субъекта, — а это бываетъ даже въ томъ случаѣ, когда одно понятіе получается изъ разложенія другого, — заключаемъ въ себѣ на ряду съ аналитическимъ отношеніемъ синтетическое. Но можетъ ли силлогизмъ свести синтетико-аналитическія сужденія къ сужденіямъ чисто аналитическимъ? Нѣтъ.

Разница между сужденіями, надъ которыми оперируетъ силлогизмъ, и сужденіемъ вполнѣ необходимымъ обнаруживается съ самаго начала. Въ послѣднемъ терминъ соединены знакомъ $=$, а въ первыхъ связкой *есть*. Нѣтъ ли тутъ кореннаго различія? Быть можетъ, связка *есть*, употребляемая въ обыкновенныхъ сужденіяхъ, не лишена нѣкотораго отношенія къ знаку $=$. Если стать на точку зрѣнія объема понятій (какова точка зрѣнія умозаключенія), то эта связка означаетъ, что субъектъ выражаетъ собою только часть предиката, — часть, относительная величина которой не указывается. Сужденіе „все люди — смертны“ означаетъ, что видъ „человѣкъ“ есть часть рода „смертный“, причемъ отношеніе числа людей къ числу смертныхъ остается неопредѣленнымъ. Если бы мы знали это отношеніе, то мы могли бы сказать: „все люди $= \frac{1}{n}$ смертныхъ“. Прогрессъ науки, можно добавить, и состоитъ въ болѣе точномъ и болѣе полномъ опредѣленіи видовъ, содержащихся въ родахъ, такъ чтобы въ законченной наукѣ знакъ $=$ могъ вездѣ замѣнить связку *есть*. Формула этой науки была бы $A=B+C+D+\dots$; $B=a+b+c\dots$, и проч. Замѣняя B , C , D и т. д. ихъ равнознач-

ными величинами, мы имѣли-бы въ результатѣ: $A = a + b + c + \dots$. Но есть-ли и это чисто аналитическая формула?

Безъ сомнѣнія, отношеніе A къ его частямъ аналитическое, но обратное отношеніе частей къ цѣлому—синтетическое. Вѣдь, множественность не заключаетъ въ себѣ основанія единства, и было-бы бесполезно ссылаться на то, что, замѣняя $a + b + c + \dots$ ихъ равнозначною величиной, мы получимъ $A = A$, такъ-какъ научное познаніе и состоитъ въ томъ, чтобы разсматривать A какъ разложимое цѣлое и раздѣлять его на составныя части.

Но, скажутъ, идеальную аналитическую форму, къ которой стремится наука, можно мыслить и иначе. Средній терминъ M , поставленный между двумя данными терминами S и P , дѣлитъ на двое промежутокъ, вытекающій изъ различія ихъ объема. Такимъ-же образомъ можно поставить средніе термины между S и M , между M и P , и такъ далѣе до тѣхъ поръ, пока пробѣлы не будутъ совершенно заполнены. Переходъ отъ S къ P будетъ тогда незамѣтнымъ. Продолжая эту работу, мы въ концѣ концовъ вновь возстановимъ единство основного понятія A , въ которомъ все будетъ соединено непрерывною связью.

Такая точка зрѣнія дѣйствительно позволяетъ свести всѣ сужденія къ формулѣ „ A есть A “. Но на этотъ разъ связка *есть* не можетъ быть замѣнена знакомъ $=$. Никакое количество среднихъ терминовъ не можетъ всецѣло заполнить промежутка между общимъ и частнымъ. Переходы, правда, будутъ менѣе рѣзки, но они все-таки останутся, и, слѣдовательно, различіе объема между субъектомъ и предикатомъ будетъ всегда существовать.

Итакъ, свести частныя отношенія къ формулѣ $A = A$, т. е., придти путемъ анализа къ доказательству коренной необходимости, невозможно. Анализъ, силлогизмъ показываютъ только производимую необходимость, т. е., невозможность, чтобы такая-то вещь была ложной, *если* другая признана истинной.

Недостатокъ анализа, если довольствоваться имъ однимъ, заключается въ томъ, что онъ допускаетъ въ качествѣ послѣдняго объясненія только формулу тождества и не можетъ свести къ ней тѣхъ сужденій, которыя требуется объяснить. Анализъ плодотворенъ лишь въ томъ случаѣ, если тождественное

сужденіе объединяетъ совокупность разнородныхъ элементовъ и дано ему въ качествѣ простой исходной точки; онъ доказываетъ необходимость только тогда, когда раскрываетъ необходимый синтезъ. Существуютъ-ли такіе синтезы?

Опытъ не даетъ намъ всеобщаго знанія, имѣющаго значеніе на всякомъ мѣстѣ и во всякое время; опытно мы познаемъ лишь вѣшнія отношенія вещей, открываемъ связи хотя и постоянныя, но не необходимыя. Отсюда, чтобы синтезъ могъ быть необходимымъ, онъ прежде всего долженъ быть познаваемъ аргюгі. Правда, намъ, можетъ быть, слѣдовало-бы узнать, необходимъ-ли такой синтезъ съ точки зрѣнія вещей, какъ онъ необходимъ для нашего разума; но пока уже его рациональной необходимости достаточно для того, чтобы устранить изслѣдованіе его объективной дѣйствительности, такъ какъ, вѣдь, подобное изслѣдованіе можетъ совершиться только по законамъ того-же разума. Если бы случайно теченіе вещей не совпадало въ точности съ апріорными принципами разума, то разумъ отсюда заключилъ-бы не то, что онъ ошибается, а то, что матерія выдаетъ послѣднимъ мятежемъ противъ порядка своего причастіе небытію. Видно, что въ этомъ случаѣ разумъ не можетъ быть объективнымъ.

По какому же признаку можно узнать, что известное сужденіе апріорно?

Для того, чтобы назвать сужденіе апріорнымъ, необходимо, чтобы его элементы, т. е. понятія и ихъ отношеніе, не вытекали изъ опыта. Но для того, чтобы признать понятія не вытекающими изъ опыта, недостаточно, чтобы они были абстрактны. Опытъ въ цѣломъ не даетъ намъ ничего, что не имѣло-бы на ряду съ конкретной стороной въ то-же время и стороны абстрактной. Я не обнимаю въ одномъ возрѣніи цвѣта и запаха того-же предмета. Самыя смѣлыя абстракціи могутъ быть лишь разсудочнымъ расширеніемъ тѣхъ подраздѣленій, которыя уже намѣчены чувствами. Кромѣ того, самъ-же опытъ ставитъ насъ и на путь такого расширенія, представляя намъ болѣе или менѣе обстрактныя данныя о вещахъ, смотря по отдаленности, продолжительности или интенсивности впечатлѣній. Такимъ образомъ, для того, чтобы понятіе могло считаться апріорнымъ, оно не должно получаться изъ опыта ни прямо, путемъ воспріятія, ни косвенно, путемъ абстракціи.

Точно также, чтобы признать априорнымъ какое-нибудь отношеніе, недостаточно указать на то, что оно устанавливаетъ между воспріятіями извѣстную систематическую связь, въ томъ предположеніи, что опытъ не даетъ намъ ничего, похожего на систему. Полагать, что воспріятіе совершенно лишено единства, — значитъ выходить изъ условій дѣйствительности. Самыя непосредственныя воспріятія заключаютъ въ себѣ группировку сходныхъ частей и различеніе несходныхъ предметовъ. Чистая множественность есть нѣчто безусловно непонятное, и если она совершенно недоступна для мысли, то не можетъ быть дана и въ опытѣ. Такимъ образомъ, уже въ самыхъ воспринимаемыхъ нами предметахъ существуетъ извѣстная степень систематичности. Поэтому, прежде чѣмъ утверждать, что установленное между двумя понятіями отношеніе зависимости не вытекаетъ изъ опыта, нужно удостовѣриться, существенно ли различается это отношеніе отъ тѣхъ отношеній, которыя мы можемъ констатировать въ опытѣ. Необходимо, чтобы это отношеніе радикально отличалось отъ тѣхъ, какія представляетъ намъ опытъ или какія мы можемъ прочесть въ его данныхъ.

Что же касается области опыта, то она можетъ быть точно опредѣлена: это — факты, и доступныя наблюденію отношенія ихъ. Факты раздѣляются на факты внѣшніе и факты внутренніе, т. е., свойственныя тому самому существу, которое является ихъ носителемъ. При помощи внѣшнихъ чувствъ мы познаемъ первые, посредствомъ эмпирическаго сознанія или внутренняго чувства мы можемъ открывать въ себѣ вторые. Доступныя наблюденію отношенія состоятъ въ отношеніяхъ сходства и одновременной или послѣдовательной смежности.

Если мы найдемъ, что синтетическое сужденіе априорно, то оно будетъ субъективно необходимо; но чтобы быть необходимымъ и съ точки зрѣнія вещей, оно должно кромѣ того утверждать необходимое объективное отношеніе между тѣми понятіями, которыя оно соединяетъ. Если большая посылка выражаетъ случайное отношеніе, то она передаетъ эту черту и всѣмъ выводимымъ изъ нея заключеніямъ. Объективныя-же отношенія, которыя могутъ существовать между двумя понятіями, сводятся къ слѣдующимъ четыремъ: отношеніямъ причины къ дѣйствию,

средства къ цѣли, субстанціи къ свойству и цѣлаго къ части. Отношенія субстанціи къ свойству и цѣлаго къ части могутъ быть сведены къ взаимоотношеніямъ причинности и цѣлесообразности. Такимъ образомъ, въ результатѣ остаются только отношенія причинности и цѣлесообразности.

Но ни о какой цѣли нельзя сказать, что она должна осуществляться необходимо. Нѣтъ ни одного явленія, которое само по себѣ было-бы единственно возможнымъ. Напротивъ, кромѣ явленія, которое мы имѣемъ въ виду, существуетъ безконечное количество другихъ возможныхъ, и шансы на его осуществленіе относятся къ шансамъ на осуществленіе чего-нибудь другаго какъ единица къ безвѣчности. Итакъ, осуществленіе какой-либо данной цѣли, хотя бы это была единообразная послѣдовательность явленій, не только далеко отъ необходимости, но само по себѣ безконечно маловѣроятно. Больше того, — даже тогда, когда предполагается непремѣнное осуществленіе цѣли, средства для этого все опредѣляются сразу. Всякая цѣль можетъ быть одинаково осуществлена различными средствами, подобно тому какъ преднамѣченнаго пункта можно достигнуть разными путями. Правда, не все средства будутъ въ одинаковой степенѣ просты или хороши; но для цѣли, какъ таковой, подобныя различія не имѣютъ значенія, и если съ ними считаются, то потому, что возводятъ самое средство въ вторичную цѣль. Осуществленіе цѣли извѣстными средствами предполагаетъ дѣятеля; способнаго познавать, выбирать и совершать. Такимъ образомъ, цѣль сама по себѣ не необходима.

Нельзя сказать того-же о произведеніи дѣйствія его причиной, если слово причина понимается въ строгомъ смыслѣ производящей силы. Причина въ собственномъ смыслѣ возможна только тогда, когда она порождаетъ дѣйствіе. Кромѣ того, она дѣйствуетъ единственно въ силу своей природы, не обращая никакого вниманія на эстетическую или моральную цѣнность результата. Такимъ образомъ, нѣтъ никакого основанія допускать въ простомъ отношеніи причины къ дѣйствію какую-нибудь долю случайности. Это отношеніе представляетъ собою совершенный, хотя и единственный, типъ коренной необходимости.

Отсюда, необходимость, какъ объективная, такъ и субъек-

тивная, принадлежитъ исключительно причиннымъ синтезамъ апріорнаго характера: только изъ нихъ могутъ вытекать вполне необходимыя аналитическія слѣдствія.

Итакъ, въ результатѣ мы видимъ, что критеріемъ необходимости извѣстнаго отношенія служитъ возможность аналитически свести его къ субъективно и объективно необходимому синтезу. Принципомъ же необходимой связи вещей можетъ быть только апріорный причинный синтезъ.

Если бы теперь оказалось, что установить законность подобныхъ синтезовъ, какъ основныхъ и руководящихъ принциповъ познанія вещей, невозможно, то значило-ли бы это, что всякая необходимость становится призрачной? Еще нѣтъ.

Безъ сомнѣнія, тогда не могло-бы быть болѣе рѣчи о коренной необходимости, какъ законѣ, царящей въ данномъ мірѣ, потому что если бы даже извѣстныя синтезы, предполагаемые опытомъ, и были сами по себѣ необходимы, разумъ въ настоящемъ случаѣ, не имѣлъ бы возможности удостовѣриться въ этомъ. Однако соединеніе опыта и анализа могло бы еще обнаружить извѣстный родъ необходимости, — тотъ единственный, нужно сказать, родъ ея, къ которому обыкновенно стремятся положительныя науки. Въ самомъ дѣлѣ, эмпирически данныя частныя синтезы можно было-бы свести къ синтезамъ болѣе общимъ, а эти общіе синтезы къ еще болѣе общимъ, и такъ далѣе, до тѣхъ поръ, пока мы не достигли-бы болѣе или менѣе ограниченнаго количества такихъ синтезовъ, которые практически ни къ чему несводимы. Идеаломъ было-бы свести все къ одному синтезу, къ одному высшему закону, который обнималъ-бы собою, какъ частныя случаи, всѣ законы вселенной. Безъ сомнѣнія, такія общія формулы, основанныя въ концѣ концовъ на опытѣ, сохраняли бы за собой его характеръ, т. е., давали-бы познаніе того, что есть, а не того, что не можетъ не быть. Ничто не могло-бы доказать, что онѣ необходимы сами по себѣ; но онѣ устанавливали-бы между всѣми частными фактами, какъ таковыми, необходимое отношеніе. Малѣйшее измѣненіе въ подробностяхъ влекло бы за собой міровой переворотъ. Такимъ образомъ, на ряду съ теоретической необходимостью можно допустить возможность необходимости

фактической. Теоретическая необходимость существуетъ тогда, когда синтезъ, раскрываемый анализомъ, полагается умомъ а priori и соединяетъ дѣйствіе съ причиною. Но когда этотъ синтезъ, не будучи а priori, предполагается цѣлою совокупностію извѣстныхъ фактовъ и постоянно подтверждается опытомъ, онъ все-таки обнаруживаетъ если не необходимость цѣлаго, то по крайней мѣрѣ необходимость каждой части, разумѣется, при реализаціи остальныхъ.

ГЛАВА II.

О Б Ы Т І И.

Заключаетъ-ли эмпирически данный міръ въ различныхъ фазахъ своего развитія отличительные признаки необходимости?

Самую низшую ступень на лѣстницѣ вещей занимаетъ *бытіе*, или простой, лишенный опредѣленности *фактъ*. Можно-ли сказать, что бытіе существуетъ необходимо?

Такъ какъ безусловная необходимость немыслима въ отношеніи къ эмпирически даннымъ вещамъ, то необходимость бытія можетъ состоять лишь въ связи, соединяющей его съ тѣмъ, что предполагается до него, т. е. съ возможнымъ.

Какова же природа этой связи? Ведетъ-ли существованіе возможнаго къ неизбѣжному осуществленію бытія?

Прежде всего, можно-ли вывести бытіе изъ возможности подобно тому, какъ въ силлогизмѣ заключеніе выводится изъ посылокъ? Содержитъ-ли возможное все то, что требуется для осуществленія бытія? Достаточно-ли чистаго анализа для объясненія перехода отъ одного къ другому?

Безъ сомнѣнія, въ извѣстномъ смыслѣ въ бытіи нѣтъ ничего болѣе того, что существуетъ въ возможности, такъ какъ все, что есть, было возможно, прежде чѣмъ стало быть. Возможное есть такъ сказать матерія, изъ которой создано бытіе. Но бытіе, сведенное такимъ образомъ къ возможному, остается чисто идеальнымъ, и чтобы получить реальное бытіе, необходимо допустить новый элементъ. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ возможности сами по себѣ имѣютъ одинаковое притязаніе на бытіе, и въ этомъ смыслѣ нѣтъ никакого основанія для того, чтобы одна возможность осуществилась предпочтительно предъ дру-

гими. Ни одинъ фактъ не возможенъ безъ того, чтобы одинаково не былъ возможенъ и другой, ему противоположный. Если бы поэтому возможное было предоставлено самому себѣ, то все находилось-бы въ вѣчномъ колебаніи между бытіемъ и небытіемъ, ничто не перешло-бы отъ способности къ дѣйствию. Такимъ образомъ, не только возможность не заключаетъ въ себѣ бытія, а напротивъ, бытіе заключаетъ возможность и кромѣ того еще нѣчто: осуществленіе одной противоположности предпочтительно предъ другой, т. е., актъ въ собственномъ смыслѣ слова. Бытіе есть синтезъ этихъ двухъ понятій и синтезъ, ни къ чему не сводимый.

Но можетъ быть, это синтезъ, необходимый самъ по себѣ? Можетъ-быть, разумъ а ргіогі утверждаетъ, что возможность должна переходить въ актъ, что нѣчто должно осуществляться?

Важно замѣтить, что здѣсь идетъ рѣчь не о бытіи въ себѣ, а о бытіи, какъ его рассматриваютъ положительныя науки, т. е., о фактахъ, данныхъ въ опытѣ. Поэтому синтезъ возможности и акта долженъ быть понимаемъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ можетъ быть примѣнимъ къ даннымъ предметамъ. Доказывать опріорное происхожденіе этого принципа, усвояя ему такое значеніе, которое выводило-бы его изъ области науки, значило-бы доказывать нѣчто иное, чѣмъ то, о чемъ у насъ идетъ рѣчь.

Отсюда возможность въ рассматриваемомъ синтезѣ не есть способность, которая существуетъ ранѣе акта и остается во время него и послѣ него, потому что способность, понимаемая такимъ образомъ, не принадлежитъ къ области положительныхъ наукъ. Это просто родъ бытія, который можетъ быть данъ въ опытѣ, но еще не данъ. Точно также и актъ не есть измѣненіе совершающееся въ способности, когда она создаетъ предметъ, или превращеніе способности въ производящую причину: это—просто появленіе факта, множественности и разнообразія въ сферѣ опыта.

Однако и въ этомъ смыслѣ понятія возможности и акта, по видимому, могутъ быть мыслимы только а ргіогі, такъ-какъ возможность не дана въ опытѣ, а актъ вообще есть все данное. Повидимому, нѣтъ такого реальнаго опыта, который вполне уяснилъ-бы ту или другую изъ этихъ двухъ вещей.

Но можно-ли считать возможность сверхъопытнымъ понятіемъ только потому, что она не дана въ опытѣ какъ такая? Наблюдая безконечное разнообразіе и безконечную измѣнчивость вещей, замѣчая противорѣчіе чувственныхъ данныхъ у разныхъ индивидуумовъ и даже у одного и того-же лица, умъ естественно начинаетъ смотрѣть на все, что ему представляется, какъ на особенность своей личной точки зрѣнія, и полагаетъ, что вещи могли-бы казаться ему иначе, если-бы онъ сталъ на другую точку. По мѣрѣ того, какъ увеличиваются наблюденія, идея возможности становится все болѣе и болѣе абстрактной и наконецъ лишается всякаго ясно представимаго содержанія.

Что-же касается понятія акта, то если бы оно дѣйствительно означало все данное, его нельзя было бы признать происшедшимъ изъ опыта. Но выраженіе: „все данное“, взятое буквально, является непонятнымъ, все равно, будемъ-ли мы считать количество данныхъ вещей въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ опредѣленной величиной, или неопредѣленной. Актъ или фактъ вообще есть просто понятіе неограниченнаго объема, выражающее въ абстрактной формѣ существованіе міра, какъ объекта воспріятія. Въ этомъ смыслѣ понятіе акта можетъ находить свое объясненіе въ самомъ существованіи опыта и въ тѣхъ постоянныхъ измѣненіяхъ, которыя мы замѣчаемъ въ вещахъ. По мѣрѣ того, какъ мы видимъ, что одинъ родъ бытія слѣдуетъ за другимъ, у насъ утверждается идея дѣйствія, примѣръ котораго представляетъ намъ каждое ясное данное опыта, между тѣмъ какъ представленіе объ особенностяхъ, свойственныхъ каждому факту, благодаря безконечной многочисленности и разнообразію опытныхъ данныхъ, ступивается само собою.

Итакъ, положенія, изъ которыхъ слагается бытіе, т. е., возможность и актъ не могутъ считаться апріорными. Остается отношеніе, устанавливаемое между этими понятіями. Но это отношеніе было-бы по существу метафизическимъ лишь въ томъ случаѣ, если бы дѣло шло о переходѣ творческой способности въ творческой актъ. Какъ скоро оба понятія сведены къ ихъ научному значенію, оно теряетъ такой характеръ. Съ этой точки оно есть не болѣе, какъ абстрактное отноше-

ніе настоящаго опыта къ опытамъ прошедшимъ, въ сравненіи съ которыми настоящій опытъ былъ просто возможнымъ. Такимъ образомъ, это отношеніе не выходитъ за предѣлы опыта, возведеннаго путемъ послѣдовательныхъ абстракцій на высшую степень обобщенія.

Но это не все. Отношеніе элементовъ бытія не настолько опредѣленно, чтобы видѣть въ одномъ изъ нихъ (возможномъ) причину другого (дѣйствительнаго). Не противорѣча разуму, можно допустить, что возможное никогда не должно перейти въ дѣйствіе, или признать, что дѣйствительное существуетъ отъ вѣчности. Такимъ образомъ, познаніе бытія, какъ дѣйствительности, не только можетъ вытекать изъ опыта, но и не можетъ имѣть другого происхожденія, т. е., не можетъ быть сведено къ синтетическому сужденію а priori.

Что-же касается опыта, то онъ не даетъ намъ повода приписывать переходу возможности въ дѣйствительность даже фактическую необходимость. Мы видимъ, что множество вещей, которыя существовали, и которыя, слѣдовательно, сами по себѣ возможны и способны перейти въ дѣйствіе, остаются впредь въ состояніи простыхъ возможностей, и, быть можетъ, ничто не даетъ намъ права предполагать, что онѣ когда-нибудь снова осуществятся.

Нужно-ли допустить, что всѣ возможности въ сущности вѣчно-дѣйствительны, что настоящее слагается изъ прошедшаго и чревато будущимъ, что будущее далеко не случайно и уже существуетъ предъ взоромъ высшаго разума, что, наконецъ, различіе между возможностью и бытіемъ есть только иллюзія, происшедшая благодаря промежутку времени, который отдѣляетъ наше представленіе о вещахъ отъ вещей въ себѣ?

Такое ученіе не только неосновательно и недоказуемо, но кромѣ того и непонятно. Говорить, что каждая вещь есть актуально все то, чѣмъ она можетъ быть, значитъ утверждать, что она соединяетъ и примиряетъ въ себѣ противоположности, которыя по законамъ нашего познанія могутъ существовать, лишь вытѣсня одна другую. Но какъ понять вещи, образующіяся изъ взаимно исключающихъ другъ друга элементовъ? Затѣмъ, какимъ образомъ можно допустить, что всѣ формы одинаково причастны вѣчности, какъ будто всѣ онѣ имѣютъ

ту-же дѣяность и то-же право на существованіе? Наконецъ, разсматриваемыя во времени, вещи не всѣ осуществляются въ одинаковой степени. Одна постепенно становится всѣмъ, чѣмъ она можетъ быть, другая уничтожается въ тотъ самый моментъ, какъ началось ея развитіе. Чтобы приписать это различіе возможностямъ, оно должно уже заранѣе вѣчно существовать въ дѣйствительности. Отсюда возможности не всѣ дѣйствительны въ равной степени; другими словами: однѣ изъ нихъ относительно дѣйствительны, а другія въ сравненіи съ ними только возможны.

Итакъ, актуально данное бытіе не есть необходимое слѣдствіе возможнаго: оно есть его случайная форма. Но если существованіе бытія не представляется необходимымъ, то можно-ли сказать то-же самое и о его природѣ? Не подчинено-ли оно въ своемъ собственномъ развитіи неизмѣнному закону? Не заключаетъ-ли оно въ себѣ самомъ той необходимости, отъ которой оно свободно въ своемъ отношеніи къ возможному?

Законъ даннаго въ опытѣ бытія можетъ быть выраженъ нѣсколькими формулами, имѣющими въ сущности одинъ и тотъ-же смыслъ, а именно: „ничто не происходитъ безъ причины“, все, что происходитъ, есть дѣйствіе, и дѣйствіе, пропорціональное своей причинѣ“, т. е., не заключающее въ себѣ ничего болѣе того, что содержится въ ней, „ничто не уничтожается и ничего не создается“, или, наконецъ, „количество бытія остается неизмѣннымъ“.

Этотъ законъ нельзя разсматривать, какъ данный самимъ бытіемъ: идея единообразія и неизмѣнности чужда эмпирическому бытію, какъ таковому, потому что оно состоитъ по существу въ множественности различныхъ и измѣняющихся явленій. Законъ причинности есть синтезъ двухъ не сводимыхъ другъ къ другу элементовъ: измѣчивости и тожества, и недостаточно признать реальное осуществленіе одного изъ этихъ понятій, измѣчивости, чтобы отсюда аналитически слѣдовало другое.

Но, быть можетъ, этотъ законъ необходимъ какъ самопроизвольное утвержденіе разума? Можетъ быть, онъ познается а priori и на этомъ основаніи предписывается бытію?

Гдѣ въ самомъ дѣлѣ, можно найти въ данныхъ опыта такой предметъ, который соотвѣтствовалъ-бы понятію „причины“,

означающему „производящую силу“, и такое отношеніе, которое соотвѣтствовало-бы идеѣ „произведенія“, выражающей связь между причиной и дѣйствіемъ?

Если поставить вопросъ такимъ образомъ, то законъ причинности, конечно, апріоренъ. Но не въ этомъ смыслѣ разумѣется онъ въ области эмпирическаго познанія. Идея производящей причины не могла-бы оказать никакой услуги тому, кто, какъ ученый въ собственномъ смыслѣ, изслѣдуетъ исключительно природу и порядокъ явленій. Въ дѣйствительности слово „причина“ въ его научномъ употребленіи означаетъ „непосредственное условіе“. Причина какого-нибудь явленія въ этомъ смыслѣ есть также явленіе, и не можетъ быть ничѣмъ, кромѣ явленія: иначе изслѣдованіе причинъ не входило-бы въ область положительныхъ наукъ. Только это такое явленіе, которое должно предварительно существовать, чтобы осуществилось другое.

Но, скажутъ, пусть такъ. Причина, дѣйствительно, лишь по ошибкѣ понималась сначала какъ метафизическая сущность, заключающаяся въ явленіяхъ: на самомъ дѣлѣ она есть только опредѣляющее условіе. Она относится не къ бытію въ себѣ, а къ познанію явленій, и заключаетъ въ себѣ только то, что необходимо для возможности такого познанія. Однако, достаточно-ли его? Справедливо сказать, что причинность есть лишь отношеніе или связь между явленіями, но нужно добавить, что это—связь необходимая и полагаемая a priori.

Понимаемый такимъ образомъ, законъ причинности, безъ сомнѣнія, болѣе близокъ къ условіямъ науки, чѣмъ когда къ нему примѣшивается гипотеза вещи въ себѣ. Однако, и въ этомъ случаѣ онъ заключаетъ въ себѣ элементъ, въ которомъ наука не нуждается, а именно, идею необходимости. Чтобы изслѣдованіе причинъ было законно и плодотворно, для этого достаточно, если между явленіями существуютъ относительно неизмѣнныя связи. Даже болѣе: необходимая связь между явленіями противорѣчитъ самой сущности явленій. Тотъ или иной родъ ихъ послѣдовательности, зависящій отъ способа дѣйствія вещей въ себѣ, можетъ имѣть только относительный характеръ. Видѣть въ причинности безусловно необходимую связь явленій значитъ впадать въ ту же ошибку, которой хотѣли избѣжать,

только на этотъ разъ самыя явленія возводятся на степень вещей въ себѣ.

Точный смыслъ закона причинности въ его примѣненіи къ изученію эмпирически даннаго міра слѣдующій: всякое измѣненіе, наступающее въ вещахъ, непременно связано съ другимъ измѣненіемъ, какъ его условіемъ, и не съ какимъ-нибудь измѣненіемъ вообще, а съ измѣненіемъ опредѣленнымъ, такъ что въ обусловленномъ никогда не заключается болѣе того, что содержится въ условіи. Но всѣ элементы этого закона, повидимому, заимствованы изъ опыта. А ргіогіи человѣкъ былъ склоненъ допускать безусловное возникновеніе, переходы отъ небытія къ бытію и отъ бытія къ небытію, неограниченныя смѣны явленій. Только опытъ разсѣялъ эти предразсудки. Успѣхи наблюденія, сравненія, размышленія и абстракціи, т. е., успѣхи опыта, объясняемаго, но не замѣняемаго мышленіемъ, показали, что перемѣна никогда не есть что-нибудь совершенно новое, что всякое измѣненіе есть коррелятъ другого измѣненія, наступившаго въ тѣхъ условіяхъ, среди которыхъ оно происходитъ, и что отношеніе, соединяющее это измѣненіе съ другимъ, неизмѣнно.

Итакъ, нельзя сказать, что законъ причинности, управляющій наукой, есть законъ, предписанный вещамъ разумомъ. Въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ разумъ могъ-бы навязать его вещамъ, эмпирически давнее бытіе, т. е., явленія, не могли бы его осуществить; а его формула, приложимая къ явленіямъ, заключаетъ въ себѣ только элементы, заимствованные изъ опыта.

Тѣмъ не менѣе остается несомнѣннымъ, что эта формула выражаетъ существованіе неизмѣннаго отношенія между тѣмъ или другимъ измѣненіемъ. Если неизмѣнность сама въ себѣ и неравносильна внутренней необходимости, то она, во-первыхъ, нисколько не исключаетъ ея и даже служитъ ея внѣшнимъ символомъ; во вторыхъ, она устанавливаетъ между различными формами бытія то, что можно называть фактической необходимостью. Не слѣдуетъ-ли отсюда, что законъ необходимой связи явленій, заслуживаетъ съ практической точки зрѣнія полнаго довѣрія, и даже съ теоретической точки зрѣнія болѣе вѣроятенъ, чѣмъ противоположный ему?

Нельзя отрицать, что идея этого закона была нервомъ научнаго познанія. Наука родилась въ тотъ день, когда человѣкъ

узналъ о существованіи естественныхъ причинъ и дѣйствій, т. е., о существованіи неизмѣнныхъ отношеній между данными вещами,—въ тотъ день, когда онъ, вмѣсто того чтобы спрашивать себя, какая сверхъестественная сила произвела отдѣльные явленія и почему она произвела ихъ, задалъ себѣ вопросъ, отъ какого явленія природы зависитъ извѣстное явленіе. Каждый успѣхъ науки подтверждалъ такое воззрѣніе; да и противно всякой вѣроятности вообразить себѣ такой дѣйствительный міръ, въ которомъ явленія происходили-бы безъ причины, т. е., безъ неизмѣнныхъ antecedентовъ.

Однако не нужно забывать, что только самъ опытъ ввелъ въ сферу человѣческаго ума и постепенно очистилъ научную идею естественной причины. Эта идея не есть апріорный принципъ, управляющій состояніями бытія, а лишь абстрактная форма того отношенія, которая существуетъ между этими состояніями. Мы не можемъ сказать, что природа вещей вытекаетъ изъ закона причинности. Для насъ этотъ законъ есть только самое общее выраженіе отношеній, вытекающихъ изъ наблюдаемой природы данныхъ вещей. Предположимъ, что вещи, имѣя возможность измѣняться, однако не измѣняются: ихъ отношенія останутся неизмѣнными, хотя необходимость не будетъ царить въ дѣйствительности. Такимъ образомъ предметомъ науки служить чисто абстрактная, внѣшняя форма, которая не предрѣшаетъ внутренней природы бытія.

Но не вѣроятно-ли, что внѣшнее есть точный переводъ внутренняго? Можно-ли допустить, что акты бытія случайны, если доказано, что проявленія этихъ актовъ связаны между собою неизмѣнными отношеніями? Если тѣни, которыя проходятъ въ пещерѣ Платона, слѣдуютъ одна за другой такимъ образомъ, что, достаточно наблюдая ихъ, можно съ точностью предвидѣть появленіе будущихъ тѣней, то ясно, что и отбрасывающіе ихъ предметы слѣдуютъ другъ за другомъ также въ неизмѣнномъ порядкѣ. Безъ сомнѣнія, въ опытѣ проявленія могутъ быть не даны вмѣстѣ съ актами; но если при одномъ изъ этихъ проявленій тотчасъ даны и другія, то будетъ самой простой гипотезой допустить, что и акты связаны между собою подобнымъ-же образомъ. Отсюда, чтобы имѣть право сомнѣваться во внутренней необходимости вещей, намъ пришлось-

бы повидимому, оспаривать безусловную правильность въ теченіи явленій и установить существованіе несогласія, хотя бы и незначительнаго, между требованіями науки и закономъ дѣйствительности. Быть можетъ, опытъ и не даетъ вамъ средства доказать внутреннюю необходимость вещей; но можно ли утверждать, что онъ благопріятствуетъ противоположному положенію?

Для того, чтобы сдѣлать сколько-нибудь опредѣленныя заключенія о причинахъ неизмѣнной связи явленій, эти явленія сами должны быть опредѣленными величинами. Между тѣмъ, ихъ опредѣленность есть только результатъ научной абстракціи. Всякое опытное изслѣдованіе сводится въ концѣ концовъ къ тому, что искусственно ограничиваетъ измѣримый элементъ явленій возможно тѣсными предѣлами. Въ дѣйствительности иногда невозможно съ точностью опредѣлить тотъ пунктъ, гдѣ явленіе начинается и кончается. Впрочемъ, даже нельзя утверждать, что подобные пункты существуютъ, потому что считать ими недѣлимые моменты—значило-бы допускать гипотезу, которая навѣрное противорѣчитъ самой природѣ времени. Отсюда, мы видимъ такъ сказать лишь вмѣстилища вещей, а не самыя вещи, и намъ неизвѣстно, занимаютъ-ли вещи въ этихъ своихъ вмѣстилищахъ опредѣленное положеніе. Допустимъ, что явленія неопредѣленны, по крайней мѣрѣ въ той степени, въ какой они несомнѣнно превышаютъ грубыя средства нашей оцѣнки: ихъ кажущіяся формы и отношенія остались-бы точно такими-же, какъ мы ихъ видимъ. Такимъ образомъ, когда мы буквально понимаемъ принципъ, по которому такое-то явленіе связано съ такимъ-то другимъ, мы усвояемъ вещамъ если и мыслимую, то чисто гипотетическую опредѣленность. Терминъ „такое-то явленіе“, взятый въ строгомъ смыслѣ слова, не выражаетъ эмпирическаго понятія и, можетъ быть, противорѣчитъ самымъ условіямъ опыта.

Затѣмъ, сообразно-ли съ опытомъ допускать безусловную пропорціональность, равенство и эквивалентность между причиной и дѣйствіемъ? Никто не считаетъ эту пропорціональность постоянной, если вещи разсматриваются съ точки зрѣнія ихъ полезности, ихъ эстетической и моральной цѣнности, словомъ, съ точки зрѣнія качества. Напротивъ, въ этомъ случаѣ всѣ признаютъ, что великія дѣйствія могутъ происходить отъ ничтож-

ныхъ причинъ, и наоборотъ. Слѣдовательно, законъ эквивалентности можетъ считаться безусловнымъ лишь тогда, когда дѣло идетъ или объ отношеніяхъ между количествомъ одного и того же качества, или о чистыхъ количествахъ.

Но гдѣ-же можно найти такое слѣдствіе, которое въ сравненіи съ антецедентомъ представляло-бы то-же самое количественное отношеніе тѣхъ-же самыхъ качествъ? Развѣ оно было-бы слѣдствіемъ, дѣйствіемъ, измѣненіемъ, еслибы оно не различалось отъ антецедента ни по количеству, ни по качеству?

Прогрессъ наблюденія все болѣе и болѣе раскрываетъ богатство свойствъ, разнообразіе, индивидуальность, жизнь тамъ, гдѣ, повидимому, являлись лишь однообразныя неразличимыя массы. Отсюда, не вѣроятно-ли, что простое повтореніе одного и того же качества, эта вещь, лишняя красоты и интереса, нигдѣ не существуетъ въ природѣ, и что однородное количество есть лишь идеальная поверхность бытія? Такъ, мерцающія вдали звѣзды кажутся лишь геометрическими фигурами, тогда какъ въ дѣйствительности онѣ—міры, слагающіеся изъ тысячи различныхъ веществъ. Что касается измѣненія интенсивнаго количества, т. е., увеличенія или уменьшенія одного и того же качества, то въ результатѣ оно равнымъ образомъ сводится къ качественному измѣненію, такъ какъ, будучи доведено до извѣстнаго пункта, оно заканчивается превращеніемъ одного качества въ другое, противоположное ему, а то, что происходитъ въ значительномъ интенсивномъ измѣненіи, необходимо должно происходить и въ тѣхъ частныхъ измѣненіяхъ, изъ которыхъ оно слагается.

Остается, правда, гипотеза чистаго количества, независимаго отъ какого-бы то ни было качества; но какое представленіе можно составить о подобномъ предметѣ? Количество можетъ быть только величиной или степенью чегонибудь, а это что-нибудь есть именно качество, характеръ физическаго или нравственнаго бытія. Если качество вполне мыслимо какъ сущность количества, то послѣднее, рассматриваемое какъ сущность качества, совершенно непонятно. Вѣдь, количество можетъ означать лишь границу или предѣлъ: а всякая граница предполагаетъ нѣчто ограничиваемое.

Если-же вездѣ, даже въ самыхъ простѣйшихъ формахъ бы-

тія, существуетъ нѣкоторый качественный элементъ, какъ необходимое условіе самаго ихъ существованія, то признать, что дѣйствіе съ точки зрѣнія качества можетъ быть непропорціонально причинѣ, значить вмѣстѣ съ тѣмъ допустить, что въ конкретномъ, дѣйствительномъ мірѣ законъ причинности нигдѣ строго не примѣнимъ.

И дѣйствительно, какъ можно понять, что причина или непосредственное условіе заключаетъ въ себѣ все, что необходимо для объясненія дѣйствія? Причина никогда не можетъ содержать въ себѣ того, чѣмъ отличается отъ нея дѣйствіе, того вновь возникающаго элемента, который служитъ необходимымъ условіемъ причиннаго отношенія. Если дѣйствіе всецѣло тождественно съ причиной, то оно составляетъ съ ней одно, и не можетъ быть истиннымъ дѣйствіемъ. Если-же дѣйствіе отличается отъ причины, то, значить, оно имѣетъ до известной степени иную природу; но въ такомъ случаѣ какъ возможно установить между ними, не говоримъ уже, полное равенство, которое немислимо, а даже пропорціональность? Какъ измѣрить качественную разнородность и показать, что при тождественныхъ условіяхъ она всегда производится въ одной и той-же степени?

Наконецъ, если намъ удастся свести частныя измѣненія къ постояннымъ общимъ отношеніямъ, такъ чтобы взаимная разнородность частныхъ факторовъ не исключала ихъ относительной необходимости, то развѣ прогрессъ науки не показываетъ намъ, что и самыя эти общія отношенія не изъяты изъ измѣненія? Не будетъ-ли самымъ вѣроятнымъ индуктивнымъ заключеніемъ та мысль, что найти безусловно неизмѣнный законъ для рассматриваемыхъ отношеній невозможно, какъ бы ни были эти отношенія просты и какъ бы ни были широки основы наблюденія? Если общее измѣняется, то не слѣдуетъ-ли отсюда, что и въ частностяхъ заключается нѣкоторый элементъ случайности? И будетъ-ли страннымъ, что мы не можемъ различить въ безконечно маломъ причинѣ измѣненія безконечно великаго, если даже въ этомъ безконечно великомъ измѣненіи почти неуловимо.

Реальность измѣненія не менѣе очевидна, чѣмъ реальность постоянства. Болѣе того, если можно понять, что два измѣне-

нія, производимыя въ обратномъ направленіи другъ къ другу, порождаютъ постоянство, то возникновеніе измѣненія изъ безусловнаго постоянства немыслимо. Такимъ образомъ, измѣненіе есть основной законъ, а постоянство—лишь его слѣдствіе, и потому вещи должны допускать измѣненіе даже въ самыхъ непосредственныхъ своихъ отношеніяхъ.

Но если не существуетъ неподвижнаго пункта, на которомъ могли-бы покоиться измѣненія вещей, то законъ причинности, утверждающій безусловное сохраненіе бытія и природы вещей, не имѣетъ точнаго приложенія къ даннымъ опыта. Онъ выражаетъ, безъ сомнѣнія, самый общій характеръ бытія; но представляя этотъ характеръ бытія безусловно независимымъ отъ противоположнаго ему способа, хотя послѣдній не менѣе дѣйствителенъ и первиченъ, и предполагая опредѣленность и постоянство ранѣе измѣненія и жизни, онъ обнаруживаетъ своеобразное вмѣшательство разсудочнаго мышленія, которое, вмѣсто того, чтобы ограничиться наблюденіемъ дѣйствительности, даетъ ей форму, приспособленную къ его собственнымъ стремленіямъ. Законъ причинности въ его абстрактной и абсолютной формѣ съ полнымъ правомъ можетъ быть практическимъ правиломъ науки, задача которой—прослѣдить постепенно нити безконечной ткани явленій; но когда мы пытаемся представить себѣ всеобщую связь и всюду проникающее взаимодействіе измѣнчивости и постоянства, изъ которыхъ слагается жизнь и реальное бытіе, онъ является лишь неполной и относительной истиной. Міръ, разсматриваемый въ единствѣ его реального существованія, представляетъ совершенную необусловленность, которая, безъ сомнѣнія, выступаетъ слишкомъ слабо и не ясно, если наблюдать вещи лишь на очень незначительномъ пространствѣ ихъ теченія, но которая иногда становится очевидной, если сравнивать факты, отдѣленные другъ отъ друга длиннымъ рядомъ промежуточныхъ явленій. Нѣтъ эквивалентности, нѣтъ чистаго причиннаго отношенія между человѣкомъ и элементами, давшими ему бытіе, между развившимся существомъ и существомъ, находящимся лишь на пути къ образованію.

* *

(Продолженіе будетъ).

ВОСЕМЬ ПОУЧЕНІЙ О МИССІОНЕРСКОМЪ ДѢЛѢ.

Изданіе Православнаго Миссіонерскаго Общества.

(Продолженіе *).

ПОУЧЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Счастливы мы, братія, что почти вмѣстѣ съ бытіемъ получили и благодатное возрожденіе въ купѣли крещенія и съ колыбели освящаемся таинствами св. вѣры, находимся подъ духовнымъ водительствоиъ и охраненіемъ православной Церкви. Слава и благодареніе Господу Богу, вмѣстѣ съ свѣтомъ чувственнымъ показавшему намъ и свѣтъ духовный въ познаніи единаго истиннаго Бога, въ Троицѣ славимаго! А какъ много еще ваходится на землѣ несчастныхъ, невѣдущихъ истиннаго Бога, повергающихъ высокія человѣческія чувства благоговѣнія, благодарности и страха предъ тварями и идолами! Познавши истину отъ вѣры, мы не можемъ не жалѣть объ этихъ заблудшихъ братіяхъ нашихъ, руководясь даже и однимъ закономъ естественнымъ; вкусивши благъ духовныхъ, не можемъ не скорбѣть о тѣхъ, которые томятся голодомъ, будучи лишены дарованій Св. Духа. И въ духѣ христіанскаго ученія, которое есть свѣтильникъ ногамъ нашимъ, и въ нашемъ собственномъ, вѣрою Христовою просвѣщенномъ духѣ находимъ побужденіе и обязанность ревностно заботиться о распространеніи вѣры христіанской между пребывающими во тьмѣ язычества. Православная Церковь непрестанно обращается къ Источнику духовнаго свѣта съ молитвою, да откроетъ очи слѣпотствующихъ

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1898 г., № 24.

къ пріятію евангельскаго ученія. Ея пастыри, преемники служенія Апостоловъ, въ заповѣди Іисуса Христа о наученіи всѣхъ языковъ и проповѣданіи Евангелія всей твари, во всѣ вѣка усматривали и для себя повелѣніе всевозможно трудиться въ дѣлѣ распространенія вѣры христіанской. Вѣрная духу Апостольскому и святоотеческому, и наша Россійская православная Церковь, имѣя на окраинахъ обширнаго нашего отечества значительное число идолопоклонниковъ, во всѣ времена съ материнскою заботою пеклась объ обращеніи ихъ ко Христу, особенно усиливая эту свою просвѣтительную дѣятельность во времена мира и покоя отъ враговъ внѣшнихъ, во дни благоустроенія внутренняго.

Духовное состояніе язычника поражаетъ христіанское чувство своимъ крайнимъ упадкомъ и утратою человѣческаго достоинства. Человѣкъ—существо духовно-нравственное и—не знаетъ о величіи своей духовной природы. Созданный по образу Божію, онъ влачитъ свое существованіе въ удовлетвореніи однихъ чувственныхъ, животныхъ потребностей. Поставленный царемъ неодушевленной природы, онъ рабски покланяется стихіямъ и тварямъ и ихъ вещественнымъ изображеніямъ въ идолахъ. Гражданинъ неба, призванный къ богообщенію, онъ ничѣмъ почти не отличается отъ безсловесныхъ. И, что особенно ужасно, этотъ духовно мертвый, или по крайней мѣрѣ непробудно спящій язычникъ и не сознаетъ своего бѣдственнаго состоянія, самъ возбудить себя не въ силахъ и другихъ не зоветъ къ себѣ на помощь, и такимъ образомъ принужденъ оставаться въ своемъ нравственномъ омертвеніи до толѣ, доколѣ посторонняя какая-либо сила, помимо его воли, не окажетъ на него благотворнаго, оживляющаго дѣйствія. Судите сами, можетъ ли любовь христіанская равнодушно смотрѣть на такое нравственное униженіе природы человѣческой? Наученные помогать нуждѣ, не только громко заявляющей себя я просящей, но и розыскивать бѣдность таящуюся и иногда предупреждать даже просьбы бѣдныхъ посильнымъ вспоможеніемъ, христіане, безъ спроса и зова, сами должны идти на помощь духовно страждущимъ язычникамъ, своимъ братіямъ по природѣ. И могутъ ли иначе поступать

тѣ, которые привыкли благотворить не только ближнимъ, но и дальнимъ, живущимъ даже за предѣлами ихъ отечества, для которыхъ напримѣръ, заботливый уходъ за разнаго рода больными, претерпѣвающими тяжкія страданія, тѣмъ болѣе воздѣлененъ, чѣмъ безпомощнѣе и опаснѣе положеніе этихъ несчастныхъ? Но, различая виды нужды по ихъ силѣ и значенію, не можемъ не предпочитать милосердія духовнаго тѣлесному; озабочиваясь удовлетвореніемъ нуждъ временныхъ, не можемъ не думать и не пещись о спасеніи душъ своихъ ближнихъ—соотечественниковъ отъ вѣчной гибели.

Великое дѣло просвѣщенія христіанскою вѣрою язычниковъ требуетъ большихъ жертвъ матеріальныхъ. Имѣйте въ виду, что Евангеліе проповѣдуется народамъ, живущимъ на окраинахъ Россіи, которые, вдали отъ центровъ просвѣщенія и гражданственности, ни правильныхъ промысловъ, ни средствъ къ какимъ либо удобствамъ жизни не имѣютъ, живутъ кое-какъ въ юртахъ или шалашахъ, круглый годъ питаются самою скудною пищею, съ трудомъ добываемою, не имѣютъ понятія о земледѣліи и одѣтые въ звѣриныя шкуры, мало чѣмъ отличаются отъ бессловесныхъ. Для сихъ дѣтей природы, ничего не имѣющихъ, въ случаѣ обращенія ихъ въ христіанскую вѣру, нужно прежде всего построить хотя не богатый, хотя и деревянный, но особый и по возможности благолѣпный храмъ. Храмъ сей, если бы онъ даже помѣщался и въ наемномъ готовомъ домѣ, нужно снабдить всею священною утварію, какъ-то: иконами, св. сосудами, облаченіями, богослужебными книгами. Имѣйте въ виду, далѣе, то, что при разбросанности человѣческихъ жилищъ въ тѣхъ мѣстахъ и дальности разстояній, ихъ раздѣляющихъ, и для небольшого числа новообращенныхъ христіанъ изъ язычниковъ требуется имѣть особый храмъ съ особымъ священникомъ. Дальность разстояній отъ храма и священника можетъ охлаждать усердіе къ его посѣщенію и вмѣстѣ съ тѣмъ ослаблять я самую вѣру во Христа, еще не укоренившуюся въ сердцахъ новообращенныхъ, особенно при близости и частыхъ столкновеніяхъ съ сосѣдями—язычниками, при желаніи жрецовъ и вождей языческихъ совратить снова къ себѣ новообращенныхъ въ

христіанство. Посему требуется или совершенное разобщеніе новообращенныхъ съ язычниками и слѣдовательно образованіе новыхъ поселеній на новыхъ мѣстахъ исключительно для нихъ однихъ; или по крайней мѣрѣ наблюденіе за ними близкое и постоянное, чтобы они не возвратились къ прежнему идолослуженію. Такъ какъ пасеніе сихъ новыхъ овецъ стада Христова можетъ принадлежать только священникамъ, то число священниковъ, очевидно, должно увеличиваться и умножаться вмѣстѣ съ умноженіемъ вѣрующихъ и обращающихся въ христіанство. При этомъ, доколѣ мѣстные христіане не возрастутъ въ разумѣніи христіанства, священниковъ нужно брать для нихъ внутри Россіи и направлять туда. Но не надежна вѣра отъ слуха, если не будетъ поддерживаема и питаема постояннымъ и твердымъ, основательнымъ ученіемъ. Отсюда для утвержденія новообращенныхъ въ вѣрѣ Христовой настоятъ потребность въ школахъ, въ которыхъ бы и малые, и возрастные вмѣстѣ съ грамотою обучались и истинамъ христіанской вѣры и, хотя отчасти, нѣкоторымъ самымъ необходимымъ для нихъ ремесламъ и искусствамъ. Школы сіи особенно необходимы для того, чтобы изъ мѣстныхъ жителей, съ теченіемъ времени, могли образоваться и свои учителя, и свои священники. При знакомствѣ съ краемъ, при знаніи мѣстныхъ нарѣчій, такіе пастыри могутъ принести дѣлу распространенія христіанства гораздо большую пользу, чѣмъ другія лица. Школы опять требуютъ домовъ, ихъ содержанія, книгъ, учителей. Далѣе, видя крайнюю бѣдность новообращенныхъ и ихъ семействъ, Православная Церковь, духовно ихъ возродившая, не можетъ отказать имъ и въ тѣлесныхъ, житейскихъ ихъ нуждахъ и потребностяхъ, и именно не можетъ не дать голоднымъ хлѣба, страдающимъ отъ холода пріюта и одежды, болящимъ врачебныхъ пособій. Даже и для упорствующихъ въ идолослуженіи необходимо оказывать дѣла любви, милосердія и помощи, въ надеждѣ расположить чрезъ сіе сердца ихъ къ пріятію евангельскаго ученія. Наконецъ, самые миссіонеры, хотя идутъ на свое тяжелое служеніе во имя Христова и изъ любви къ меньшимъ своимъ братіямъ и заранѣе знаютъ о предстоящихъ имъ на семъ поприщѣ скорбяхъ, нуждахъ и лише-

ніяхъ, однако, при невозможности какого бы то ни было другаго еще занятія, которое бы обезпечивало ихъ содержаніе, они и сами должны искать помощи здѣсь, у православныхъ христіанъ. Отъ новообращенныхъ, которымъ еще самимъ помогать нужно, понятно само собою, не могутъ получать своего содержанія ни миссіонеры, ни приходскіе священники, ни учителя школъ. По крайней мѣрѣ въ первое десятилѣтіе, доколѣ новообращенные не ознакомятся съ правильнымъ трудомъ и не улучшатъ матеріальнаго своего быта, содержаніе всѣхъ сихъ дѣятелей православная Церковь Россійская по необходимости должна принять на свои средства. Конечно, всѣ указанныя нужды удовлетворяются съ должною осмотрительностію, и расчетливостію, не вдругъ, а по частямъ и исподоволь. Но и при всей бережливости, чтобы быть благоуспѣшнымъ, дѣло миссій нашихъ требуетъ ежегодно весьма значительныхъ расходовъ.

Несправедливо было бы, если бы мы всѣ заботы и расходы по обращенію невѣрныхъ въ христіанство стали возлагать на одно Правительство. Это дѣло всей Церкви, всѣхъ православныхъ христіанъ. Каждый изъ насъ своими посильными жертвами, равно какъ и пожертвованіями приглашаемыхъ къ тому родныхъ и знакомыхъ, долженъ споспѣшествовать приобрѣтенію средствъ для обезпеченія миссій и вспоможенія новокрещеннымъ. Съ учрежденіемъ въ нашемъ отечествѣ Православнаго Миссіонерскаго Общества, дѣло миссій нашихъ стало на твердую почву, но средствъ, имѣющихся въ его распоряженіи для расширенія миссіонерской дѣятельности, благовременнаго и необходимаго, еще недостаточно. По этому Миссіонерское Общество всѣхъ чадъ православной Россійской Церкви, безъ различія званія и состоянія, пола и возраста, братски проситъ принять дѣятельное участіе въ великомъ и благомъ дѣлѣ озаренія евангельскимъ свѣтомъ не христіанъ, живущихъ въ предѣлахъ нашего отечества.

На судѣ Божественномъ цѣнится не столько самое даяніе, сколько благорасположеніе и усердіе дающаго. Лепта, опущенная вдовицею въ сокровищницу Іерусалимскаго храма, оказалась, по суду Господа Іисуса Христа, цѣннѣе крупныхъ вкладовъ людей состоятельныхъ. Своими лептами, приносимыми на

дѣло нашихъ миссій, жертвователи, входя въ трудъ и дѣло самихъ миссіонеровъ, да внимають съ радостію и утѣшеніемъ сему, столь милостивому обѣтованію Господа Іисуса: *Пріемляй пророка во имя пророче мзду пророчу пріиметъ: и иже аще напоитъ единого отъ малыхъ сихъ чашею студены воды, токмо во имя ученика, аминь глаголю вамъ, не погубитъ мзды своя* (Мате. 10, 41. 42). Услугу, оказанную Апостоламъ, а слѣдовательно и преемникамъ и продолжателямъ ихъ апостольской дѣятельности, Спаситель непосредственно относитъ къ Себѣ и Отцу Своему. *Иже васъ пріемлетъ, Мене пріемлетъ и иже пріемлетъ Мене, пріемлетъ Пославшаго Мя* (ст. 40). И вообще всякое дѣло милосердія, оказываемое ближнему, Господь благоволитъ относить къ Себѣ Самому. *Понеже сотвористе единому сихъ братій Моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе* (Мате. 25, 40).

Св. Апостоль Павелъ, воздавая хвалу Филипписіянамъ за ихъ даянія, облегчавшія ему трудъ апостольскаго служенія, сими словами заключаетъ свое обращеніе къ нимъ: *не яко ищю даянія, но ищю плода множащагося въ пользу вашу* (Филип. 4, 15. 17). Не даянія ищемъ и мы въ васъ, братія, но плода множащагося въ пользу вашу, да дѣло любви вашей тяготу вѣчной славы вамъ содѣлаетъ. Посему всяко, еже аще что творите, отъ души дѣлайте, якоже Господу, а не челоукомъ: *въдѣще, яко отъ Господа пріимете воздаяніе достоянія Господу бо Христу работаете* (Кол. 3, 23—25).

(Продолженіе будетъ).

ВОЗЗВАНІЕ.

На южной оконечности нашего отечества, на берегу Чернаго моря, среди пустынной мѣстности (въ 12 верст. отъ гор. Севастополя и 8—отъ г. Балаклавы), на склонѣ скалы, величественно вывышающейся надъ уровнемъ моря, скромно пріютилась и какъ-бы повисла надъ бездною древнѣйшая изъ нашихъ Обителей, бывшая свидѣтельницей нашего религіозно-нравственнаго просвѣщенія, при принятіи Великимъ Княземъ Владиміромъ святого крещенія въ сосѣднемъ съ нею Херсонесѣ.

Это знаменитый не только по древности и своему живописному мѣстоположенію, но и по историческому своему значенію — Балаклавскій Георгіевскій монастырь. Онъ основанъ въ 891 году, по слѣдующему чудесному обстоятельству:

— Разъ, Греки, во время плаванія по Черному морю, были застигнуты страшною бурей, и гонимы къ отторженнымъ отъ гряды горъ камнямъ; видя свою неизбѣжную гибель, они возопили объ избавленіи къ св. Великомученику и Побѣдоносцу Георгію, и Онъ, услышавъ сердечный ихъ вопль, мгновенно явился на большомъ камнѣ, отстоящемъ отъ берега въ 70 саженьяхъ,—и буря въ тотъ-же часъ утихла. Спасенные отъ видимой гибели Греки взошли на камень тотъ и тамъ обрѣли икону св. Великомученика Георгія, которую, взявши оттуда, принесли на берегъ и, въ знакъ благодарности Чудотворцу, близь того мѣста, гдѣ погибали, основали во имя святаго Георгія монастырь, пережившій подъ охраною Великомученика, въ теченіи долгихъ вѣковъ, многія историческія событія Крымскаго полуострова и уцѣлѣвшій отъ непріятельскаго разрушенія въ войну 1853—56 годовъ.

Въ прошломъ 1891 году монастырь торжественно отпраздновалъ годовщину своего тысячелѣтнаго существованія. Дабы достойнымъ образомъ ознаменовать это событіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и достойно возблагодарить Господа за чудесное спасеніе драгоценной жизни ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА ГОСУДАРЯ НАСЛѢДНИКА и ЦЕСАРЕВИЧА НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА, во время путешествія Его въ г. Отсу — 29 апрѣля, Обитель единодушно возымѣла желаніе неотложно приступить къ постройкѣ у себя соборнаго храма, и на это святое дѣло принесъ первую лепту Его Высокопревосходительство Г. Оберъ-Прокуроръ св. Синода *К. П. Побѣдоносцевъ*.

Да послужить сіе благоволеніе и щедрость добрымъ и благимъ примѣромъ всѣмъ истинно-православнымъ, которыхъ я отъ лица вѣрной мнѣ Обители, по благословенію духовнаго Начальства, смиренно приглашаю къ посильной намъ помощи. — Всякій даръ и всякая жертва благодѣтелей будутъ приняты въ Обители съ истинною признательностію и благоговѣйною молитвою святому Великомученику Георгію: *„царей поборнику, плѣнныхъ свободителю, нищихъ защитителю и немощствующихъ врачу“*. (Тропарь Великомученику и Побѣдоносцу св. Георгію).

Пожертвованіе присимъ высылать по слѣдующему адресу: „Севастополь, Настоятелю первокласснаго Георгіевскаго Балаклавскаго монастыря, Игумену *Никандру* съ братією“.

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

15 Января № 1. 1899 года.

Содержаніе. Высочайшія награды.—Отчетъ о лѣтнихъ педагогическихъ курсахъ для учителей второклассныхъ церковно-приходскихъ школъ, учрежденныхъ въ г. Харьковѣ въ 1898 г.—Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 1897/98 учебный годъ.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Высочайшія награды.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Синодальнаго Оберъ-Провѣрора, согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода, Всемилостивѣйше соизволилъ, въ 3-й день декабря, на сопричисленіе за 50-ти-лѣтнюю службу протоіерея Архангело-Михайловской церкви, города Харькова, *Іоанна Ѳедорова*, къ ордену *св. Владиміра 4-й степени*; діаконовъ церквей: Николаевской въ слободѣ Тернахъ, Купянскаго уѣзда, *Василія Царевскаго*, и Петропавловской въ слободѣ Петропавловкѣ, Старобѣльскаго уѣзда, *Іакова Раздольскаго*,—къ ордену *св. Анны 3-й степени*.

Отчетъ о лѣтнихъ педагогическихъ курсахъ для учителей второклассныхъ церковно-приходскихъ школъ, учрежденныхъ въ г. Харьковѣ въ 1898 году.

I. Открытіе курсовъ.

По опредѣленію Св. Синода отъ 17/29 марта 1898 г. № 105 предположено было учредить въ г. Харьковѣ лѣтомъ 1898 года педагогическіе курсы для учителей второклассныхъ школъ уже открытыхъ, и кандидатовъ на сію должность во вновь открываемыя второклассныя школы для губерній: Владикавказской, Воронежской, Донской, Орловской, Пензенской, Ставропольской, Сухумской, Таврической, Тамбовской и Харьковской. Курсы должны были продолжаться въ теченіи шести недѣль,—съ 25 іюня по 6

августа. Согласно съ этимъ опредѣленіемъ Св. Синода, 25 іюня 1898 года, по благословенію Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія Архіепископа Харьковскаго, и послѣдовало открытіе курсовъ при Харьковской Духовной Семинаріи. Въ 12 часовъ дня, въ присутствіи членовъ Епархіальнаго Училищнаго Совѣта, членовъ распорядительной комиссіи, лекторовъ, и нѣкоторыхъ уѣздныхъ наблюдателей и благочинныхъ епархіи и всѣхъ явившихся на курсы учителей, Ректоромъ Семинаріи протоіереемъ Іоанномъ Знаменскимъ, въ сослуженіи протоіереевъ и священниковъ членовъ Епархіальнаго Училищнаго Совѣта и наблюдателей, совершенно было Господу Богу молебное пѣніе предъ началомъ ученія. На молебнѣ пѣлъ хоръ курсистовъ подъ управленіемъ учителя пѣнія Епархіальнаго женскаго училища священника Іоанна Петровскаго. По окончаніи молебна, всѣ присутствовавшіе на немъ перешли въ Семинарскій актовъ залъ, обращенный въ аудиторію, и здѣсь, послѣ краткаго привѣтствія, обращеннаго къ учителямъ со стороны Ректора Семинаріи, и выясненія имъ значенія второклассныхъ школъ и педагогическихъ курсовъ, для слушанія которыхъ они собрались, курсы объявлены были открытыми.

II. Управление курсами.

На основаніи § 5 правилъ на устройство курсовъ для учителей второклассныхъ школъ, Харьковскимъ Епархіальнымъ Училищнымъ Совѣтомъ въ засѣданіи 30 апрѣля избрана была распорядительная комиссія, утвержденная резолюціею Его Высокопреосвященства Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, отъ 8 мая. Въ составъ комиссіи вошли слѣдующія лица: Предсѣдатель Епархіальнаго Училищнаго Совѣта Ректоръ семинаріи протоіерей Іоаннъ Знаменскій, въ качествѣ инспектора курсовъ, членъ и дѣлопроизводитель Училищнаго Совѣта, преподаватель семинаріи Семень Ооменко, въ качествѣ смотрителя курсовъ, и экономъ семинаріи А. Енько экономомъ курсовъ. Сверхъ того, по распоряженію Его Высокопреосвященства, въ составъ распорядительной комиссіи включенъ былъ и епархіальный наблюдатель В. Давыденко.

III. Составъ лекторовъ.

Для чтеній лекцій на педагогическихъ курсахъ Епархіальнымъ Училищнымъ Совѣтомъ приглашены были слѣдующія лица:

1) По Закону Божию профессоръ богословія Харьковскаго Университета, магистръ богословія, протоіерей Тимоѳей Буткевичъ.

2) По церковному пѣнію съ младшей группой курсистовъ занимался учитель пѣнія при Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ, священникъ Іоаннъ Петровскій, получившій права учителя пѣнія по экзамену при С.-Петербургской придворной капеллѣ; съ старшей группой велъ занятія по церковному пѣнію учитель пѣнія при Харьковской Семинаріи Н. Ковинъ, окончившій курсъ Московскаго Синодальнаго пѣвческаго училища.

3. По педагогикѣ съ методикой русскаго языка съ церковно-славянскимъ—преподаватель педагогики при Харьковской Духовной семинаріи и руководитель образцовой школы, магистръ богословія, Н. Страховъ. Кромѣ занятій при семинаріи преподаетъ педагогику и руководитъ практическими занятіями въ педагогическомъ классѣ 2-хъ женскихъ гимназій и Епархіальномъ женскомъ училищѣ.

4. По физикѣ и геометрическому черченію—преподаватель математики и физики въ Духовной семинаріи, кандидатъ университета, И. Кудревичъ. Кромѣ семинаріи преподавалъ методику арифметики и руководилъ практическими занятіями въ педагогическомъ классѣ въ женской гимназіи.

5. По методикѣ географіи и исторіи—преподаватель исторіи въ Духовной семинаріи, кандидатъ богословія, І. Корвѣнко; преподаетъ географію и исторію въ женской гимназіи.

6. По школьной гигиенѣ въ связи съ анатоміей и фізіологіей человѣческаго тѣла—докторъ медицины Яковъ Трутовскій.

7. По пчеловодству—преподаватель пчеловодства въ Харьковскомъ Земледѣльческомъ училищѣ, Сергѣй Ляпидевскій.

8. Руководителемъ по столярному и токарному мастерству былъ приглашенъ бывшій преподаватель столярнаго мастерства въ Харьковскомъ ремесленномъ училищѣ, Адрианъ Енько.

9. По переплетному мастерству руководилъ курсистовъ, занимавшихся этимъ мастерствомъ, переплетчикъ Шепелевъ.

10. Кройкѣ обучала учительницъ, бывшихъ въ числѣ слушательницъ курсовъ, учительница кройки Е. Рейнфельдъ.

11. Игрѣ на скрипкѣ, фортеціано и фисгармоніи обучалъ желающихъ учитель пѣнія Николай Ковинъ.

IV. Составъ слушателей курсовъ.

На основаніи опредѣленія Св. Синода отъ 17—19 марта для слушанія педагогическихъ курсовъ въ г. Харьковѣ вызваны были учителя второклассныхъ церковно-приходскихъ школъ и кандида-

ты на эту должность изъ вышепоименованныхъ 10-ти епархій въ слѣдующемъ количествѣ: 1) *изъ Владикавказской*—явились 3 учителя и 2 учительницы: Вишневскій Петръ, Грузиненко Димитрій, Дзіовъ Алексѣй, Лаврова Ольга и Синьковская Анна. 2) *Изъ Воронежской епархіи* по назначенію Воронежскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта явились 10 учителей и 10 учительницъ: Болховитиновъ Гавріилъ, Бондаренко Михаилъ, Васильевъ Алексѣй, Игнатовъ Митрофанъ, Крыловъ Владиміръ, Поповъ Георгій, Поповъ Яковъ, Прохоровъ Владиміръ, Скрынченко Николай, Яковлевъ Михаилъ, Богатырева Клавдія, Верижская Марія, Глаголева Дарія, Дамаскина Марія, Дробовская Александра, Зайцева Валентина, Кременецкая Серафима, Русинова Антонина, Сялобовская Антонина и Стефановская Параскева. 3) *Изъ Донской епархіи* по назначенію Донскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта явились слѣдующіе 9 учителей и 5 учительницъ: Вальневъ Николай, Добрынинъ Петръ, Жоголевъ Иванъ, Ивліевъ Иванъ, Клавсуцъ Иванъ, Михайловъ Аристархъ, Писаревъ Иванъ, Поповъ Михаилъ, Прекрасновъ Семень, Григорьева Екатерина, Дикарева Антонина, Лобачева Марія, Попова Марія и Шевцова Серафима. 4) *Изъ Орловской епархіи* по назначенію Орловскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта явились 10 учителей: Бородулинъ Алексѣй, Дизертинскій Сергѣй, Ивановъ Сергѣй, Ивановъ Ѳедоръ, Калининковъ Василій, Нецвѣтаевъ Василій, Первозванскій Иванъ, Петровскій Василій, Турбинъ Павелъ и Феноменовъ Василій. 5) *Изъ Пензенской епархіи* по назначенію Пензенскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта явились 11 учителей и 9 учительницъ; Ардентовъ Иванъ, Аристовъ Алексѣй, Гнидинъ Александръ, Ключевъ Николай, Любимовъ Викторъ, Мироносицкій Веніаминъ, Петропавловскій Сергѣй, Покровскій Петръ, Троицкій Василій, Трояновъ Николай, Урановъ Алексѣй, Геометрова Софія, Діалектова Марія, Краснопольская Софія, Милозорова Антонина, Пекорина Лилія, Покровская Зинаида, Разумовская Александра, Соболевская Анастасія, Успенская Наталія. 6) *Изъ Ставропольской епархіи* по назначенію Ставропольскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта прибыли нижеслѣдующіе 8 учителей: Борисовъ Иванъ, Евфимовъ Аркадій, Махровскій Василій, Никольскій Иванъ, Пронинъ Сергѣй, Фелицынъ Александръ, Ѳедоровъ Вячеславъ и Ѳедоровскій Василій. 7) *Изъ Сухумской епархіи* по назначенію Сухумскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта прибыли 4 учителя и 1 учительница: Глаголевъ Алексѣй, Бжанія Мелитонъ, Солоповъ Діонисій, Тихо-

правовъ Иванъ и Глаголева Александра. 8. *Изъ Таврической епархіи* по назначенію Таврическаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта прибыли 4 учителя и 1 учительница: Власовъ Даниль, Грибовскій Николай, Звѣревъ Николай, Сѣриго Александръ и Иванецкая Екатерина. 9. *Изъ Тамбовской епархіи* по назначенію Тамбовскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта явились 14 учителей и 3 учительницы: Архангельскій Петръ, Воскресенскій Василій, Вѣтринскій Василій, Елеонскій Михаилъ, Константиновскій Михаилъ, Красивскій Александръ, Крыловъ Дмитрій, Лавровъ Николай, Маловъ Григорій, Неуроновъ Павелъ, Орловъ Василій, священникъ Синцеровъ Дмитрій, Троицкій Левъ, Уваровъ Александръ, Богоявленская Александра, Громова Марія и Щеглова Любовь. 10. *Изъ Харьковской епархіи* по назначенію Харьковскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта явился 16 учителей: Коноваловъ Константинъ, діаконъ Крыжановскій Григорій, діаконъ Насѣдкинъ Іаковъ, Нестеровъ Василій, Огнискій Василій, Оглоблинъ Николай, Панкратьевъ Андрей, Поповъ Григорій, Поповъ Семенъ, Созонтьевъ Андрей, Соколовъ Валеріанъ, Стефановскій Николай, Филевскій Захарій, Фіалковскій Константинъ, Юшковъ Александръ и Оедоровъ Александръ. Кромѣ того по собственному желанію прибыли 2 учительницы: Рудинская Параскева и Н. Даврентьева. Всего изъ Харьковской епархіи было 18 слушателей педагогическихъ курсовъ.

Такимъ образомъ изъ всѣхъ 10 епархій прибыли для занятій на курсахъ: по назначенію училищныхъ совѣтовъ 120 учителей и учительницъ и по собственному желанію 2 учительницы, а всего 122 человѣка.

Изъ числа 122 слушателей и слушательницъ педагогическихъ курсовъ, уже состояли въ должности учителей второклассныхъ школъ 27 учителей, 4 были учителями двухъклассныхъ школъ, 60 учителей и учительницъ одноклассныхъ церковно - приходскихъ школъ и 31 человѣкъ, несостоявшихъ еще въ должности учителей.

По образовательному цензу слушатели и слушательницы курсовъ распределяются слѣдующимъ образомъ: 61 окончили полный курсъ Духовной Семинаріи и 2 Миссіонерской Семинаріи, 4 окончили полный курсъ Учительской Семинаріи, 28 окончили полный курсъ Епархіальнаго Училища, 5 окончили курсъ женской гимназіи и 22 имѣющихъ свидѣтельство на званіе народнаго учителя или учителя церковно-приходской школы. Изъ числа послѣднихъ 8 выбыли изъ 3 и 4 классовъ Духовной Семинаріи, 1 не окончившій Учи-

тельской Семинаріи, 1 не окончившій курсъ гимназій, 1 не окончившій курсъ реального училища, 2 окончившихъ курсъ земледѣльческаго училища, 2 окончившихъ курсъ духовнаго училища и 6 окончившихъ курсъ уѣзднаго училища и окружнаго училища (области войска Донскаго).

Такимъ образомъ $\frac{4}{5}$ слушателей курсовъ имѣли цензъ средне-учебнаго заведенія, а остальная $\frac{1}{5}$ курсистовъ хотя и не имѣли средняго образованія, но получили спеціальную подготовку къ занятіямъ въ школахъ.

(Продолженіе будетъ).

Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 1897/98 учебный годъ.

1. Личный составъ служащихъ.

Въ личномъ составѣ служащихъ въ Училищѣ, сравнительно съ концомъ 1896/7 учебного года, въ отчетномъ году произошли слѣдующія перемѣны:

а) Журнальнымъ постановленіемъ Совѣта отъ 9 сентября 1897 года, утвержденнымъ 28 того же сентября Его Высокопреосвященствомъ, учительницею музыки въ Училище опредѣлена вдова статскаго совѣтника Екатерина Петровна Соснякова, окончившая курсъ Таганрогской Маріинской женской гимназій и имѣющая удостовѣреніе отъ г. Директора музыкальнаго училища въ совершенно-достаточномъ знаніи игры на фортепіано и педагогической опытности въ ней.

б) Журнальнымъ постановленіемъ Совѣта отъ 28 ноября 1897 г., утвержденнымъ 9 декабря Его Высокопреосвященствомъ, уволена, по прошенію, младшая воспитательница Училища Антонина Семеновна Подольская, и на ея мѣсто опредѣлена вдова священника Анастасія Фаворова, окончившая курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ Женскомъ Училищѣ со званіемъ домашней учительницы.

в) Журнальнымъ постановленіемъ Совѣта отъ 18 августа 1897 года уроки чистописанія въ 1 параллельномъ классѣ поручены временно младшей воспитательницѣ того-же училища Серафимѣ Ивановнѣ Пономаревой.

Вслѣдствіе указанныхъ перемѣнъ, къ концу отчетнаго года образовался слѣдующій составъ служащихъ въ училищѣ лицъ:

А. Составъ Совѣта.

1. Предсѣдатель Совѣта, профессоръ богословія въ Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ, Протоіерей Тymoфeй Ивановичъ *Буткевичъ*, магистръ богословія; жалованья получаетъ 300 р. и ему лично 200 руб.—всего 500 руб.; въ настоящей должности съ 26 августа 1883 года.

2. Начальница училища, дворянка, дѣвица Евгенія Николаевна *Гейцъ*; окончила курсъ въ Харьковскомъ Институтѣ Благородныхъ дѣвицъ; жалованья получаетъ при казенной квартирѣ со столомъ 984 руб. и 100 руб. ежегодной награды—всего 1084 руб.; въ настоящей должности съ 1 августа 1883 года.

3. Инспекторъ классовъ, Протоіерей Никандръ Іоновичъ *Онискевичъ*, кандидатъ богословія; жалованья получаетъ 500 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 30 марта 1873 года.

4. Членъ Совѣта отъ духовенства Священникъ Харьковской Кресто-Воздвиженской церкви Николай Николаевичъ *Любарскій*, кандидатъ богословія; жалованья получаетъ 180 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 21 февраля 1895 года.

5. Членъ Совѣта отъ духовенства, Священникъ Харьковской Троицкой церкви Павелъ Ѳеодоровичъ *Тимоѳеевъ*; окончилъ курсъ въ Харьковской духовной семинаріи; жалованья получаетъ 180 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 28 мая 1893 года.

6. Попечительница Училища, жена дѣйствительнаго статскаго совѣтника Дарія Діевна *Оболенская*; въ настоящей должности съ 22 января 1897 года.

7. Почетный блюститель по хозяйственной части, потомственный почетный гражданинъ Николай Осиповичъ *Лещинскій*; въ настоящей должности съ 22 февраля 1897 года.

8. Завѣдующій казначейскою частію,—онъ же и духовникъ училища,—протоіерей Харьковской Кладбищенской Іоанно-Усѣвновенской церкви Георгій Ивановичъ *Волобуевъ*; окончилъ курсъ Харьковской духовной семинаріи; жалованья получаетъ по должности духовника—120 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 16 августа 1871 года.

9. И. д. дѣлопроизводителя Совѣта,—онъ же и писмоводитель, діаконъ Харьковской Кладбищенской Іоанно-Усѣвновенской церкви, Ѳеодотъ Димитріевичъ *Чернявскій*; онъ же служитъ при совершеніи Богослуженія въ училищной церкви; окончилъ курсъ духовнаго училища; жалованья получаетъ 500 руб. и за совершеніе

Богослуженія 60 руб.—всего 560 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 18 декабря 1884 года.

Б) Преподаватели и учительницы обязательныхъ предметовъ.

1. Закона Божія въ III, IV норм., V норм., V парал. и VI норм. классахъ и церковно-славянскаго языка въ обоихъ отдѣленіяхъ IV и V классовъ, Инспекторъ классовъ, протоіерей Никандръ Іоновичъ *Онжковичъ*, кандидатъ богословія; жалованья получаетъ за 21 урокъ (въ III классѣ по 50 р., а въ остальныхъ классахъ по 75 р. за урокъ) 1475 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 30 марта 1873 года.

2. Того-же предмета въ I норм., I парал. и IV парал. кл. священникъ Харьковской Вознесенской церкви Николай Васильевичъ *Борисоглыбскій*, кандидатъ богословія; жалованье получаетъ за 11 уроковъ (въ I норм. и I парал. по 50 р., а въ IV по 75 р. за урокъ) 625 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 14 февраля 1892 года.

3. Того же предмета въ II норм. и II парал. классахъ членъ Совѣта отъ духовенства, священникъ Николай Николаевичъ *Любарскій*, кандидатъ богословія; жалованье получаетъ за 8 уроковъ (по 50 руб. за урокъ) 400 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 12 сентября 1896 года.

4. Того же предмета въ приготовительномъ классѣ членъ совѣта отъ духовенства, священникъ Павелъ Ѳеодоровичъ *Тимоѳеевъ*; окончилъ курсъ Харьковской духовной семинаріи; жалованья получаетъ за 3 урока (по 35 р. за урокъ) 105 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 11 августа 1894 года.

5. Русскаго языка въ I параллельномъ, II, IV и V парал. классахъ и въ V норм. кл. и церковно-славянскаго языка въ I и II парал. классахъ, надворный совѣтникъ Михайлъ Андреевичъ *Кокоревъ* (штатный преподаватель училища), кандидатъ богословія; жалованья получаетъ за 17 уроковъ (по 75 р. за уроковъ) 1275 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 26 августа, 1888 года.

6. Того же предмета въ I норм., IV и VI норм. клас. и церковно-славянскаго языка въ I норм. классѣ, преподаватель греческаго языка въ Харьковской духовной семинаріи статскій совѣтникъ Михайлъ Васильевичъ *Добронравовъ*; кандидатъ богословія; жалованья получаетъ за 11 уроковъ (по 75 р. за урокъ) 825 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 12 августа 1883 года.

7. Того же предмета въ II и III норм. и VI парал. классахъ и церковно-славянскаго языка во II норм. классѣ, преподаватель

латинскаго языка въ Харьковской духовной семинаріи, коллежскій совѣтникъ, Николай Васильевичъ *Гоинъ*, кандидатъ богословія; жалованья получаетъ за 12 уроковъ (по 75 р. за урокъ) 900 р., въ годъ, въ настоящей должности съ 14 октября 1887 года.

8) Арифметики въ II норм., III норм., IV норм. и V парал. клас., геометріи въ VI парал. клас., физики въ V и VI параллельномъ и космографіи въ VI парал. классѣ, коллежскій совѣтникъ, Яковъ Михайловичъ *Колосовскій* (штатный преподаватель училища), кандидатъ университета; жалованья получаетъ (во II и III клас. по 50 руб., а въ остальныхъ по 75 р., за урокъ) за 22 урока—1450 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 11 августа 1887 года.

9. Арифметики въ IV парал. и V норм. классѣ, физики въ V и VI норм. клас., геометріи и космографіи въ VI норм. классѣ, преподаватель математики и физики въ Харьковской Маріинской женской гимназіи коллежскій ассесоръ Василій Николаевичъ *Моценковъ*, кандидатъ университета; жалованья получаетъ за 14 уроковъ (по 75 руб. за урокъ) 1050 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 18 октября 1889 года.

10. Учительница арифметики въ I норм., I парал. и II парал. классахъ, вдова лаборанта Императорскаго Харьковскаго Университета, Марія Димитріевна *Дмитріева*; окончила курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ Женскомъ Училищѣ съ званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ за 12 уроковъ (по 50 руб. за урокъ) 600 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 12 сентября 1896 года.

11. Географіи въ IV, V и VI нормальн. классахъ, священникъ Харьковской Христо-Рождественской церкви Андрей Θεодоровичъ *Балоновскій*, кандидатъ богословія; жалованья получаетъ за 8 уроковъ (по 75 руб. за урокъ) 600 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 16 октября 1886 года.

12. Географіи въ II норм. и II парал. классахъ, воспитательница училища, дѣвица Людмила Евфимовна *Дьякова*, окончила курсъ женской гимназіи со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ за 4 урока (по 50 руб. за урокъ) 200 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 25 сентября 1881 года.

13. Географіи въ III, IV, V и VI парал. и гражданской исторіи въ V парал., VI норм. и VI параллельномъ классахъ, коллежскій ассесоръ, Евгенийъ Пареніевичъ *Трифилъевъ* (штатный преподаватель училища); жалованья получаетъ за 21 урокъ (въ III клас-

сѣ по 50 руб., въ остальныхъ по 75 руб. за урокъ) 1500 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 6 сентября 1893 года.

14. Гражданской исторіи въ IV нормал., IV парал. и V нормал. классахъ, преподаватель церковной исторіи въ Харьковской духовной семинаріи статскій совѣтникъ, Алексѣй Ѳеодоровичъ *Вертеловскій*, кандидатъ богословія; жалованья получаетъ за 8 уроковъ (по 75 руб. за урокъ) 600 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 12 августа 1875 года.

15. Дидактики въ обоихъ отдѣленіяхъ V и VI классовъ, преподаватель философіи и педагогики въ Харьковской духовной семинаріи статскій совѣтникъ Николай Николаевичъ *Страховъ*, магистръ богословія; жалованья получаетъ за 6 уроковъ (по 75 руб. за урокъ) 450 р.; въ настоящей должности съ 16 августа 1877 г.

16. Церковнаго пѣнія во всѣхъ штатныхъ классахъ Училища, священникъ Іоаннъ Васильевичъ *Петровскій*,—онъ же и чистописанія въ III классѣ; имѣеть свидѣтельство 3 разряда отъ придворной капеллы; жалованья получаетъ за 22 урока церковнаго пѣнія (по 40 руб. за урокъ) 880 руб. и за 2 урока чистописанія (по 35 руб. за урокъ) 70 руб.—всего—950 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 18 октября 1893 года.

17. Чистописанія въ I, II и IV нормальныхъ классахъ и въ IV параллельномъ классѣ и рисованія во всѣхъ классахъ Училища, учитель тѣхъ же предметовъ въ Харьковской 3 мужской гимназіи статскій совѣтникъ Алексѣй Дмитріевичъ *Дмитріевъ*, ученый рисовальщикъ; жалованья получаетъ за 12 уроковъ (по 35 руб. за урокъ) 420 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 24 августа 1896 года.

18. Того же предмета во II параллельномъ классѣ, младшая воспитательница того же класса, Елисавета Андреевна *Курасовская*; окончила курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ Училищѣ со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ за 2 урока (по 35 руб. за урокъ) 70 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 12 сентября 1896 года.

19. Того же предмета въ 1 параллельномъ классѣ, младшая воспитательница того же класса, Серафима Ивановна *Пономарева*; окончила курсъ въ Харьковскомъ Епарх. Училищѣ со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ за 4 урока (по 35 р за урокъ) 140 руб. въ годъ, въ настоящей должности съ 18 августа 1897 года.

20. Учительница русскаго языка, счисленія, церковнаго пѣнія и

чистописанія въ приготовительномъ классѣ, дѣвица Таисія Андреевна *Щелкунова*; окончила курсъ женской гимназіи съ званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ за 15 уроковъ (за 2 урока пѣнія по 25 руб. и по 35 руб. остальные) 505 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 8 августа 1890 года.

21. Учительница рукодѣлія дѣвица Меланія Дмитриевна *Чернявская*; окончила курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ Училищѣ съ званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ при казенной квартирѣ со столомъ 222 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 16 августа 1877 года.

22. Учительница рукодѣлія, вдова коллежскаго секретаря, Александра Ивановна *Соколова*; окончила курсъ въ частномъ пансіонѣ; жалованья получаетъ при казенной квартирѣ со столомъ 222 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 17 августа 1880 г.

23. Учительница рукодѣлія, дѣвица Александра Африкановна *Домницкая*; окончила курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ Училищѣ со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ при казенной квартирѣ со столомъ 222 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 27 августа 1896 года.

В. Учители и учительницы необязательныхъ предметовъ.

1. Учительница французскаго языка во всѣхъ штатныхъ классахъ училища, Начальница училища, дѣвица Евгенія Николаевна *Геймигъ*; окончила курсъ въ Харьковскомъ Институтѣ Благородныхъ дѣвицъ; жалованья получаетъ за 12 уроковъ (по 50 руб. за урокъ) 600 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 1 августа 1883 года.

2. Учитель музыки (игры на роялѣ) Николай Александровичъ *Орловскій*; окончилъ курсъ гимназіи и обучался музыкѣ частнымъ образомъ; жалованья получаетъ съ 17 ученицъ по 23 руб. и съ 13 ученицъ по 20 руб. за каждую, всего—685 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 28 августа 1882 года.

3. Учительница музыки (на роялѣ) Варвара Петровна *Эварницкая*; окончила курсъ въ частномъ пансіонѣ; жалованья получаетъ по 17 руб. 50 коп. въ годъ съ ученицы; въ настоящей должности съ 20 сентября 1883 года.

4. Учительница музыки (на рояли) Вильгельмина Рудольфовна *Корнильева*; домашняго образованія; жалованья получаетъ по 17 руб. 50 коп. съ ученицы въ годъ; въ настоящей должности съ 8 ноября 1888 года.

5. Учительница музыки (на роялѣ), дѣвица Неонила Васильев-

на *Михайлова*; окончила курсъ женской гимназіи; жалованья получаетъ по 17 руб. 50 коп. въ годъ съ ученицы; въ настоящей должности съ 21 сентября 1892 года.

6. Учительница музыки (на роялѣ), дѣвица Θεодосія Васильевна *Михайлова*; окончила курсъ въ Харьковскомъ музыкальномъ училищѣ съ аттестатомъ 1 степени; жалованья получаетъ по 17 р. 50 к. въ годъ съ ученицы; въ настоящей должности съ 20 августа 1893 года.

7. Учительница музыки (на роялѣ), вдова коллежскаго регистратора, Марія Павловна *Ястремская*; окончила курсъ женской гимназіи; жалованья получаетъ по 17 руб. 50 коп. въ годъ съ ученицы; въ настоящей должности съ 22 сентября 1894 года.

8. Учительница музыки (на роялѣ) Софія Леопольдовна *Овельтз*; окончила курсъ женской гимназіи; жалованья получаетъ по 17 р. 50 к. въ годъ съ ученицы; въ настоящей должности съ 11 сентября 1895 года.

9. Учительница музыки, вдова статскаго совѣтника, Екатерина Петровна *Соснякова*; окончила курсъ женской гимназіи; жалованья получаетъ по 17 р. 50 к. въ годъ съ ученицы; въ настоящей должности съ 28 сентября 1897 года.

10. Учитель музыки (вгры на скрипкѣ) Александръ Ивановичъ *Колесниковъ*; жалованья получаетъ 600 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 23 октября 1891 года.

Г. Старшія воспитательницы.

1. Въ приготовительномъ классѣ, дѣвица Александра Ивановна *Левандовская*; окончила курсъ въ Харьковскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ при казенной квартирѣ со столомъ 282 руб. въ годъ и 30 руб. ежегодной награды; въ настоящей должности съ 7 февраля 1895 года.

2. Въ I нормальномъ классѣ, дѣвица Зинаида Ивановна *Нельзовская*; окончила курсъ въ Харьковскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ при казенной квартирѣ со столомъ 282 руб. въ годъ и 30 руб. ежегодной награды; въ настоящей должности съ 10 августа 1884 года.

3. Въ I параллельномъ классѣ, дѣвица Ольга Θεодоровна *Вертеловская*; окончила курсъ въ Харьковскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ со званіемъ домашней учительницы; жалованья

получаетъ при казенной квартирѣ со столомъ 282 руб. и 30 руб. ежегодной награды; въ настоящей должности съ 6 сентября 1890 года.

4. Во II нормальномъ классѣ, дѣвица Анна Гавриловна *Трошцкая*; окончила курсъ въ Харьковскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ при казенной квартирѣ со столомъ 282 руб. въ годъ и 30 руб. ежегодной награды; въ настоящей должности съ 10 августа 1884 года.

5. Во II параллельномъ классѣ, дѣвица Елисавета Андреевна *Курасовская*; окончила курсъ въ Харьковскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ при казенной квартирѣ со столомъ 282 р. въ годъ и 30 р. ежегодной награды; въ настоящей должности съ 6 сентября 1890 года.

6. Въ III классѣ, дѣвица Анастасія Александровна *Ястремская*; окончила въ Харьковскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ при казенной квартирѣ со столомъ 282 р. въ годъ и ежегодной награды 30 р.; въ настоящей должности съ 28 января 1888 года.

7. Въ IV нормальномъ классѣ, вдова поручика Евдокія Павловна *Сорокина*; окончила курсъ въ женской гимназіи; жалованья получаетъ при казенной квартирѣ со столомъ 282 р. въ годъ и 30 р. ежегодной награды; въ настоящей должности съ 13 сентября 1871 года по 3 августа 1884 года и вторично съ 10 августа 1887 года.

8. Въ IV параллельномъ классѣ, дѣвица Аполлиаріи Павловна *Вышемирская*; окончила курсъ въ Харьковскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ при казенной квартирѣ со столомъ 282 р. въ годъ и 30 р. ежегодной награды; въ настоящей должности съ 11 августа 1894 года.

9. Въ V нормальномъ классѣ, дѣвица Зинаида Михайловна *Иннокова*; окончила курсъ въ Харьковскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ при казенной квартирѣ со столомъ 282 р. въ годъ и 30 р. ежегодной награды; въ настоящей должности съ 8 октября 1896 года.

10. Въ V параллельномъ классѣ, дѣвица Елисавета Яковлевна *Пуковская*; окончила курсъ въ Харьковскомъ епархіальномъ жен-

скомъ училищѣ со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ при казенной квартирѣ со столомъ 282 р. въ годъ и 30 р. ежегодной награды; въ настоящей должности съ 17 августа 1895 года.

11. Въ VI нормальномъ классѣ, дѣвица Людмила Евфимовна *Дьякова*; окончила курсъ въ женской гимназіи; жалованья получаетъ при казенной квартирѣ со столомъ 282 р. въ годъ и 30 р. ежегодной награды; въ настоящей должности съ 10 сентября 1872 года.

12. Въ VI параллельномъ классѣ, дѣвица Серафима Андреевна *Пономарева*; окончила курсъ въ Харьковскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ при казенной квартирѣ со столомъ 282 р. въ годъ и 30 р. ежегодной награды, въ настоящей должности съ 11 января 1897 года.

(Продолженіе будетъ).

Епархіальныя извѣщенія.

Благочинный 2 округа Купянскаго уѣзда, протоіерей Василій *Поповъ*, согласно прошенію, 14 декабря 1898 года уволенъ отъ должности, а на его мѣсто 30 декабря того же года назначенъ исправляющимъ должность благочиннаго священникъ Александро-Невской церкви, сл. Тополей, Купянскаго уѣзда, Александръ *Подольскій*.

Слѣдъ псаломщика, Николай *Поповъ*, допущенъ къ исправленію должности псаломщика при церкви м. Ново-Ахтырки, Старобѣльскаго уѣзда.

— Окончившій курсъ въ Сумскомъ духовномъ училищѣ, Петръ *Проконевичъ*, опредѣленъ н. д. псаломщика къ церкви слоб. Мартовой, Волчанскаго уѣзда.

— Окончившій курсъ въ Купянскомъ духовномъ училищѣ, Николай *Гончаревскій*, опредѣленъ н. д. псаломщика къ той же церкви.

— Утверждены въ должности церковнаго старосты: Пятицкой церкви сл. Бакировки, Ахтырскаго уѣзда, кр. Петръ *Касьяненко*; Рождество-Богородичной церкви, с. Каменки, Ахтырскаго уѣзда, кр. Трофимъ *Шевченко*; Вознесенской церкви, г. Лебедина, кр. Алексѣй *Власенко*; Крестовоздвиженской церкви, сл. Баромли, Ахтырскаго уѣзда, кр. Давидъ *Давиденко*; Преображенской церкви, сл. Котельвы, Ахтырскаго уѣзда, кр. Ивацъ *Матошенко*; Іоанно-Богословской церкви, сл. Большой-Черпетчины, Сумскаго уѣзда, кр. Семень *Тарасенко*; Николаевской церкви, с. Старога, Сумскаго уѣзда, бр. Іоашъ *Коровай*.

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Именные Высочайшіе Указы.—Дѣятельность церковныхъ братствъ.—Братство законоучителей.—Къ вопросу объ улучшеніи быта духовенства.—Церковныя школы въ Сибири.—Добрые плоды церковныхъ школъ.—Заботы о матеріальномъ обезпеченіи учителей церковныхъ школъ.—Успѣхи православія.—Сооруженіе новыхъ церквей.

Именнымъ Высочайшимъ Указомъ Всемилостивѣйше повелѣно Синодальному члену, митрополиту Кіевскому Іоанникію быть первенствующимъ членомъ Святѣйшаго Синода, съ тѣмъ, чтобы въ отсутствіи митрополита Іоанникія изъ С.-Петербурга, исполненіе обязанностей первенствующаго возлагалось на старѣйшаго изъ присутствующихъ въ Синодѣ іерарховъ.—Архіепископу Фивлиндскому Антонію именовымъ Высочайшимъ Указомъ Всемилостивѣйше повелѣно быть митрополитомъ С.-Петербургскимъ и Ладожскимъ, Свято-Троицкія Александро-Невскія Лавры священно-архимандритомъ и членомъ Святѣйшаго Синода.

— Православныя братства.—Стефано-Прокоціевское въ Великомъ-Устюгѣ и Дмитріевское въ Томской епархіи—предприняла весьма существенное восполненіе имѣющихся миссіонерскихъ средствъ и учрежденій. Первое братство открыло, по словамъ «Церк. Вѣст.», въ Великомъ-Устюгѣ противораскольническую миссіонерскую школу, которая, согласно ея уставу, имѣетъ цѣлю готовить совершеннѣйшихъ лицъ мужскаго пола, преимущественно изъ крестьянъ, къ противораскольнической миссіонерско-просвѣтительной дѣятельности и къ учительству въ школахъ грамоты въ мѣстностяхъ съ старообрядческимъ—раскольническимъ населеніемъ. Согласно объявленію совѣта братства, сдѣланному чрезъ епархіальныя вѣдомости и чрезъ священниковъ приходовъ Велико-устюжскаго викаріатства, зараженныхъ расколомъ, прибыло желающихъ обучаться въ школѣ 8 человекъ изъ Сольвычегодскаго и Устьсыольскаго уѣздовъ.—Совѣтъ братства св. Дмитрія Ростовскаго обратился къ Томскому епархіальному духовенству, миссіонерамъ и сотрудникамъ съ подробными указаніями относительно организаціи противораскольнической и противосектантской миссіи, согласно постановленіямъ 1-го епархіальнаго миссіонерскаго съѣзда. Эти указанія начинаются съ выясненія миссіи приходской, причемъ выражается то положеніе, что для успѣховъ миссіонерскаго дѣла въ епархіи въ настоящее время самою насущною потребностью является наиболѣе прочная организація приходской миссіи; таковая же можетъ быть достигнута въ томъ только случаѣ, когда во главѣ приход-

скаго миссіонерскаго дѣла станетъ не кто иной, какъ приходскій священникъ. Онъ долженъ быть главнымъ миссіонеромъ въ своемъ приходѣ. Тамъ, гдѣ приходское духовенство не доросло до сознанія своихъ миссіонерскихъ обязанностей и пастырскаго долга вразумлять заблудшихъ, гдѣ не замѣтно въ немъ серьезнаго стремленія и желанія самому стать въ центрѣ борьбы съ расколомъ, тамъ не можетъ быть и рѣчи объ успѣхахъ миссіонерскаго дѣла. Поэтому, совѣтъ братства считаетъ особенно благовременнымъ напомнить приходскимъ священникамъ распоряженіе высшей церковной власти о томъ, чтобы „никто изъ священниковъ, съ учрежденіемъ должностей спеціальныхъ миссіонеровъ епархіальныхъ или окружныхъ, не считалъ себя свободнымъ отъ миссіонерской дѣятельности, напротивъ каждый по своей пастырской обязанности непрерывно велъ бы миссіонерское дѣло въ своемъ приходѣ“.

— Съ благословенія высокопреосвященнаго Флавіана, экзарха Грузіи, въ Баку, какъ передаетъ «Каспій», открыто братство законоучителей Бавинской губерніи. Цѣль братства: объединиться преподавателямъ Закона Божія въ приемахъ преподаванія; рѣшать вопросы какъ лучше воздѣйствовать въ религіозно-нравственномъ отношеніи на учащихся, ихъ родителей, на простой народъ и интеллигенцію, на сектантовъ, старообрядцевъ, инородцевъ и т. д.; изучать мѣстную старину во всѣхъ ея видахъ и, по мѣрѣ возможности, вести научно-популярныя чтенія. Братство намѣрено также устраивать торжественныя богослуженія исключительно для всѣхъ учащихся дѣтей: по городамъ—въ соборныхъ храмахъ и въ сельскихъ церквахъ съ произнесеніемъ поученій,—съ тѣмъ чтобы учащіеся при богослуженіи сами пѣли и читали. Судя по этимъ цѣлямъ, нельзя не пожелать успѣха Бавинскому братству.

— По сообщенію «Церк. Вѣстн.», на Кишиневскомъ съѣздѣ духовенства былъ возбужденъ и разсмотрѣнъ, въ числѣ другихъ, важный въ житейскомъ отношеніи вопросъ, касающійся быта духовенства. Одинъ изъ депутатовъ представилъ съѣзду докладную записку о принятіи мѣръ къ обезпеченію священно-церковнослужителей епархія квартирами чрезъ предложеніе со стороны епархіальнаго начальства обществамъ прихожанъ, гдѣ это возможно будетъ, построить удобныя дома со службами для помѣщенія въ нихъ мѣстныхъ священниковъ и псаломщиковъ или, гдѣ это невозможно, чрезъ употребленіе на наемъ квартиръ подъ помѣщеніе священно-церковнослужителей части остаточной церковной суммы, на осно-

ванія § 38 инструкціи старость. Съѣздъ, соглашаясь съ соображеніями депутата и находя, что духовенство всей епархіи дѣйстви- тельно испытываетъ большія нужды въ отношеніи квартирнаго помѣщенія, рѣшилъ просить епархіальнаго преосвященнаго о при- веденіи въ исполненіе постановленія депутатовъ епархіал. съѣзда 1897 года, каковымъ постановленіемъ предположено было ежегод- ное отчисленіе изъ наличныхъ остаточныхъ церковныхъ суммъ $\frac{1}{4}$ части на постройку и исправленіе причтовыхъ помѣщеній. Преосвященный утвердилъ рѣшеніе съѣзда.

— Въ видахъ возможно лучшей постановки и развитія дѣла школьнаго просвѣщенія сельскаго населенія Сибири, въ духов- номъ вѣдомствѣ выработаны въ настоящее время мѣропріятія, которыя въ главныхъ чертахъ сводятся къ слѣдующему. Всѣ на- чальные народныя училища въ Сибири, содержимыя на средства сельскаго населенія, предполагается сосредоточить въ духовномъ вѣдомствѣ и преобразовать въ церковныя; затѣмъ, въ виду по- стройки новыхъ церквей въ Сибири, одновременно съ открытіемъ всякаго новаго прихода, открывать въ немъ при приходской цер- кви и церковно-приходскую школу; открыть правильно-организо- ванныя школы грамотности во всѣхъ селеніяхъ Сибири, вмѣю- щихъ болѣе 200 душъ жителей; для вѣрнѣйшаго преусовершенія сибирскихъ церковно-приходскихъ школъ расходъ по содержанію этихъ школъ предполагается увеличить съ 400 до 700 рублей въ годъ, по содержанію же школъ грамотности отъ 120 до 360 руб. ежегодно. Для удовлетворенія потребностей въ учительскомъ пер- соналѣ проектируется существующія нынѣ и содержимыя на гу- бернскія и земскія средства учительскія семинаріи въ Иркутскѣ, Красноярскѣ и Омскѣ, передать въ духовное вѣдомство съ пре- образованіемъ ихъ въ церковно-учительскія семинаріи и, кромѣ того, учредить новыя церковно-учительскія семинаріи въ Тобольскѣ, Благовѣщенскѣ и Якутскѣ. Намѣченныя мѣропріятія въ непро- должительномъ времени будутъ обсуждаться въ Училищномъ Со- вѣтѣ при Св. Синодѣ. «Оренб. Еп. Вѣд.»

— Существованіе церковно-приходскихъ школъ доказало воочію, что направленіе ихъ воистину народное, ибо народъ любилъ эти школы. Не замедлили оказаться, по словамъ «Корм.», добрые плоды этого, выразившіеся прежде въ томъ, что въ настоящее время и земскія и министерскія школы обратили особенно серь- езное вниманіе на Законъ Божій, церковно-славянское чтеніе, пѣ-

ніе, на религіозно-нравственное воспитаніе школьнико́въ. Не могли вѣдающіе школьное дѣло въ земскихъ школахъ не замѣтить, что церковныя школы особенно привлекаютъ къ себѣ народонаселеніе тѣмъ именно сторонами своей учебно-воспитательной организаціи, которыя до послѣдняго времени были въ тѣни въ первыхъ школахъ. Законъ Божій, церковно-славянское чтеніе, церковное пѣніе, уваженіе къ храму, чтеніе въ церкви, хоровое пѣніе,—все это иначе, чѣмъ въ школахъ гражданскаго вѣдомства, поставленное въ церковныхъ школахъ послужило причиною той тѣсной связи, той сердечной любви, которыя возникли и установились между церковной школою и народомъ, ею просвѣщаемымъ. Замѣтивши это, дѣятеля земскіе—конечно, тѣ изъ нихъ, кто искренно и честно работаетъ на пользу народа, а не своихъ предвзятыхъ идей и идеаловъ,—поспѣшили дать и своимъ школамъ соответствующее желаніямъ народнымъ направленіе. Въ вѣдѣнныхъ случаяхъ такое похвальное и вполне здоровое направленіе нѣкоторыхъ земствъ дошло до того, что училищныя ихъ совѣты предоставили завѣдываніе тѣмъ или другимъ училищемъ приходскому пастырю: онъ и учителя рекомендуетъ, и порядки въ школѣ устанавливаетъ, и за школьнымъ хозяйствомъ наблюдаетъ, и потому теперь, даже тамъ гдѣ еще недавно слышались рѣчи противъ церковныхъ школъ, нѣрѣдко можно встрѣтить школы, только по имени земскія, а по существу ставшія церковно-приходскими. Нѣрѣдки также случаи поддержки земствами церковныхъ школъ. Такъ, въ Олонецкой губерніи изъ шести недавно бывшихъ земскихъ собраній одно ассигновало на церковныя школы 3,417 руб., другое—2,000 руб. третье—844 руб., четвертое—2,939 руб. и кромѣ того 125 руб. на открытіе новой церковной школы, пятое—3,220 р., шестое—3,560 руб., при чемъ нѣкоторыми земствами прежній кредитъ на церковныя школы усиленъ. Все это весьма отрадно и несомнѣнно придастъ новую энергію дѣятелямъ церковныхъ школъ.

— На послѣднемъ съѣздѣ предсѣдателей уѣздныхъ отдѣленій Херсонскаго епархіальнаго училищнаго совѣта и уѣздныхъ наблюдателей церковныхъ школъ Херсонской епархіи, какъ сообщаетъ «Одес. Лист.», обсуждался вопросъ объ улучшеніи матеріальнаго положенія учителей церковныхъ школъ. Съѣздъ призналъ желательнымъ и даже необходимымъ по возможности приблизить размѣръ содержанія учителей церковныхъ школъ къ размѣру содержанія учителей другихъ вѣдомствъ, а именно: учите-

лямъ церковно-приходскихъ школъ назначить минимумъ 300 руб. и учителямъ школъ грамоты 120 руб. Что касается матеріальнаго положенія учителей второклассныхъ школъ, то Херсонская епархія въ сравненіи съ другими находится въ особыхъ условіяхъ, какъ по сравнительной дороговизнѣ жизни, такъ и по недостатку окончивающихъ курсъ духовной семинаріи. Въ виду этого, съѣздомъ признано необходимымъ, для процвѣтанія этихъ школъ въ епархіи, ходатайствовать предъ училищнымъ совѣтомъ при Св. Синодѣ объ увеличеніи содержанія старшему учителю второклассной школы до 500 руб., второму—400 руб. и третьему—до 300 руб. При этомъ признано необходимымъ, чтобы однообразное вознагражденіе учителямъ выдавалось аккуратно въ извѣстные сроки и чтобы для обезпеченія будущности учителей организована была касса взаимопомощи учителямъ церковныхъ школъ.

— «Миссіонер. Обзор.» отмѣчаетъ свѣтлыя стороны въ церковной жизни Самарской епархіи, которыя даютъ возможность надѣяться, что совмѣстными усиліями пастырей и прихода будутъ приведены въ церковную ограду не только отпащіе отъ церкви, но и бывшіе въ ней иновѣрцы и язычники. Авторъ пишетъ, что «въ послѣдніе семь—восемь лѣтъ не узнать духовной нивы нашей епархіи, такъ она успѣшно очищается отъ терній и волчьева сектанства и благоурашается побѣгами христіанскихъ насажденій на полосѣ иновѣрчества. Случаи обращенія въ православіе перестали быть единичными фактами. Изъ раскола воссоединяются сотни и образовано нѣсколько единовѣрческихъ приходовъ. Инородческая миссія подвинулась быстро впередъ, стройно организовавшись». Приводя эти извѣстія, «Корм.» замѣчаетъ: „весьма отраднo читать и слышать о подобныхъ фактахъ въ пастырской практикѣ. Но всѣ эти и подобные случаи являются чрезвычайно разрозненными, если когда-нибудь они и попадаютъ въ печать, а большая часть свѣтлыхъ явленій молчаливо скрывается подъ спудомъ, освѣщая какой-нибудь одинъ глухой край. А между тѣмъ возможно болѣе широкое обнародованіе подобныхъ фактовъ представляетъ прямой интересъ въ дѣлѣ пастырской миссіи. Больше успѣха—больше энергіи пастырямъ. Энергія можетъ пробудиться даже тамъ, гдѣ ея раньше не было, гдѣ не сознавалась вся высота просвѣтительно-миссіонерскаго служенія“.

— Въ послѣднее время, какъ сообщаетъ «Церк. Вѣсти.», устроено и освящено нѣсколько новыхъ православныхъ церквей въ нѣкото-

рыхъ изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ эти церкви особенно нужны. 3 ноября послѣдовало давно ожидавшееся православными варшавянами освященіе храма при варшавской 1-й мужской гимназіи. Храмъ этотъ признается сооружеиіемъ замѣчательнымъ по тщательности и изяществу внутренней его отдѣлки, по художественной пконной и стѣнной живописи и по богатству утвара. Сооружая и устроая его, строители имѣли въ виду не только религіозно-воспитательное вліяніе церкви на учащихъ дѣтей, но и потребность въ устройствѣ соотвѣтственнаго памятника на мѣстѣ временнаго погребенія царя Василія Ивановича Шуйскаго, умершаго 12 сентября 1612 года въ польскомъ плѣну и въ 1620 году похороеннаго именно на томъ приблизительно мѣстѣ, которое занято нынѣ фасадомъ зданія гимназіи, гдѣ помѣщается вновь устроенная церковь. Вслѣдствіе этого храму въ наружныхъ его очертаніяхъ придавъ характеръ построекъ времени царя Василія Шуйскаго. Общая стоимость расходовъ по сооружеиію церкви, устроенной на пожертвованія, простирается до 100,000 р. Починъ въ пожертвованіяхъ сдѣланъ былъ о. Іоанномъ Кронштадтскимъ, приславшимъ разновременно 18,000 р.—Въ концѣ сентября совершено освященіе вновь устроенной, вмѣсто прежней крайне ветхой и грозившей паденіемъ, православной церкви въ Рождественскомъ заводѣ (Ножовкѣ), Оханскаго уѣзда, гдѣ населеніе въ большинствѣ состоитъ изъ раскольниковъ и гдѣ поэтому нужда въ новомъ православномъ храмѣ чувствовалась въ преимущественной степени. Новый храмъ начать былъ постройкою самими прихожанами, но, вслѣдствіе бѣдности послѣднихъ, на ихъ средства не могъ быть достроенъ. Было время, когда казалось, что постройка будетъ приостановлена, и Богъ знаетъ, когда бы она возобновилась, если бы на помощь ножовцамъ не явился пермскій купецъ Г. В. Б., который довелъ постройку до конца, отдѣлалъ храмъ и совнѣ в вцутри, снабдилъ утварью, ризницею и полнымъ кругомъ богослужебныхъ книгъ.—Рѣшеніемъ Кишиневскаго енархіальнаго духовенства, принятымъ на послѣднемъ его съѣздѣ, обезпечена достройка новаго зданія единовѣрческой церкви въ гор. Измайлѣ и единовѣрческой церквп-школы въ гор. Кагулѣ. Выразивъ въ своемъ опредѣленіи по этому предмету полное сочувствіе дѣлу развитія въ Измаильскомъ уѣздѣ единовѣрія и выразивъ признаніе неотложной нужды въ скорѣйшемъ сооружеиіи въ Кагулѣ новой церкви-школы и въ уплатѣ долговъ по сооружеиію Измаильской единовѣрческой церкви, съѣздъ отпустилъ

изъ средствъ епархіального свѣчнаго завода потребную для указанной цѣли сумму, въ количествѣ 3,800 р. Сдѣлавъ эту ассигновку, Кишиневскій съѣздъ далъ наилучшее назначеніе свободнымъ заводскимъ суммамъ, и можно лишь пожелать, чтобы его примѣру, въ случаяхъ подобныхъ исключительныхъ церковно-строительныхъ нуждъ, слѣдовали и другіе съѣзды.—На собираемыя пожертвованія имѣется въ виду предпринять и частію уже предпринято сооруженіе нѣсколькихъ церквей въ западномъ краѣ, гдѣ, при малочисленности православныхъ церквей,—нужда въ нихъ несравненно ощутительнѣе, чѣмъ, напримѣръ, въ центральной Россіи. Какъ тяжело православнымъ людямъ на западной окраинѣ жить вдаль отъ церкви, побуждаетъ примѣръ поселенцевъ-крестьянъ, которые верѣдко именно по причинѣ отсутствія православной церкви вблизи ихъ поселеній, продавъ за безцѣнокъ свою землю, возвращаются на прежнюю родину. Въ «Литов. Еп. Вѣд.» указывается въ видѣ примѣра, на село Богородицкое, Ковенскаго уѣзда, гдѣ лѣтъ 15 тому назадъ числилось до 16 семействъ русскихъ поселенцевъ, а теперь ихъ здѣсь всего только 5: одиннадцать семействъ не выдержали, стосковались по роднымъ храмамъ и возвратились внутрь Россіи, распродавъ за безцѣнокъ земли и строенія. Отдаленность церквей верѣдко является и ближайшею причиною охлажденія православнаго населенія въ своей вѣрѣ. Нельзя поэтому не желать, чтобы въ виду этихъ обстоятельствъ, православные западно-руссы не оставались въ своихъ церковно-строительныхъ нуждахъ безъ братской поддержки со стороны прочаго единовѣрнаго населенія Россіи.

Тиражъ выигрышей билетовъ перваго внутренняго 5% займа, произведенный въ Петербургѣ 2-го января 1899 года.

Главные выигрыши пали на слѣдующіе №№ билетовъ:

№№ серій.	№№ билет.	Сумма	№№ серій.	№№ билет.	Сумма	№№ серій.	№№ билет.	Сумма	№№ серій.	№№ билет.	Сумма
4760	19	200000	4918	16	8000	750	3	1000	4674	6	1000
15885	24	75000	18505	39	8000	11199	34	1000	16440	24	1000
6420	20	40000	7578	4	5000	4791	48	1000	2285	16	1000
2056	42	25000	18003	47	5000	13917	38	1000	17667	28	1000
16925	43	10000	3397	43	5000	562	11	1000	17396	34	1000
13723	4	10000	494	46	5000	12778	27	1000	8519	19	1000
1781	22	10000	6455	32	5000	3193	7	1000	3880	50	1000
9222	42	8000	6586	22	5000	1547	48	1000	981	18	1000
8236	17	8000	10368	19	5000	3839	12	1000	5216	13	1000
1534	40	8000	17325	38	5000	13364	45	1000	8675	46	1000

По 500 рублей каждыи:

№№ сер.	№№ бил.	№№ сер.	№№ бил.	№№ сер.	№№ бил.	№№ сер.	№№ бил.	№№ сер.	№№ бил.	№№ сер.	№№ бил.	№№ сер.	№№ бил.
1592	1	19973	6	4939	15	13492	22	16745	30	13415	38	18650	44
12881	1	2440	7	6328	15	13720	22	16772	30	14573	38	19950	44
14478	1	5395	7	6384	15	17712	22	237	31	17115	38	5512	45
16841	1	6606	7	8899	15	3001	23	4694	31	17304	38	5733	45
708	2	14439	7	14862	15	6391	23	4820	31	4342	39	12337	45
2422	2	18480	7	17549	15	7253	23	7298	31	5731	39	12879	45
3241	2	472	8	192	16	16494	23	9191	31	7207	39	15472	45
5270	2	5454	8	1422	16	539	24	13846	31	8420	39	15525	45
9142	2	5491	8	7892	16	13371	24	17232	31	10007	39	17833	45
9913	2	5851	8	9368	16	6685	25	19179	31	11613	39	9587	46
13593	2	9980	8	10530	16	7290	25	19237	31	12778	39	10107	46
14677	2	12140	8	16359	16	14464	25	350	32	16937	39	13125	46
14856	2	14061	8	7752	17	16990	25	4016	32	19508	39	13944	46
16631	2	17714	8	8554	17	19590	25	6012	32	7433	40	3531	47
19969	2	17718	8	10934	17	2255	26	15637	32	7876	40	5901	47
433	3	3411	9	12622	17	4810	26	16168	32	12864	40	7165	47
2606	3	7029	9	2614	18	5945	26	1424	33	12460	41	7497	47
2879	3	18188	9	4396	18	8079	26	4327	33	358	42	555	48
10627	3	1411	10	8701	18	14633	26	4728	33	2495	42	913	48
2573	4	8484	10	9103	18	16715	26	4840	33	2714	42	1303	48
3487	4	16203	10	13404	18	18976	26	10723	33	2842	42	8168	48
8832	4	1546	11	15191	18	19216	26	7040	34	7278	42	13254	48
14077	4	3605	11	138	19	1224	27	8408	34	7405	42	15645	48
18695	4	9133	11	259	19	5708	27	9361	34	7477	42	4022	49
4518	5	16253	11	1145	19	7619	27	9763	34	7911	42	7008	49
5228	5	17395	11	2407	19	7647	27	9839	34	10478	42	10469	49
9662	5	18781	11	5375	19	13536	27	12193	34	18112	42	12909	49
13821	5	4033	12	13649	19	13561	27	5512	35	8575	43	5277	50
16999	5	4206	12	16884	19	4632	28	11529	35	8997	43	7323	50
17212	5	11381	12	9188	20	11943	28	11841	35	12000	43	8080	50
19056	5	13614	12	18599	20	15429	28	14468	35	14126	43	11239	50
19213	5	13827	12	3352	21	656	29	8854	36	17448	43	13488	50
19909	5	3968	13	12729	21	3296	29	9032	36	18449	43		
917	6	4745	14	19760	21	8777	29	18394	36	18781	43		
7211	6	6941	14	51	22	8023	30	1028	37	2131	44		
8323	6	18827	14	7841	22	8497	30	1290	37	10938	44		
12778	6	19056	14	9583	22	8817	30	4000	37	13289	44		
13559	6	19174	14	13033	22	11103	30	11694	38	13970	44		

Уплата выигрышей будетъ производиться исключительно въ банкѣ въ С.-Петербургѣ съ 1-го апрѣля 1899 года.

Таблица билетовъ серий 1-го внутренняго 5% съ выигрышами займа, вышедшихъ въ тиражъ погашенія, произведенный въ правленіи Государственнаго банка 2-го января 1899 года:

№№ серий: 2358, 1102, 16063, 17501, 19690, 14653, 4148, 19154, 4186, 1086, 4587, 5274, 17349, 17138, 15150, 5564, 171, 7687, 898, 11731, 17635, 14526, 9312, 5330, 13080, 15714, 7774, 7754, 1854, 19651, 3755, 11556, 8613, 1698, 8517, 5381, 15619, 2506, 16749, 12291, 9932, 2442, 3417, 6818, 13867, 8999, 12894, 16389, 8904, 387, 4283, 4331, 10700, 3284, 11406, 12692, 276, 936, 5188, 10776, 4201, 1036, 14994, 199, 13186, 2817, 3694, 2137, 19618, 13829, 1921, 11506, 19769, 11109, 5640, 5287, 10384, 9284, 17587, 1750, 4669, 8775, 15753, 17611, 29, 7517, 13666, 16973, 19628, 9460, 9783, 11158, 15082, 18320, 11350, 1230, 4500, 14492, 19423, 15940, 8877, 388, 15469, 14641, 1861, 6838, 16788, 2820, 19621, 1842, 5850, 19653, 15038, 14474, 13101, 8881, 16920, 17893, 19515, 19802, 12967, 1397, 16421, 16666, 3875, 16321, 17634, 13035, 5514, 13441, 10252, 1327, 15008, 18556, 1625, 16058.

Уплата капитала по вышедшимъ въ тиражъ билетамъ будетъ производиться съ 1-го апрѣля 1899 года въ Государственномъ банкѣ, его конторахъ и отдѣленіяхъ.

ГОМЕОПАТИЧЕСКАЯ АПТЕКА

Харьковскаго Общества послѣдователей гомеопатіи.

Харьковъ. Екатеринославская улица, № 36.

Книги и лѣчебныя по гомеопатіи. Домашнія аптечки. Прейсъ-Курантъ высылается по требованію бесплатно.

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ НОВЫЯ КНИГИ.

Новое сочиненіе ДМ. ИВ. ЭВАРНИЦКАГО:

ПО СЛѢДАМЪ ЗАПОРОЖЦЕВЪ.

Продается у автора, Москва, Университет. Цѣна 1 р. 50 к.

Нѣсколько изслѣдованій историческихъ и разсужденій
о вопросахъ современныхъ

Профессора Н. И. Барсова. С.-П.-Б. 1899. Ц. 2 р.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1899 г.

НА

„Американскій Православный Вѣстникъ“

(ОРГАНЪ ПРАВОСЛАВНОЙ АМЕРИКАНСКОЙ МИССИИ).

Начало подписнаго года—1-го Января стараго стля. Болѣе важныя и существенныя статьи печатаются въ два текста—русскій и англійскій—параллельно. Журналъ выходитъ дважды въ мѣсяць, —каждаго 1-го и 15-го числа. Подписная цѣна на годъ: въ Америкѣ—три доллара; въ Россіи—шесть руб. съ пересылкой. Допускается разсрочка по полугодіямъ. Подписка принимается—въ Россіи: С.-Петербургъ. Редакція „Церковнаго Вѣстника“—для перевода въ НЬЮ-ІОРКЪ.

Въ Америкѣ: America, New York, City, 328 Second Ave., Rev. Alexander Hotovitzky.

Редакторъ, Свящ. А. Хотовицкій.

У протоіерея Іоанна Лукича Чижевскаго

(въ Харьковѣ, Конторская улица д. № 64-й).

Можно получать слѣдующія его изданія: 1. Собраніе церковно-гражданскихъ постановленій о монашествующихъ и монастыряхъ, Харьковъ 1898 г., стр. 1—191. Цѣна 2 р. съ перес. 2. Церковное писмоподствѣ. Собраніе правилъ и постановленій къ правильному вѣщенію онаго; изданіе четвертое исправленное и дополненное. Харьковъ 1898 г., стран. VIII—282. Цѣна экзем. 2 р., за 10—по 1 р. 80 к., а свыше 10 экзем. по 1 р. 30 к. за каждый. 3. Устройство Православной Россійской Церкви, ея учрежденія и дѣйствующія узаконенія по ея управленію. Харьковъ 1898 г., стран. XVII—442. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к. Настоящій сборникъ, по рассмотрѣніи онаго въ рукописи Московскимъ Духовно-Цензурнымъ Комитетомъ, представляемъ былъ на благоусмотрѣніе и разрѣшеніе къ напечатанію Свят. Синоду и опредѣленіемъ его состоявшимся 4 іюня 1897 г. разрѣшенъ къ напечатанію.—Журналъ „Миссіонерское Обзорѣніе“, за 1898 г. въ Сентябльской книжкѣ, на стран. 1224—25 помѣстилъ объ этомъ Сборникѣ слѣдующій отзывъ: „Предлагаемая вниманію читателей нашего журнала книга протоіерея Чижевскаго заключаетъ въ себѣ болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія объ устройствѣ Православной Россійской Церкви и знакомитъ, если не со всѣми, то съ самонужнѣйшими церковно-гражданскими узаконеніями и постановленіями оной. Трудъ о. Чижевскаго распадается на девять отдѣловъ. Первый отдѣлъ знакомитъ съ управленіемъ Россійскою Церковію вообще, второй—трактуетъ о духовенствѣ; третій—о приходсахъ; четвертый—о благоустройствѣ храмовъ; пятый—о богослуженіи; шестой—о значеніи воскресныхъ и праздничныхъ дней; седьмой—объ охраненіи и распространеніи православнои вѣры; восьмой—о построеніи церквей, и, наконецъ, девятый—о церковномъ хозяйствѣ *). Изъ этого краткаго перечня отдѣловъ явствуетъ, что разсматриваемая нами книга заключаетъ въ себѣ весьма много полезныхъ свѣдѣній для духовенства. Въ частности для лицъ, преслѣдующихъ миссіонерскія цѣли, она представляетъ наиболѣе интереса своимъ седьмымъ отдѣломъ, трактующимъ объ охраненіи и распространеніи православнои вѣры. Изъ восьми главъ этого отдѣла—послѣднія четыре имѣютъ специально миссіонерскій характеръ. Такъ V глава—касается вопроса о пресѣченіи и предупрежденіи распространія расколовъ и ересей между православными. Она трактуетъ о мѣрахъ къ предупрежденію распространенія штунды и другихъ еретическихъ лжеученій и раскола; касается правилъ просоединенія обратившихся изъ раскола къ Православной или Единовѣрческой Церкви. VI глава разсматриваетъ вопросъ о предупрежденіи и пресѣченіи привлеченія православныхъ христіанъ въ иновѣріе; VII глава посвящена вопросу о присоединеніи иновѣрцевъ къ православнои Церкви, а также язычниковъ, магометанъ и евреевъ; трактуетъ также о бракахъ православныхъ съ иновѣрными и VIII глава касается вопроса о предупрежденіи и пресѣченіи отступленія отъ прав. вѣры новообратившихся къ ней язычниковъ, магометанъ и евреевъ“. Далѣе „разсмотрѣнная нами книга, говорятъ рецензія журнала „Миссіонерское Обзорѣніе“, изложена языкомъ вполне простымъ и общедоступнымъ. Къ числу достоинствъ труда о. Чижевскаго нужно отнести и то обстоятельство, что тамъ читатели находятъ по каждому вопросу самыя полныя ссылки на общероссійскія законоположенія, Сводальные указы и распоряженія мѣстныхъ духовныхъ консисторій. Можно въ силу вышесказаннаго, рекомендовать вниманію нашихъ читателей трудъ о. протоіерея Чижевскаго, какъ заключающій въ себѣ много свѣдѣній полезныхъ и необходимыхъ въ практической дѣятельности священниковъ и въ частности миссіонеровъ“. Газета „Жизнь и Искусство“ № 3, 1898 г., между прочимъ заявила, что „изданіе о. Чижевскаго можетъ служить весьма полезною настольною справочною книгою не только для духовенства, но, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и для юристовъ, такъ какъ узаконенія принадлежащія по управленію духовныхъ дѣлъ православнои исповѣданія не вошли въ Свод. Законовъ, и потому, на основаніи приложенія къ ст. 16 учрежд. Правит. Сенат. т. 1, ч. II Свод. Зак. изд. 1886 г., въ потребныхъ случаяхъ должны быть приводимы непосредственно изъ указовъ и постановленій Правительства, а сборникъ о. Чижевскаго, удовлетворяетъ этой потребности“. Такіе же благоприятные отзывы помѣстили на своихъ страницахъ: „Хар. Губ. Вѣд.“, газета Южный Край“ и др. журналы и газеты.

*) Такіе сборники на основаніи ст. 257 Цензурнаго Устава т. XIV изд. 1890 г. должны заключать въ себѣ „Основательное собраніе, изъясненіе и совокупленіе правилъ церковнаго управленія“ и только такіе признаются достойными одобренія и разрѣшаются къ напечатанію. Въ отдѣлѣ этого подробно вошло все то, что заключалось въ изданномъ мною сборникѣ, выдержавшемъ три изданія (въ 1873, 75 и 91 г.г.) подъ загл. „Церковное Хозяйство“, втор. изд. котораго отпечатано съ разрѣшенія Св. Синода, по представленію С.-Петербург. Духовно-Цензурн. Комитета.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1899 ГОДЪ

на духовно-академическіе журналы

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ И ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНІЕ“

съ приложеніемъ полного собранія твореній св. Іоанна Златоуста.

С.-Петербургская Духовная Академія, въ твердой рѣшимости и впредь служить по мѣрѣ силъ тому дѣлу, которому она служила до сихъ поръ посредствомъ своихъ журналовъ, будетъ издавать въ 1899 году „Церковный Вѣстникъ“ и „Христианское Чтеніе“ по слѣдующей программѣ. Въ *Церковномъ Вѣстникѣ* печатаются: 1) Передовыя статьи, имѣющія своимъ содержаніемъ обсужденіе богословскихъ и церковно-историческихъ вопросовъ, какъ они выдвигаются запросами времени; 2) Статьи церковно-общественнаго характера, посвященныя обсужденію различныхъ церковныхъ и общественныхъ явленій, по мѣрѣ того, какъ выдвигаетъ ихъ текущая жизнь; въ этомъ отдѣлѣ редація даетъ широкое мѣсто и голосу своихъ подписчиковъ и читателей, которые соображаютъ высказаться по тѣмъ или другимъ разрѣшающимъ вопросамъ жизни; 3) Мнѣнія и отзывы—отдѣлъ, въ которомъ прилагаются и подвергаются критическимъ замѣчаніямъ факты и явленія церковно-общественной жизни, какъ они отражаются въ текущей духовной и свѣтской печати; 4) Въ области церковно-приходской практики—отдѣлъ, въ которомъ редація даетъ разрѣшеніе недоумѣнныхъ вопросовъ изъ пастырской практики; 5) Корреспонденціи изъ епархій и изъ-за границы о выдающихся явленіяхъ мѣстной жизни; 6) Обзорныя книги и духовныхъ, а равно и свѣтскихъ журналовъ; 7) Постановленія и распоряженія правительства; 8) Лѣтопись церковной и общественной жизни въ Россіи и за границей на пространствѣ всего земного шара; 9) Разныя извѣстія и замѣтки, разнообразная интересныя свѣдѣнія, не укладывающіяся въ вышеозначенныхъ отдѣлахъ.

Въ *Христианскомъ чтеніи* входятъ самостоятельныя и переводныя статьи богословскаго, историческаго и назидательнаго содержанія, въ которыхъ съ серьезностью научной постановки дѣла соединяется и общедоступность изложенія, а также критическія замѣчанія о выдающихся новостяхъ отечественной и иностранной богословской литературы. Кроме того съ 1895 года редація приступила къ изданію ПОЛНАГО СОБРАНІЯ ТВОРЕНІЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА въ русскомъ переводѣ на весьма льготныхъ для своихъ подписчиковъ условіяхъ. Именно подписчики на оба журнала получаютъ ежегодно большой томъ этихъ твореній въ двухъ книгахъ около 1000 страницъ убористаго, но четкаго шрифта вмѣсто номинальной цѣны въ три рубля за одинъ рубль, и подписчики на одинъ журналъ за 1 р. 50 к., считая въ томъ и пересылку. При такихъ льготныхъ условіяхъ всѣ подписчики Церковнаго Вѣстника и Христианскаго Чтенія получаютъ возможность при самомъ незначительномъ ежегодномъ расходѣ приобрести полное собраніе твореній одного изъ величайшихъ отцовъ церкви,—собраніе которое по богатству и разнообразію содержанія составляетъ цѣлую бібліотеку богословской литературы ея золотого вѣка. Въ 1899 г. будетъ изданъ п я т ы й т о м ъ въ двухъ книгахъ. Въ него войдутъ БЕСѢДЫ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА НА ПСАЛМЫ. Новые подписчики, желающіе получать и первые четыре тома, благоволятъ привагаты къ подписной цѣнѣ по два рубля за томъ, въ изящномъ англійскомъ переплетѣ—по два руб. 50 коп. за томъ съ пересылкой.

Условія подписки. Годовая цѣна въ Россіи: а) за оба журнала 8 (восемь) руб., съ приложеніемъ ТВОРЕНІЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА—9 (девять) руб. въ изящномъ переплетѣ—9 р. 50 коп. б) отдѣльно за Церковный Вѣстникъ 5 (пять) руб. съ приложеніемъ ТВОРЕНІЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА—6 руб. 50 к., въ изящномъ переплетѣ 7 руб.; за Христианское Чтеніе 5 (пять) руб., съ приложеніемъ ТВОРЕНІЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА—6 р. 50 к., въ изящномъ переплетѣ 7 руб. За границей, для всѣхъ мѣстъ: За оба журнала 10 (десять) р.; съ приложеніемъ Твореній св. Іоанна Златоуста—11 р. 50 к., въ переплетѣ—12 р.; за каждый отдѣльно 7 (семь) руб., съ приложеніемъ Твореній св. Іоанна Златоуста—9 руб., въ переплетѣ—9 р. 50 к. Иногородные подписчики надписываютъ свои требованія такъ: Въ Редацію Церковнаго Вѣстника и Христианскаго Чтенія въ С.-Петербургѣ.

Редакторъ проф. В. Допухинъ!

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ на 1899 годъ

„ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ И ПСИХОЛОГІИ“

Издание Московскаго Психологическаго Общества, состоящаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ. Журналъ издается подъ редакціей В. П. Преображенскаго, при непосредственномъ содѣйствіи Н. Я. Грота, Л. М. Лопатина и кн. С. Н. Трубецкаго и при ближайшемъ участіи В. А. Гольцева, В. Н. Иванова, Н. А. Иванова, С. С. Корсакова, Вл. С. Соловьева, А. А. Тонарскаго, Н. А. Умова. Журналъ выходитъ пять разъ въ годъ приблизительно въ концѣ февраля, апрѣля, іюня, октября и декабря книгами не менѣе 15 печатныхъ листовъ. Условія подписки: На годъ съ 1 января 1899 г. по 1 января 1900 года безъ доставки—6 р., съ доставкой въ Москвѣ—6 р. 50 к., съ пересылкой въ другіе города—7 р., за границу 8 руб.

Учащіяся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, сельскіе учителя и сельскіе священники пользуются скидкой въ 2 руб. Подписка на льготныхъ условіяхъ и льготная выписка старыхъ годовъ журнала принимаются только въ конторѣ редакціи. Подписка кромѣ книжныхъ магазиновъ, принимается въ конторѣ журнала: Москва, Большая Никитская, Шереметевскій пер., д. гр. Шереметева, ²/₃, кв. 28, въ помѣщеніи журнала „Русская Мысль“.

Редакторъ В. П. Преображенскій.

Предсѣдатель Московскаго Психологическаго Общества Н. Я. Гротъ.

НИВА даетъ въ теченіе
одного 1899 г.
своимъ подписчикамъ
БЕЗПЛАТНО

подписчики „НИВЫ“ получаютъ въ 1899 г.:

52 №№ жур. „НИВА“ (до 1500 стол. текста и 500 грав.). Въ нум. Нивы за 1899 г. будетъ печатат. приобрѣт. ред. въ рукоп. новый ром. Графа Льва Николаевича ГОЛСТОГО: „ВОСКРЕСЕНІЕ“ со множеств. рисунковъ иллюстрацій Л. О. Пастернака.
12 т. полн. собран. соч. И. А. Гончарова, которое явится первымъ по полнотѣ содержаніи (такъ какъ въ него войдутъ прозв. Гончарова, не помѣщ. въ прежн. издан., стоящихъ 13 р. 50 к.) и будетъ отпечатано на хорошей бѣлой глазированной бумагѣ.
12 книгъ „ежемесячныхъ литературныхъ приложений“ (романы, повѣсти, рассказы, популярно-научныя статьи и проч. современныхъ авторовъ).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“

на годъ со всеми приложеніями:

Безъ доставки въ СПБ.	5 р. 50 к.	Съ пересылк. во всѣ города имѣст. Россіи.	7 р.
Съ доставкою въ СПБ.	6 р. 50 к.	За границу—	10 руб.
Безъ доставки: 1) въ Москвѣ, въ Конторѣ Я. Печковской—	6 р. 25 к.; 2)	Разсрочка платежа въ 2 и 3 срока.	
Въ Одессѣ, въ книжн. магазинѣ „Образованіе“	—6 р. 50 к.		

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ГОНЧАРОВА

12 №№ „Парижскихъ модъ“ (до 800 модныхъ гравюръ по послѣднимъ фасонамъ лучшихъ мастеровъ).
12 №№ руководящихъ и выписныхъ работъ и выроекъ въ натуральную величину (около 600 рисунк. и чертеж.).
Стѣпной календарь на 1899 годъ, печатан. красками.
Иллюстрированное объявленіе о подпискѣ (высылается бесплатно).

Требованія адресовать въ Главную Контору журн. „НИВА“, С.-Петербургъ, Малая Морская. 22.

Большой семейный иллюстрированный и литературный журналъ

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ШЕСТЬДЕСЯТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

Издаваемый Спб. Акціон. Общ. печатнаго дѣла ИЗДАТЕЛЬ,

подъ редакціею извѣстнаго писателя А. К. ШЕЛЛЕРА
(А. МИХАЙЛОВА).

Съ 1-го января 1897 года изданіе журнала „Живописное Обзорніе“ перешло въ собственность Спб. Акціонернаго Общества печатнаго дѣла И З Д А Т Е Л Ъ. Присутствуя къ дальнѣйшему издательству журнала „Живописное Обзорніе“, Правленіе Общества издатель употребило всѣ зависящія отъ него усилія, чтобы въ 1898 году журналъ Живописное обзорніе отвѣчалъ современнымъ требованіямъ большого художественно-литературнаго журнала, какія предъявляются лучшимъ заграничнымъ изданіямъ этого рода. Въ литературномъ отдѣлѣ журнала Живописное обзорніе въ 1898 году были помѣщены большія оригинальныя произведенія, романы Великій старикъ В. И. Немировича-Данченка, На сѣверѣ Д. П. Муравлина (дн. Голицына, Особый мѣръ В. А. Рышкова, Полая вода А. И. Лемана, Побѣдителя З. Н. Гиппиусъ, Наслѣдство А. М. Федорова, не считая мелкихъ по размѣрамъ повѣстей и рассказовъ. Изъ иностранныхъ романовъ журналъ сдѣлалъ переводы Парижъ Э. Золя, Опора семьи А. Додэ Арахвѣя І. Эберса и др. Въ наступающемъ 1899 году будутъ приложены Правленіемъ и Редакціей всѣ силы къ тому, чтобы еще болѣе улучшить и оживить журналъ какъ въ художественномъ, такъ и въ литературномъ отношеніяхъ, что возможно только изданію, имѣющему въ своемъ распоряженіи, кромѣ пятидесяти двухъ объемистыхъ по формату и числу листовъ ежемѣсячныхъ номеровъ, еще двѣнадцать книгъ формата большихъ ежемѣсячныхъ журналовъ. Въ 1899 г. журналъ Живописное Обзорніе, не возвышая подписной цѣны, дастъ гг. подписчикамъ

Два самостоятельныхъ литературныхъ изданія:

1) ежемѣсячный семейный художественно-литературный журналъ.

52 иллюстрированныхъ номера изящной литературы исключительно извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ писателей. Каждый номеръ состоитъ, въ общемъ, изъ 2½—3-хъ листовъ большого формата, отпечатанныхъ на роскошной бѣлой бумагѣ съ 7—10 рисунками. При номерахъ журнала, между прочимъ, въ теченіе года выдается: 1. 12 номеровъ Парижскихъ новѣйшихъ модъ съ рисунками.—2. 12 раскрашенныхъ картинъ (модные дамскіе костюмы и рукодѣлія).—3. Рисунки для вышивки бѣлья, платьевъ и костюмовъ—шерстью, шурками, шелкомъ, золотомъ и проч.—4. 12 выкроекъ въ натуральную величину.—5. Рисунки для выпиливанія оригинальные разныхъ изящныхъ предметовъ, полезныхъ въ хозяйствѣ.—6. 12 новѣйшихъ музыкальныхъ пьесъ: романсы, танцы и проч.—7. Стѣнной календарь, отпечатанный цвѣтными красками. 2) ежемѣсячное литературное приложеніе **ДВѢНАДЦАТЬ БОЛЬШИХЪ ТОМОВЪ**. Подписная годовая цѣна прежняя на годъ съ дост. по Имперіи 8 р.—Безъ доставки въ Спб. 7 р.—въ Москвѣ 7 р. 75 к. На полгода съ доставкой по Имперіи 4 р.—На три мѣсяца 2 р.—Заграницу: на годъ—16 р. Разсрочка взносовъ на другіе сроки допускается, но по соглашенію съ главною конторою.

Главная контора журнала: Спб., Невскій просп., д. № 68—40.

Открыта подписка на 1899 годъ.

XII-й годъ
и з д а н і я .**„СѢВЕРЪ“**XII-й годъ
и з д а н і я .

еженедѣльный иллюстрированный литературно-художественный журналъ.

Подписки СѢВЕРА въ 1899 г. получаютъ:

52 №№ иллюстрированнаго журнала, изъ которыхъ съ цвѣтными рисунками извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ 12 №№. 52 №№ еженедѣльнаго обозрѣнія СѢверъ въ форматѣ газетнаго листа убористой печати. 12 №№ ежемѣсячнаго журнала Хозяйство и домоводство, въ которомъ будутъ даваться полезныя совѣты и указанія, необходимыя для сельскаго хозяйства и домашняго обихода. 12 №№ ежемѣсячнаго журнала Парижскія моды, со множествомъ рисунковъ въ текстѣ, выходящихъ одновременно съ однимъ изъ лучшихъ парижскихъ модныхъ журналовъ. 12 №№ выкроекъ на отдѣльныхъ большихъ листахъ, съ узорами, монограммами, рисунками дамскихъ рукодѣлій, вышиваній и пояснительнымъ текстомъ. 12 томовъ Библиотекы СѢвера, каждый томъ—объемомъ отъ 160 до 240 и болѣе страницъ плотнаго шрифта, въ которыхъ будетъ дано собраніе сочиненій ЮСИФА КРАШЕВСКАГО: 1. Два свѣта, 2. Панъ Твардовскій, 3. Осталъ Бондарчукъ, 4. Кунигасъ, 5. Ермола, 6. Лизъ Собѣсскій, 7. Мученица на тропѣ, 8. Древнее сказаніе, 9. Уляна, 10. Черный день, 11. Чудаки, 12. Гнѣвъ Божій. Въ отдѣльной продажѣ сочиненія эти стоятъ около 20 руб.

Романы и повѣсти І. Крашевскаго всегда пользовались большимъ успѣхомъ среди читающей публики. Кромѣ всѣхъ своихъ выдающихся литературныхъ достоинствъ, талантъ Крашевскаго обладаетъ еще и другимъ, неотъемлемымъ и незамѣнимымъ, качествомъ: каждое произведеніе, вышедшее изъ-подъ пера этого писателя, читается съ захватывающимъ интересомъ. Годовыя подписки СѢвера, кромѣ всѣхъ другихъ приложеній, получаютъ бесплатно

РОСКОШНЫЙ АЛЬБОМЪ

изъ 24 художественныхъ иллюстрацій на отдѣльныхъ листахъ въ собранію сочиненій

ГЕНРИКА САНКЕВИЧА:

Иллюстраціи эти, имѣя самостоятельное значеніе, какъ художественное произведеніе, еще болѣе рельефно выдѣляютъ полныя жизни и потрясающаго драматизма сцены, которыя созданы гениальнымъ перомъ знаменитаго художника слова.

Подписная цѣна остается прежняя:

6 руб. на годъ безъ доставки и пересылки въ С.-Петербургѣ. 7 руб. съ достав. и перес. во всѣ города Россіи; за границу на голъ 11 руб. На 6 мѣс. съ дост. и пер. 3 руб. 50 коп., на 3 мѣс. съ дост. и пер. 1 руб. 75 коп., на 1 мѣс. съ дост. и пер. 60 коп. Примѣчаніе. Бесплатныя бібліотеки и читальни, народныя и церковно-приходскія начальныя школы и училища, городскіе и сельскіе учителя и учительницы, сельскіе священники и діаконы, фельдшера и фельдшерницы, и волостныя правленія пользуются исключительнымъ правомъ получать журналъ СѢверъ, со всѣми къ нему приложеніями и преміями, на особо-льготныхъ условіяхъ, а именно: за 5 руб. съ дост. и перес. Подписка на льготные экземпляры принимается исключительно въ Главной конторѣ журнала СѢверъ (СПБ. Екатерининская 4).

ТОЛЬКО ДО 1 ФЕВРАЛЯ 1899 ГОДА.

и не иначе какъ на годичный срокъ не болѣе 1 экз. на каждое лицо или учрежденіе, безъ права передачи. Подписка адресуется въ Главную контору журнала СѢверъ, (СПБ. Екатерининская, 4) на имя издателя Н. О. МЕРТЦА.

Редакторъ А. А. Коринфскій.

Издатель Н. О. Мертцъ.

Журналъ „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за всѣ истекшіе годы въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Провѣденія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектантствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“; кромѣ того пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Провѣденія другихъ писателей, какъ-то: „Какъ всего проще и удобнѣе научиться вѣровать“? Собесѣдованія прот. А. Хойнадаго.—„Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. Н. Корсунскаго.—„Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Наллера.—„Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“. Библиографическій очеркъ. Свяд. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова.—Многія статьи о Владимѣрѣ Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ воихъ помѣщено „Изложеніе ученія каволической православной Церкви, съ уваженіемъ разностей, которыя заматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ проф. М. Остроумова.—„Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова.—„Церковно-религіозное состояніе Запада и вселенская Церковь“. Свяд. Т. Буткевича.—„Западная среднѣвѣвая мистика и отношеніе ея къ католицизму“. Историческое изслѣдованіе А. Бертеловскаго.—„Янчество и іудейство во времени вѣчной жизни Господа нашего Иисуса Христа“. Свяд. Т. Буткевича.—Статьи „о шундистахъ“. А. Шутаевскаго.—„Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществами“? В. Ковалевскаго.—„Основныя задачи нашей народной школы“. К. Истомина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова.—„О славянскомъ языкѣ въ церковномъ богослуженіи“. А. Струнникова.—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.—„Очеркъ современной умственной жизни“. А. Вѣллева.—„Очеркъ русской церковной и общественной жизни“. А. Рождествина.—„О церковныхъ плодеприношеніяхъ“. Н. Протопопова.—„Вторая книга „Исходъ“ въ переводѣ и съ объясненіями“. Проф. П. Горскаго—Шатонова.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова.—„О покой воскреснаго дня“. Доктора А. Вѣллева.—„Мысли о воспитаніи въ духѣ православія и народности“. Шестакова.—„Нагорная проповѣдь“. Свяд. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„Ученіе Стефана Яворскаго и Феофана Прокоповича о свят. Преданіи“ М. Савкевича.—„О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.—„Отношеніе раскола къ государству“. С. Г. С.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свяд. І. Арсеньева.—„Замѣлки о церковной жизни за-границей“. А. К.—„Сущность христіанской нравственности въ отличіи ея отъ моральной философіи графа Л. Н. Толстого“. Свяд. І. Филевскаго.—„Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Смирнова.—„Ученіе Канта о Церкви“. А. Кириковича.—„Православенъ-ли интегосципшоп, предлагаемый намъ старокаатоликами“. Прет. Е. К. Смирнова.—„Разборъ протестантскаго ученія о крещеніи дѣтей—съ догматической точки зрѣнія“. Проф. А. Мартинцова и проч.

Въ философскомъ отдѣлѣ журнала помѣщены статьи профессоровъ Академіи и Университета: А. Введенскаго, А. Зеленогорскаго, В. Кудрявцева, П. Липицкаго, М. Остроумова, В. Снегирева, П. Соколова и другихъ. А также въ журналѣ помѣщаются были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жюлье и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адреси лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначены, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь на предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на не полученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ назначеннаго на адресъ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала действительно не была получена конторою. Жалобу на не полученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначить, назначенный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція просимъ направлять по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплатили своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особыя заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 к.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи,
Протоіерей Іоаннъ Знаменскій.